

9.757

А. Захаров

Мухаммад
и
ал-Лугатин

АМШЕРА НАВОИ

80
У-757

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

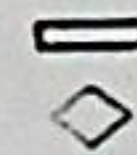
А. Усманов

Мухамад
ал-Лугатдин

1948

АЛИШЕРА НАВОИ

В АСПЕКТЕ ЕГО БОРЬБЫ ЗА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК
И УЗБЕКСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР
Ташкент — 1948

31135

ОТ РЕДАКЦИИ

Узбекский народ обладает богатейшей культурой, уходящей своими корнями вглубь веков. С полным основанием он может считать себя народом, принявшим равное участие в создании мировой общечеловеческой цивилизации.

Среди деятелей этой культуры одно из первых и почетных мест принадлежит великому узбекскому поэту и мыслителю Алишеру Навои.

Алишер Навои, несмотря на свою историческую ограниченность, в условиях феодально-клерикальной реакции высоко поднял знамя самого передового в те времена гуманизма. Он создал гениальные произведения художественного слова, в которые вложил свои великие идеи выдающегося мыслителя и в которых отражены все злободневные вопросы общественной жизни тех времен. Он стремился к высотам прогресса. Он своим творчеством открыл новый этап в развитии духовной культуры узбекского народа. Он поднял узбекскую классическую литературу на уровень мировой литературы.

На протяжении нескольких столетий он оказал очень большое, благотворное влияние на развитие прогрессивной литературы, общественной мысли и культурного движения на всем так называемом мусульманском Востоке. Недаром все последующие выдающиеся поэты Востока видели в нем гения поэзии.

До конца своей жизни он оказался верным своим словам:

„Если ты человек, то не называй человеком

Того, кто не заботится о народе.

Среди людей самый лучший тот,

Кто народу больше пользы принесет.

Считай своей профессией избавление народа от горя,

Этим сделаешь себя прославленным человеком“.

И действительно, Навои сделал себя таким прославленным в истории человеком.

Перу Алишера Навои принадлежит множество прекрасных произведений. Одним из ценных среди них является его „Мухакамат ал-лугатайн“, где он изложил многие свои воззрения по вопросам языка вообще, узбекского в частности.

Навои, резко ломая старые традиции, писал свои сочинения на языке своего народа и боролся за это. Это — факт огромной исторической важности.

В XV в. проблема узбекского языка приобрела весьма большое как научное, так и политическое значение и явилась одним из самых злободневных вопросов общественной жизни. Она была ареной острой классовой борьбы. Группа передовых людей во главе с Навои вела борьбу против монопольного положения персидского языка в науке и литературе; подобное положение сильно затрудняло проникновение знаний в народные массы, которым был чужд этот язык. Они вели борьбу за научные, жизненные и гражданские права узбекского языка и добивались того, чтобы на нем создавались научные и художественные произведения, чтобы он стал самостоятельным государственным языком. Это было связано с зарождением национального самосознания у передовых людей эпохи, с их стремлением к усилению политической, культурной и национальной самостоятельности, с их попыткой помочь народной массе приблизиться к просвещению.

Этот факт напоминает ту борьбу за национальные языки в некоторых европейских странах, которая, по словам Энгельса, сыграла большую роль в возникновении национальных государств.

В произведениях, написанных до Навои на узбекском языке, еще не были раскрыты все научно-литературные богатства узбекского языка, не было доказано, что узбекский язык не беднее знаменитого персидского языка, а наоборот, в некоторых случаях и превосходит его. К тому же узбекский язык, как и сам узбекский народ, был политически бесправен и заброшен. Навои сильно переживал эту несправедливость. Оплакивая горькую судьбу своего родного языка и народа, он писал:

„И этот цветущий сад (узбекский язык. В. З.), и эта сокровишница были до сего времени скрыты от людей, до их ценностей не дотрагивались человеческие руки... Во всяком случае, это преимущество тюркского языка перед персидским, его истинные тонкости и широкие возможности не были известны, в особенности в области поэзии, а также этот язык был посажен в дом замкнутости и даже был доведен до положения заброшенности“.

Навои говорит, что на персидском языке написано много хороших произведений, но узбекский народ не может пользоваться ими, поэтому надо и ему дать литературу на его языке. Он твердил, что „писать на этом языке есть народное дело“ и во всех своих поэмах утверждал, что, создавая свои произведения на узбекском языке, он преследовал именно эту цель.

Навои теоретически и практически блестяще показал и доказал, что узбекский язык имеет полное право на гражданство, на жизнь и на общее признание; что он обладает огромными потенциальными возможностями, богатством, тонкостью, гибкостью, благодаря чему он может служить прекрасным средством выражения любой научной и художественной мысли. Своим острым пером Навои нанес теоретический удар своим врагам, вскрыл фальшивость их доводов, выдвинутых против языка его народа.

Он с гордостью и полным основанием писал:

„Я показал красноречивость и тонкость, зрелость и широту тюркского (т. е. узбекского) языка... Я позволю себе думать, что я доказал мастерам слова тюркского народа великую истину, в результате чего они узнали о подлинном значении и выразительных средствах своего родного языка и о состоянии его словарного богатства и избавились от презрительных упреков пишущих по-персидски в отношении своего (узбекского) языка. И если им станет известно это скрытое (до сих пор) знание, которое я обнаружил своими трудами и стараниями, да позволительно будет надеяться, что они вспомнят обо мне доброжелательно молитвой и тем порадуют дух“.¹

Но трагедия заключалась в том, что на протяжении нескольких столетий как узбекский народ, так и его язык находились в угнетенном и притесненном положении. Только при советской власти были вполне оценены великие заслуги Алишера Навои. Узбекский советский народ, оглядываясь в прошлое, на пройденный им и его предками путь, выражает величайшую любовь своему советскому государству, большевистской партии, своим вождям Ленину и Сталину, благодаря которым он стал свободным и счастливым народом, а его язык, поруганный ранее, стал свободным, самостоятельным государственным языком, языком подлинной науки, литературы и искусства, средством приобщения узбекского народа к самому передовому социалистическому просвещению.

¹ Алишер Навои, „Мухакамат ал-лугатайн“.

Работа кандидата филологических наук тов. А. Усманова, посвященная исследованию лингвистических воззрений Алишера Навои по его произведению „Суждение о двух языках“, является плодом многолетней упорной, кропотливой работы. Она охватывает весьма интересные вопросы и в ней даны несомненно правильные выводы по многим важным проблемам. В то же время мы находим в ней и такие мысли автора, которые нуждаются в дальнейшей доработке и уточнении. Это вполне естественно, так как им подняты новые и до сих пор малоизученные, весьма сложные проблемы.

В целом работа А. Усманова о „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои поможет делу всестороннего изучения лингвистического наследия великого узбекского поэта и мыслителя.

Научная общественность должна помочь автору своими советами и соображениями по выдвинутым в его работе вопросам, нуждающимся в уточнении, а также поставленным с целью обмена мнениями.

Член-корреспондент АН УзССР
В. Захидов

I

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ „МУХАКАМАТ ал-ЛУГАТАЙН“ НАВОИ

„Мухакамат ал-лугатайн“ является одним из наименее изученных произведений Алишера Навои. Западноевропейские ученые последних столетий не уделяли должного внимания не только этому произведению Навои, являющемуся замечательным памятником истории развития узбекского литературного языка, но вообще мало занимались изучением языков тюркской системы, в особенности узбекского языка. Они пренебрегали ими, недооценивали их или изучали их с миссионерской целью. Основное внимание их было сосредоточено на изучении классических языков.

Касаясь вопроса об изучении тюркского языка вообще, Н. Я. Марр говорит, что „...из числа наименее изученных в его особенностях, в его коренных сменах является турецкий язык“¹.

Нам кажется, что отсутствие исследований по „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои объясняется именно этим.

Н. Я. Марр отмечает, что ученые Запада не уделяли должного внимания тюркскому языку, считая тюркские народы „невеждами и варварами“ и отдавая предпочтение двум другим мусульманским языкам. Он пишет: „...турецкому и в европейской научно-исследовательской работе не отводится то место, которое уделяется арабскому и персидскому“².

Опровергая антинаучную и антинародную характеристику тюркских народов, данную буржуазными учеными, в частности, характеристику французского ориенталиста Huart³ Н. Я. Марр указывает, что новое учение об языке выдвигает положение об отведении им (т. е. латинскому и греческому

¹Н. Я. Марр, О лингвистической поездке в восточное средиземноморье, М.-Л., 1934, стр. 92.

²Там же, стр. 10.

³Там же, стр. 19.

языкам. А. У.) места как историческим категориям, а не как фетишам. Что касается тюркского, то „...тюркский язык,—говорит далее Н. Я. Марр,—оказался проблемой исторического порядка, имеющей все основания стать рядом с греческим чудом“¹.

Некоторый интерес к „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои начинает проявляться только в первой половине прошлого столетия. Это произведение впервые, в учебных целях, было издано в 1841 г. в Париже французским ориенталистом Катремером, в хрестоматии восточной тюркской литературы, где он уделяет этому труду внимание преимущественно с филологической точки зрения.²

Двадцать лет спустя, т. е. в 1861 г., другой французский ориенталист М. Белен в статьях о жизни и творчестве Навои подчеркивает заслуги поэта в развитии родного языка. По его мнению, Навои своей книгой „Мухакамат ал-лугатайн“ и своими произведениями „положил начало патриотизму“.

„Гордый своим происхождением и принадлежностью к тюркскому народу,—писал Белен,—он доводил свой патриотизм (хотя и писал неплохо на персидском языке) до того, что считал персидский язык как в прозе, так и в поэзии, гораздо ниже своего родного тюркского языка, который в его глазах имел несомненное и неоспоримое превосходство“... „...Он положил начало патриотизму, прибегнув к национальному языку тюрки, неоспоримо и неопровержимо утвердив его“³.

Известный востоковед Вамбери утверждает, что Навои „...сделался знаменитым, как отличный государственный муж, искусный полководец и как остроумный и плодовитый писатель. Хотя он и не был основателем восточно-тюркской литературы, как все принимают это, но все-таки своими бесчисленными сочинениями на турецком языке, так же как и ревностью в защите турецкого национального элемента против предубеждения и насмешек иранских литераторов, заслужил глубокую признательность, которую изъявили ему при жизни и после его смерти его соотечественники. Три с половиною века протекло уже с его кончины, а его творения, хотя и не везде понимаемые народом, составляют домашнее сокровище каждого узбека“⁴.

¹ Н. Я. Марр цит. работа, стр. 20, 27.

² Chrestomathie en turc oriental, Contenant plusieurs ouvrages de l'Emir Ali Chir, publiés par M. Qatremère, 1 fascicule, Paris, 1841, p. 1—39.

³ M. Belin, Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Schir Nevâii, Journal asiatique, Ser. V, t. XVII, Paris, 1861, p. 221—222.

⁴ Г. Вамбери, История Бухары, 1873, стр. 273.

Русский ученый тюрколог Н. И. Ильминский, исследуя „Мухакамат ал-лугатайн“, также замечает, что великий поэт был почти единственным или, по крайней мере, могущественнейшим борцом за родной язык¹.

Но все эти ученые в своих исследованиях отдавали должное Алишеру Навои как выдающейся личности, но как поэту, как основоположнику узбекского литературного языка уделяли мало внимания, извращали его литературное творчество, считая его поэтические произведения, без серьезного сравнительного критического изучения, простым подражанием персидской поэзии. Вследствие этого, подобное грубое искажение литературного творчества гениального узбекского поэта Алишера Навои привело к снижению исторического значения его научного трактата „Мухакамат ал-лугатайн“.

Другой русский востоковед акад. В. В. Бартольд в 1917 г. писал: „...поэзия Али-Шира была только подражательной. Мир-Али-Шир старался доказать, что турецкий (т. е. тюркский. А. У.) язык не хуже персидского, и для этой цели писал на турецком (т. е. на тюркском. А. У.) языке произведения вроде тех, какие были известны ему в персидской литературе, иногда под теми же заглавиями“².

В связи с усилением буржуазно-националистического движения и возникновением проблемы родного языка уже в условиях буржуазного развития Турции, Крыма и Туркестана, со второй половины XIX в. „Мухакамат ал-лугатайн“ начинает вновь приобретать актуальность и переводиться на турецкий и крымско-татарский языки. Так, например, в 1882 г. в Бахчисарае (Крым) это произведение было издано известным националистом Гаспринским в извращенном переводе на крымско-татарский язык³. Спустя несколько лет, в 1897 г. появляется стамбульское издание „Мухакамат ал-лугатайн“, выпущенное в свет издателем стамбульской газеты *اقدام* „Икдам“ Ахмедом Джавидом, под редакцией проф. Наджиба Асима, с приложением перевода на турецкий язык, выполненного Махмудом ибн Мавляна Валадом, и биографии Навои, составленной Наджибом Асимом⁴.

¹ Н. И. Ильминский, Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка, Казань, 1862, стр. 36. Цитир. по А. К. Боровкову „Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка“, в книге „Алишер Навои“, М.-Л., 1946, стр. 117.

² В. В. Бартольд, Из прошлого турок, 1917.

³ *محاكمة اللغتين مير علي شيرنوايي*, Бахчисарай, 1882.

⁴ *محاكمة اللغتين مير علي شيرنوايي*, Стамбул, 1897.

В начале XX в., в связи с некоторым усилением буржуазного развития в Средней Азии уже в колониальный период, родной язык начинает приобретать все большую актуальность и политическую остроту. На языках народов Средней Азии начинают издаваться книги, журналы и газеты. Усиливается буржуазно-националистическое движение — „джадидизм“.

В первые годы советской власти и вплоть до 1937 г. реакционно-буржуазные националисты, меняя свою платформу, пытались истолковать произведения Навои в свете своих реакционно-пантюристских и панисламистских идей.

Именно в этих целях в 1917 г. националисты издают „Мухакамат ал-лугатайн“ литографским способом в г. Коканде (Фергана)¹.

Вместо предисловия к этому изданию был помещен отрывок из статьи о Навои, напечатанный в энциклопедии قاموس الاعلام „Камус ал-А'лам“. В этом издании прозвище, обозначающее поэтическое достоинство Навои صاحبقران („человек, рожденный под счастливой звездой“, т. е. в смысле „могущественный покоритель слов“), данное ему Хусейном Байкара и приведенное им же (Навои) в „Мухакамат ал-лугатайн“, было напечатано в виде صاحب قرآن, т. е. „обладатель корана“, „поклонник корана“.

После революции это произведение Алишера Навои впервые появляется в Ашхабаде в 1925 г., в националистически извращенном виде, в туркменском переложении², снабженном специальным предисловием, где Навои представлен в пантюристском освещении³.

Наконец, в 1940 г. в Ташкенте, в связи с проведением пятисотлетнего юбилея со дня рождения Алишера Навои, появляется издание „Мухакамат ал-лугатайн“ под редакцией проф. А. К. Боровкова, выпущенное на новом латинизированном алфавите. Издание было подготовлено научными работниками Института языка и литературы Узбекистанского филиала АН СССР (нынешней Академии Наук УзССР)—автором настоящей работы и П. Шамсиевым⁴ и снабжено

¹ محاكاة اللغتين اثر امير نظام اردين عليشير الزوايي كوكاند، 1917، стр. 19; так как не указана дата издания, нам пришлось определить ее по рукописи, где имеется на 39 стр. пометка издателя о том, что рукопись переписана 20 декабря 1916 г.

² محاكاة اللغتين اثر امير آلشير ناوايي آشخاباد، 1925، стр. 90.

³ Там же, стр. 7—8.

⁴ Alişer Navaij, Muhakamatul-Luqatajn, Taşkent, 1940, стр. 83, из них текст самого „Мухакамат ал-лугатайн“ занимает стр. 14—43.

приложением текста „Мухакамат ал-лугатайн“ на современном узбекском языке,¹ словаря труднопонимаемых слов,² указателя имен,³ а также специальной статьи о „Мухакамат ал-лугатайн“, написанной лицами, подготовившими данное издание⁴.

Описываемое издание „Мухакамат ал-лугатайн“ отличается от предыдущих еще тем, что при подготовке издания, во избежание ошибок и неточностей в тексте (так как старых достоверных рукописей этого сочинения Навои пока не обнаружено), были критически оценены все пять ранее выпущенных изданий и приняты за основу три из них: парижское, стамбульское и кокандское; на каждой странице нового издания указывались те ошибки, извращения, неточности или разногласия, которые имелись в том или ином издании.

Однако надо признаться, что существенным недостатком последнего издания „Мухакамат ал-лугатайн“ является отсутствие арабского текста и хотя бы самого краткого лингвистического анализа, комментирующего типичность и убедительность языковых фактов и примеров, приведенных в „Мухакамат ал-лугатайн“.

Как известно, творчество Алишера Навои оказало огромное культурное влияние на дальнейшее развитие узбекской литературы, а также литературы других тюркских народов. В течение пяти столетий народы Средней Азии свято чтят бессмертный образ гениального поэта и хранили его замечательные поэтические творения. Роль и значение его произведений были особенно велики в развитии узбекской литературы и узбекского литературного языка. Поэты последующих поколений учились у Навои, воспитывались на его произведениях, писали назидания, составляли многочисленные словари и комментарии к его произведениям и продолжали его традиции. Таким образом, поэмы Навои, их язык на протяжении веков служили одним из основных источников развития узбекского литературного языка и образцом поэтического мастерства.

Значение и сфера влияния творчества Навои не ограничивались рамками Средней Азии. На протяжении пятисот лет он стал известен в Иране, Турции, Азербайджане, Крыму, Татарии, Казахстане, а также в Восточном Туркестане и в некоторых частях Индии. „Можно с уверенностью сказать,— говорит известный востоковед А. А. Ромаскевич,— что инте-

¹ Там же, стр. 43—67.

² Там же, стр. 69—83.

³ Там же, стр. 67—69.

⁴ Там же, стр. 5—14.

рес к изучению языка... (на котором писал Навои. А. У.) поддерживался в громадной части мусульманского Востока благодаря лишь такому литературному факту, как произведения Мир-Али Шира¹. В связи с интересом к творчеству Навои, как при жизни, так и после его смерти, стали появляться словари, комментарии и т. д., хотя перспектива развития староузбекского языка, намеченная Алишером Навои в „Мухакамат ал-лугатайн“, не получила в дальнейшем прямого и последовательного развития.

По утверждению Н. Я. Марра, Навои был известен в Грузии еще в XVII в. Он говорит, что „...грузины эпохи Возрождения, одновременно с образцами персидской литературы, знают лучшего представителя золотой эпохи турецкой (т. е. тюркской. А. У.) литературы Шир-Навои; так, например, поэт первой половины XVII в. Нодар Нарсаданисдзе сообщает нам в предисловии к Баграм-гуриани: „Навои изложил эту повесть на чагатайском языке... Можем ли мы кого-либо представить себе равным ему, как стихотворца, еще и Джами изложил в стихах ее по персидски“. Отсюда видно, что писателям эпохи Возрождения были доступны и образцы турецкой (т. е. тюркской А. У.) литературы“².

Влияние Навои сказалось на развитии турецкого, азербайджанского, татарского и других языков. Знаменитый азербайджанский поэт XVI в. Фузули с большим уважением относился к Навои, как к своему учителю, поэтическому воспитателю, учился у него стихотворной технике и поэтическому мастерству, черпал из его богатейшей сокровищницы образы, сравнения, метафоры и т. п.

Выдающийся татарский ученый недавнего прошлого Каюм Насыри (1825—1902) также глубоко чтит Навои и его литературное творчество. Он высоко ценил заслуги Навои, его роль и значение в развитии литератур тюркских народов.

Признавая себя учеником Навои и правильно понимая мысли и доводы великого поэта, высказанные им в научном трактате „Мухакамат ал-лугатайн“, Каюм Насыри пришел к выводу, что татарский язык также является не говором в системе „общетюркского языка“, а самостоятельным языком, поэтому он должен развиваться самостоятельно. Таким образом, татарский ученый Каюм Насыри, в противоположность пантюркистам, правильно толкуя мысли Навои, боролся за

¹А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. Сборник „Мир-Али-Шир“, 1928, стр. 83.

²Н. Я. Марр. Из грузинско-персидских литературных связей. Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее, 1925, т. 1, стр. 114.

своей родной язык, за культурно-политическую самостоятельность своего народа.

Как мы видим, на протяжении веков поэты, писатели и ученые тюркских народов истолковывали Навои не националистически. Они не стремились найти в его творчестве, в его „Мухакамат ал-лугатайн“ идеи, задевающих интересы других народов. Наоборот, беря пример с Навои, вдохновляясь его патриотической борьбой за родной язык, они учились у него и широко использовали его богатое литературное наследие в деле развития родного языка и родной литературы, в деле создания национальной культуры для своего народа и высоко чтили его светлую память. Они черпали жемчужины из его сокровищницы, так как Навои проповедывал гуманистические идеи.

Если большинство поэтов и ученых, вышедших из других тюркских народов, правильно поняло литературные замыслы, теоретические рассуждения и патриотические идеи Навои, то в противоположность им буржуазные националисты и пантюркисты националистически и антинаучно истолковывали Навои, фальсифицировали его творчество, извращали его идеи, высказанные им в „Мухакамат ал-лугатайн“. Они всячески стремились использовать творчество Навои, особенно его „Мухакамат ал-лугатайн“, в своих пантюркистских целях.

Основной платформой их борьбы являлись язык и литература, опирающиеся на „великое прошлое тюрков и их единое происхождение из тюркского корня“. Язык и литература были использованы ими для проповеди „учения“ о „тюркском единстве“, о „единой тюркской нации“, о „создании великой тюркской империи“, основным источником, местом зарождения которого являлась Турция. Крупнейшие буржуазные идеологи пантюркизма в Турции—Копрюлю-заде, Наджиб Асим и др., всячески пытались доказать, что тюрки издавна представляют собой единое „национальное“ целое; для того, чтобы представить тюрков монолитным и могущественным народом, термин „turk“ употреблялся у них, как правило, с приложением высокого эпитета „голубой“ и „небесный“ (кюк). Заимствовав из древнетюркских текстов только этот термин, они трактовали его как синоним „народного единства“ и „благородного происхождения“¹.

„Любопытно, что современная турецкая историография,—говорит в своем замечательном исследовании проф. А. Бернштам, разоблачая тенденциозность и антинаучность ее исторической концепции,—стала на ложный путь интерпрета-

¹А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков, М.-Л., 1946, стр. 85—86.

ции явления, отмеченного древнетюркскими текстами. Ухватившись за термин *kök türk*, турецкие историки пытаются представить дело так, что „благородная голубая“ кровь предков, носителей культуры и цивилизации, разливалась по жилам всего тюркского народа. Рассматривая древнетюркское общество, как единое государство без классов,—говорит далее А. Бернштам,—они преподносят о нем такое далекое от действительности представление, что нельзя не сомневаться в тенденциозности, нарочитом подтасовывании фактов. Так, например, в четырехтомнике „*Tarih*“, представляющем собой официальную историческую концепцию, глава *Asyada „Gök Türk“ Imperatorlugu*¹ сведена к тощему перечислению фактов политической истории тюрков, на основании, главным образом, китайских данных. Мировым документам тюркской истории, литературы и языка—орхонским текстам—отведен небольшой параграф в одну страничку: *Orhon kitabeleri*.² Явление это далеко не случайно. Орхонские тексты, написанные в период известного политического кризиса древнетюркского общества, очень откровенны. В них недвусмысленно указаны причины гибели тюркского общества, отмечена роль „черного народа“ (т. е. *qara budun*. А. У.) в разрушении тюркского эля и т. п.³

Таким образом, турецкая историография, желая доказать древность тюркского общества, его „благородное происхождение, монолитность и могущество“, в поисках тюркского начала углубляется вплоть до палеолита (!?).

Вдохновленные пантюркистскими „учениями“ турецких идеологов, буржуазные националисты и пантюркисты Узбекистана, следуя по их стопам, тоже вели пропаганду об „извечности существования тюркского народа“, „благородном происхождении“, „былой самостоятельности“ и „былом владычестве“.

Отрицая самостоятельность узбеков, киргизов, казахов, туркмен и т. д., как самостоятельных народов, самостоятельных наций, и считая их племенами „великой тюркской нации“, они стремились создать общую единую культуру для этих народов с „высшим, единым тюркским языком“. Организованная в первые годы Октябрьской социалистической революции пантюркистами группа „Чагатай гурунги“ преследовала именно такую цель. Свою контрреволюционно-национали-

¹ *Tarih*, 1933, т. II, гл. VIII стр. 51 (примечание А. Бернштама)

² Там же, стр. 51.

³ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.-Л., 1946, стр. 85.

стическую работу она проводила под лозунгом „защиты узбекского языка“.

В целях осуществления своих антинаучных и контрреволюционных идей, буржуазные националисты, пантюркисты всячески старались использовать творчество Навои в своих националистических интересах, извращая его мысли и прогрессивные идеи, фальсифицируя и националистически толкуя его глубоконаучный и патриотический трактат „*Мухакамат-ал-лугатайн*“. „Вдохновленные“ особенно его сочинением „*Мухакамат ал-лугатайн*“, пантюркисты сделали Алишера Навои своим знаменем в борьбе за общетюркский язык и всеобщую пантюркистскую культуру. Поэтому они начали свою работу именно с „чистки“ узбекского языка от всех иностранных и заимствованных слов не „тюркского происхождения“. Они объявили „войну“ против иностранных слов, за изгнание их из узбекского языка. Подобная ультрапантюркистская „чистка“ узбекского языка одновременно сопровождалась националистическим словотворчеством в духе буржуазного пуризма, как это наблюдалось в свое время у славянофилов и немецких пуристов: изгнание иностранных заимствованных терминов, в особенности таких, которые проникали из русского языка или через посредство его. Напротив, охотно допускалось и даже усиленно рекомендовалось обогащение узбекского языка путем возрождения архаических, мертвых или искусственных слов. Так, например, *очун* вместо *дун'ё* (мир, вселенная), *осиф* вместо *фойда* (польза), *балиқ* вместо *шаҳар* (город), *қотоғон* вместо *ман'* (запрещение), *битик* вместо *китоб* (книга), *ёзғич* вместо *қалам* (карандаш), *ер билиги* вместо *жуғрофия* (география), *ўсимлик билиги* вместо ботаника, *ўртоқлик* вместо коммуна *чопорхона* вместо почта, *чўқуч* вместо аэроплан, *тўр* вместо президиум, *ўтолоч* вместо трактор и т. д.

Под предлогом такой националистической чистки они на деле стремились затруднить, затормозить приобщение узбекского народа к культуре великого русского народа, а главное—обострить вражду, усилить раздражение и взаимонепонимание между ними. Они стремились создать националистические перегородки, националистическую обособленность, доказать различие интересов народов Средней Азии. Их требование „равноправия нации“ означало на деле проповедь национальной исключительности и шовинизма.

Таким образом, буржуазные националисты и пантюркисты, под лозунгом „защиты узбекского языка“ и „общетюркской национальной культуры“, протаскивали свои контрреволюционные идеи.

„Мухакамат ал-лугатайн“ Алишера Навои приводилось в качестве одного из „блестящих доказательств“ и „духовных источников“ их реакционной теории. Они совершенно игнорировали основные концепции, прогрессивные идеи Навои, высказанные им в „Мухакамат ал-лугатайн“. Антинаучно и ультранационалистически толкуя „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои и его творчество в целом, пантюркисты провозгласили его „всеобщим отцом“ тюркских народов и „знаменем“, ретроспективного национализма и пантюркизма.

В 1926 г. в Баку даже был проведен „юбилей“ Навои, которым националисты воспользовались для протаскивания своих идей. После разоблачения националистов и пантюркистов они переменили платформу и перешли к тактике маскировки революционными фразами. Они стали отрицать богатое культурное наследие узбекского народа, всячески старались вытравить из него все, что было созвучно с нашей эпохой, все, что смыкало с нашей социалистической действительностью, с нашей культурой, национальной по форме, социалистической по содержанию. Отбрасывая из культуры прошлого все наиболее ценное и прогрессивное, они брали только реакционные моменты, объявляя их лучшим наследием. Искжая сущность творчества Навои, буржуазные националисты и пантюркисты изображали его как мистика, как проповедника суфизма, национальной обособленности.

Богатое культурное наследие узбекского народа они объявили „мракобесием“, „искусством для искусства“, „служанкой развратных шахов и ханов“, несовместимым с нашей современной действительностью, с нашей культурой.

Говоря о литературе XV в., они противопоставляли Восток Западу, отрицая возможность применения идей марксизма к Востоку, ссылаясь на „своеобразие“ Востока. Они кричали, что „Восток, как комбинат своеобразных явлений, нельзя измерять нормами и продукцией Европы“. Исходя из такой антинаучной „теории“, они объявили литературу XV в. порождением теории „искусства для искусства“, порождением мистицизма, суфизма.

Таким образом, в своей последней платформе, маскируясь революционными фразами, буржуазные националисты и пантюркисты пытались привить узбекскому народу в области языка и литературы национальный нигилизм, отрицательное отношение к своему прошлому — к своей истории, языку, литературе, лучшим национальным традициям. Они пытались протащить среди народа клеветнические „теориейки“ о том, что у узбекского народа не было своего культурного

наследия, которое могло бы быть использовано при создании новой социалистической культуры. Эта платформа, эти „теориейки“ были, безусловно, одной из форм пантюркистской идеологической диверсии, имевшей целью подорвать духовную мощь узбекского народа, его веру в собственные силы, в свою самостоятельность, в свою способность создать культуру — социалистическую по содержанию, национальную по форме.

Вульгарные социологи слепо шли на поводу у пантюркистов, впоследствии разоблаченных как врагов народа, и повторяли антинародные и антимарксистские теории. Маскируясь революционными фразами и заявлениями о новой социалистической культуре, они утверждали, что культурное наследие узбекского народа не может быть использовано для создания социалистической культуры, что оно является сплошь реакционным и мистическим. Исходя из такой антинаучной и антимарксистской концепции, вульгарные социологи характеризовали Навои, как реакционного мистика и певца дворцовой аристократии. Они вели открытую борьбу против него, против его прогрессивных идей и стремлений.

Не ограничиваясь отрицанием ценности культуры, созданной узбекским народом, и характера ее общности для народов Средней Азии, социологи доходили до такого абсурда, что великие творения Алишера Навои и узбекскую литературу эпохи тимуридов в целом считали „не имеющими никакого отношения к современному узбекскому языку“, что „язык этот есть исчезнувший чагатайский язык“. Под лозунгом — против „чагатаизма“ — пантюркизма, панисламизма — вульгарные социологи на деле пропагандировали антинародные, антимарксистские, пантюркистские идеи.

Таким образом, как пантюркисты, так и вульгарные социологи нанесли огромный вред делу изучения и использования богатого культурного наследия Алишера Навои, искажая его подлинный облик, извращая его борьбу за родной язык, родную литературу и фальсифицируя его глубоко научный трактат „Мухакамат ал-лугатайн“.

В 1938 г., в связи с опубликованием решения правительства о праздновании пятисотлетия со дня рождения Алишера Навои, начинается широкая исследовательская работа по изучению его культурного наследия, которая окончательно разоблачила вздорность и антинаучность отношения к Навои буржуазных националистов, пантюркистов, а также вульгарных социологов, отрицавших прогрессивную роль мировоззрения, идей и стремлений великого узбекского поэта и мыслителя.

В результате появился ряд работ по изучению „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои,¹ которые окончательно опровергнули антинаучные теории, извращающие взгляды Навои на родной язык и родную литературу.

Среди этих работ особенно выделяется интересная статья проф. А. К. Боровкова „Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка“². Автор работы, наряду с определением природы узбекского литературного языка эпохи Навои и выяснением его специфических особенностей, подробно останавливается на сущности и значении „Мухакамат ал-лугатайн“³. Проф. А. К. Боровков пишет: „по сути дела не о языке только идет речь в этой книге (т. е. в „Мухакамат ал-лугатайн“—А. У.), в ней кроется и другая мысль, мысль о судьбах родной литературы вообще. Признанный современностью, великий поэт и мудрый учитель Алишер Навои справедливо почитал заслугой всей своей жизни то, что он заложил прочные основы родной литературы в условиях, когда авторитет блестящей персидской поэзии, прошедшей многовековой путь развития и увенчанной славными именами непревзойденных мастеров слова, был абсолютно непререкаем, когда персидская поэзия представлялась недостижимым образцом для подражаний“⁴.

„Борьба за родную литературу, — говорит проф. А. К. Боровков, развивая далее свою мысль, — означала для Алишера Навои одновременно и борьбу за создание литературного языка“⁵. Далее, для оценки заслуг и творческой роли Алишера Навои и создания узбекского литературного языка он проводит очень удачную аналогию (конечно, условно) исторических условий развития литературных языков во Франции, в России и в Узбекистане: „Борьба за родной язык в условиях, когда

литературным языком служит усвоенный ненациональный язык, является знаменем времени, насущным требованием исторического развития. И если в этом смысле мы задумали бы оценить заслуги Алишера Навои и его роль в создании узбекского литературного языка, то мы могли бы найти аналогию для его „Спора двух языков“ в „La defense et illustration de la langue française“ знаменитого француза Дю-Белле, выступившего в 1549 г. с лозунгом замены латыни французским языком и впервые громко провозгласившего, что французский язык обладает всеми возможностями и достоинствами языка литературного. Идея Алишера Навои и его огромный труд в преобразовании родного языка мы могли бы сравнить с идеями и трудами одареннейшего русского ученого и поэта М. В. Ломоносова“¹.

Хотя заслуги Алишера Навои и его роль в создании узбекского литературного языка и определены правильно и очень удачно в условной аналогии, приведенной проф. А. К. Боровковым, но основная идея Навои, вытекающая из „Мухакамат ал-лугатайн“, показана нам кажется, односторонне и недостаточно полно. Эту идею он видит только в противопоставлении родного языка языку персидскому и в доказательстве преимуществ родного языка в развитии литературы: „Идея этого сочинения Навои заключается в противопоставлении родного языка языку персидскому и в доказательстве преимуществ родного языка в развитии литературы“². Причину, побудившую Алишера Навои написать свое сочинение „Мухакамат ал-лугатайн“, А. К. Боровков также объясняет исходя из вышеприведенного тезиса. Он пишет, что при жизни Алишера Навои персидский язык продолжал господствовать в литературе, что и побудило его написать свой „Спор двух языков“ и показать современникам, что родной язык может и должен быть языком литературным, что в ряде случаев он не уступает, а превосходит персидский язык богатством словаря и гибкостью грамматических форм“³.

Таким образом, А. К. Боровков недостаточно раскрыл истинную сущность, социальную сторону вопроса, не до конца определил подлинную идею „Мухакамат ал-лугатайн“.

Говоря о насущном требовании исторического развития, проф. А. К. Боровков не раскрывает, в чем заключается это требование. Далее, проф. А. К. Боровков не говорит, в каком именно смысле Алишер Навои является основоположником узбекского литературного языка, ибо узбекская лите-

¹ Там же, стр. 97—98.

² Там же, стр. 93.

³ Там же, стр. 95.

¹ Проф. А. К. Боровков, Изучение жизни и творчества Алишера Навои (сборн. „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 11—30); А. Усманов, „Суждение о двух языках“ (там же, стр. 92—111); Х. Алимджин, Борьба Навои за узбекский язык (журн. „Литература и искусство Узбекистана“, за 1940г.); А. Усманов и П. Шамсиев, Великий литературный манифест (газ. „Кзыл Узбекистан“, 30/I—1941г.); А. Усманов, О лингвистических воззрениях Навои (газ. „Укутучилар газетаси“ 9/IV—1941 г.); А. Усманов, „Мухакамат ал-лугатайн“ и лингвистические воззрения Навои (Известия УзФАН, 1940, № 3 стр. 40—53).

² Когда настоящая работа была уже закончена, нам удалось ознакомиться с работой проф. А. К. Боровкова, напечатанной в сборнике статей „Алишер Навои“, изд. Института востоковедения АН СССР, Ленинград, 1946. Более подробно об этой работе см. в статье М. А. Салье, „Новый вклад в изучение эпохи Навои“, Журнал „Звезда Востока“, Ташкент, 1946, №12, стр. 62—64.

³ А. К. Боровков, указ. сбор., стр. 92—98; 104—107.

⁴ А. К. Боровков, указ. сбор., стр. 92.

⁵ А. К. Боровков, указ. сбор., стр. 92.

ратура существовала и до Навои и получила значительное развитие в творчестве таких замечательных узбекских поэтов, как Лютфи, Саккаки и т. д. Кроме того, он не вскрыл основных недостатков и ошибок Навои, заключающихся в ограниченности его мировоззрения эпохой и в некоторой тенденциозности его выводов.

Как показывает наше исследование, Навои, преследовал не только лингвистические цели, а ставил перед собой гораздо более широкие, культурно-политические, исторические задачи. Литература для Алишера Навои не являлась самоцелью, основной идеей. Истинное назначение „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои заключается в желании поднять культуру узбекского народа, просветить массы и добиться культурно-политической самостоятельности своего народа. Но путь ко всему этому Навои видел в развитии родной литературы, родного языка. Борьба за родной язык, родную литературу являлась в глазах Навои одним из основных методов, мощным средством его борьбы за поднятие культуры и просвещения, за культурно-политическую самостоятельность народа.

Учитывая все это, автор настоящей работы, посвященной изучению „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои, стремился дать не только лингвистический анализ этого научного труда, но также истолковать его в социально-политическом и историческом аспекте, выявив на основе марксистского учения о языке его социальную сущность и историко-филологическое значение в разработке истории узбекского языка и характеризовав самого Навои, как борца-патриота за родной язык, за родную литературу, как просветителя узбекского народа.

Базой для нашего изучения служил текст „Мухакамат ал-лугатайн“, изданный французским ориенталистом Катремером в 1841 г. в Париже¹. Считать этот текст „Мухакамат ал-лугатайн“ критическим и вполне соответствующим оригиналу XV в., конечно, трудно. Но так как других достоверных рукописей этого сочинения Навои нет и пока не обнаружено, в наших библиотеках их не числится, да и за рубежом число их ничтожно, то при существующем положении нам пришлось пользоваться именно указанным материалом.

¹. См. примечание 2 на стр. 4.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ДО ЭПОХИ ТИМУРИДОВ

Произведение Алишера Навои „Мухакамат ал-лугатайн“ („Суждение о двух языках“), написанное им незадолго до смерти, т. е. в 1499 г. (по мусульманскому летоисчислению в 905 г.), является одним из интереснейших научных трудов об узбекском языке.

Это исследование продиктовано не столько лингвистическими интересами Навои, сколько гуманистическими и патриотическими побуждениями, его борьбой за родную литературу и культуру. В связи с этим „Мухакамат ал-лугатайн“ является замечательным памятником узбекского языка одним из последних произведений Навои, представляющим высшее воплощение и обобщение его патриотических и художественных исканий и замыслов. Его теоретические рассуждения о языке и литературе, изложенные в этом научном трактате, вытекали из потребности дать идеологическое обоснование и осмысление той новой роли, которую был призван отныне играть родной язык.

„Мухакамат ал-лугатайн“ освещает интереснейший период в истории староузбекского литературного языка, когда со всей серьезностью осознается роль и значение родного языка и родной литературы.

Определяя основные этапы развития узбекского языка, Навои делает краткий экскурс в историю, связывая судьбу староузбекского языка и узбекской литературы с историческими этапами развития страны. Он дает краткий обзор языковых отношений в эпоху арабского завоевания, иранского владычества и в эпоху тимуридов и анализирует литературные традиции, существовавшие до него.

Навои придавал языку исключительное значение в развитии культуры и литературы, поэтому он уделял основное внимание этим вопросам. Однако понятие языка в его толковании теснейшим образом связывается с понятием, литературы и поэзии. Он рассматривает язык, как орудие,

Библиотека Института
Филиал А.Н. СССР

36178

как форму поэтического творчества, как средство художественной выразительности, поэтому история староузбекского литературного языка в его обозрении неизбежно переплетается с историей узбекской литературы. Исходя из такой постановки вопроса, Навои связывает историю развития родного языка с конкретными историческими условиями каждой эпохи.

Навои выделяет три исторических этапа в развитии староузбекского языка, вытекающие из определенных литературных традиций: 1) период арабского завоевания, 2) период иранского владычества и 3) период тюркского господства.

Вспомним основные этапы истории.

Как известно, крупнейшим историческим событием, происшедшим в истории Средней Азии в период раннего средневековья, явилось завоевание страны арабами, начатое ими в середине VIII в. Завоевав страну и укрепив в ней свое господство, арабы стали насаждать среди тюркских племен арабскую культуру. Обращение тюркских народностей в мусульманскую религию и, в связи с этим, распространение среди них арабского языка и арабской образованности—все это, безусловно, сильно помогало арабам в выполнении их колонизаторской задачи.

В художественной литературе, в науке, в деловых актах и в живой речи высшего придворного сословия был принят язык завоевателей—арабский. „Характерной чертой литературной продукции среднеазиатских народов этого времени является то, что вся она целиком на арабском языке. Местные языки как будто совершенно устранились“¹.

Об этой эпохе Навои пишет:

تا ملک عرب خلفا سی و ستمینی و ایردی نکل اول وقتدا نظم دبیر بغیر عرب تیلی بلیه جلوه بریدی

То есть:

„Во времена, когда страна находилась под владычеством арабских халифов и царей, поэты воспевали вселенную на арабском языке“².

Когда власть над громадными пространствами Азии очутилась в руках арабов, арабский язык стал не только государственным, но и научным, философским и литературным языком. Больше того: как в средние века латинский язык в Западной Европе и церковно-славянский—в Восточ-

¹ Проф. Е. Э. Бертельс, Литература народов Средней Азии, журн. „Новый мир“, 1939, № 6, стр. 221.

² Chrestomathie en turc oriental, стр. 32; Muhakamatul-Luqatajn, 1940, (М. Л.), стр. 8.

ной и Юго-восточной Европе у восточных и южных славян стали международными, точно так же арабский язык стал таким же международным языком на Востоке. Под сильным влиянием ислама, арабской культуры и арабского языка тюркские народности начинают воспринимать основы новой религии и новой культуры.¹ Арабский язык, непонятный широким народным массам, становится орудием религии и теологии эпохи средневекового феодализма.

Как отмечает один из востоковедов на основе исследования „Дивани-лугати-Турк“ Махмуда Кашгарского, „...ислам и мусульманская культура имели настолько сильное влияние на народы, что можно было бы предвидеть угрозу слияния тюркских народностей с арабами, как это, например, произошло с галлами в результате римского завоевания. Однако тюрки не потеряли, подобно галлам, родного языка и религии, но это могло и, пожалуй, должно было случиться, если бы арабская власть в турецких землях не была бы так непродолжительна и если бы она не руководилась другими государственными принципами“².

В результате распространения ислама и мусульманской религиозной идеологии, арабские традиции на Востоке были настолько сильны, что в X в. и даже в течение XI в. многие ученые и философы местного происхождения писали свои произведения еще на арабском языке. Так поступали философ и ученый Абу-Наср-аль-Фараби (X в.), историк аль-Бируни (X—XI в.), знаменитый ученый Абу-Али ибн-Сина (Авиценна, XI в.), автор „Дивани-лугати-Турк“ Махмуд Кашгарский (XI в.) и другие.

Хотя арабское владычество и нанесло иранской феодальной аристократии тяжелый удар, но окончательно ее не сломило. В тех или иных формах она продолжала сохранять свое влияние.

С прекращением арабского господства и переходом власти в руки иранцев, начинает возрастать роль и значение персидского языка. Арабский язык теряет свое влияние, но сохраняется в качестве языка религии, богослужения и отчасти науки и философии.

„Интересно проследить,—пишет профессор Бертельс,—как протекает на первых порах эта реакция, эта борьба персидского феодализма против арабских господ. Персидская аристократия выступает с протестом против арабов, пишет

¹ Этот факт отмечен и академиком В. В. Бартольдом в его работе „Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира“, Баку, 1925, стр. 134.

² Проф. Н. К. Жузе, „Дивани лугати-Турк“, Известия Восточного ф-та Азербайджанского госуд. ун-та, Востоковедение, 1926, т. 1, стр. 93.

стихи патриотического содержания..., но пишет их на языке арабском¹.

Начиная с X века, т. е. с эпохи саманидов, в Иране и сопредельных с ним странах распространяется иранская культура. Отныне же персидский язык становится официальным и общелитературным языком для всех народов Средней Азии.

Таким образом, сначала арабы, а затем иранцы осуществляли свои завоевательские планы, последовательно внедряя свою культуру и свои традиции среди побежденных тюркских народностей. Вот что пишет Навои в эпоху саманидов об иранском влиянии:

چون ملک من بعضی اقایم و کشور داسارت سلاطینی مستقل بودید ایلر اول مناسبت بیلر فارسی کوی شعرا
ظهور قیلید ایلر

То есть:

„С тех пор, как начали господствовать в некоторых частях и краях страны сартские² цари, в связи с этим появились поэты, пишущие на персидском языке (форсигуй)³.“

Далее он перечисляет поэтов-классиков и создателей отдельных поэтических жанров, писавших на персидском языке, в области касиды: Хакани, Анвари, Камал Исмаил, Захир, Сальман; в области маснави: Фердоуси, Шейх-Низами, Мир Хосров; в области газалей: Шейх-Муслихиддин Саади, Ходжа-Хафиз Ширази⁴.

На смену династии саманидов явились караханиды, газневиды, затем сельджуки и хорезмшахи. В Средней Азии и

¹ Проф. Е. Э. Бертельс, Фердоуси и его творчество. Сборник „Фердоуси“, Ленинград, 1934, стр. 90.

² Слово „сарт“ с XI века употребляется в смысле „купец“. Например, в древнеуйгурской буддийской литературе это слово принято как sarṭban или sarṭbasi (старшина каравана)—производное от слова sarthavaṇa или sarthavaṇa на санскритском языке. Среди монголов в XIII веке „сартак“ или „сартаул“ от корня „сарт“ употреблялось для обозначения „таджика“ или „мусульманина“. В произведениях Навои это слово употребляется в смысле „иранец“. Но с XVI века кочевые племена словом „сарт“ начали называть, кроме „таджиков“ и „иранцев“, и жителей кишлаков и городов. Известно, что царские чиновники называли часть народа Узбекистана, т. е. кочевников, узбеками, а оседлых жителей „сартами“. Но в действительности это слово в ту эпоху не имело никакого этнического смысла.

³ Chrestomathie en turc oriental, стр. 33; М. Л., стр. 38.

⁴ Там же.

в Закавказье власть также переходит к тюркской аристократии.

Однако это еще не означало полного крушения иранской культуры. Ленин пишет: „Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру; а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателям“¹. Так и здесь: иранцы—побежденные, обладавшие высокоразвитой культурой, подчинили своей цивилизации отсталых тюрков-победителей. И газневиды, и сельджуки, и хорезмшахи в силу традиции всячески старались сохранить вплоть до монгольского нашествия иранский придворный этикет, традиционный штат придворных поэтов и персидский язык.

„Турецкие (т. е. тюркские,—А. У.) князья в завоеванных ими областях,—говорит акад. В. В. Бартольд,—подчинялись, конечно, влиянию местной культуры, не только имели при своем дворе персидских поэтов, но и сами писали персидские стихи“².

Персидский язык не только был языком литературы, науки и государственности, но превратился в разговорный язык дворцовых кругов, феодальной знати и аристократической части общества вообще.

Таким образом, литературным языком, языком науки, школы, государственного делопроизводства и внешнеполитических сношений оставался персидский язык, чуждый неперсидским народным массам. Больше того, в силу установившейся традиции не только в этот период, но и даже в течение всего средневековья персидский язык был в особо привилегированном положении и поддерживался существовавшим феодальным строем. В силу всего этого большинство поэтов и ученых тюркского происхождения писали свои произведения на персидском языке, а не на своем родном.

Но необходимо отметить, что в период монгольских нашествий, в связи с изменившейся политической обстановкой, персидский язык хотя и продолжает оставаться литературным языком, но в силу ряда обстоятельств область его применения несколько меняется.

„По мере сужения области персидской литературы возрастает количество произведений на различных языках тюркской системы.“

Значение тюркских языков в Средней Азии стало неуклонно расти, начиная с XI в. В это время почти непрерывно

¹ Ленин, Сочинения, т. XXII, изд. II, стр. 244.

² Акад. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, 1927, стр. 83.

но происходит приток различных тюркских племен с Востока на территорию Средней Азии и Восточного Ирана.

Появление монголов не ослабило значения тюркских языков. Монгольский язык не получил распространения в массах и остался языком двора и феодальной верхушки. Напротив, значительная часть переселившихся в Среднюю Азию монголов теряла свой родной язык и отуречивалась; неудивительно, что уже в начале XIII в. лингвисты начинают уделять большое внимание изучению тюркских языков. В 1225 г. Ибн-Даххан изучает в Багдаде тюркский язык, в Египте составляется дошедший до нас тюрко-арабский словарь¹.

Об этом периоде Навои пишет, что, начиная с царствования Хулагу-хана, появились поэты, пишущие на тюркском языке².

Надо отметить еще одно существенное обстоятельство, характерное для данного периода, о котором Навои не упоминает в своем трактате. Это — усиление влияния уйгурской литературной традиции. После монгольского нашествия в Средней Азии и за ее пределами древнеуйгурский язык стал играть заметную роль. Значение его, как официального придворного языка, еще более усилилось.

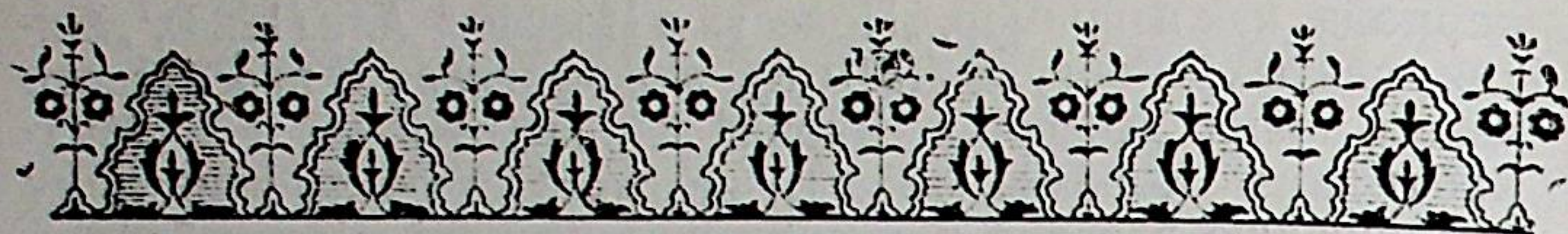
Одновременно происходило формирование местных литературных языков. Но в произведениях, написанных на местных языках в этот период, еще заметно влияние уйгурской литературной традиции, а монгольское нашествие способствовало этому влиянию. Поэтому во многих памятниках и художественных произведениях того времени, в частности в „Киссасул-анбия“ („Жития святых“) Рабгузи, особенно в „Муххабат-намэ“ („Книга о любви“) Хорезми, даже в некоторых художественных произведениях эпохи тимуридов, в частности в произведениях Атаи, Саккаки, Лутфи и т. д., сохранились следы древнеуйгурского языка. В первой половине XV в. мы встречаем произведения, переписанные на уйгурском письме, например: „Бахтияр-намэ“, „Тазкират ал-авлия“, „Мерадж-намэ“.

Как мы выше указали, начиная с XI в. значение староузбекского языка стало неуклонно расти. Однако вплоть до эпохи тимуридов в истории узбекской литературы не было создано ни одного произведения, равного персидским шедеврам. Религиозно-дидактические произведения и единичные сочинения светского характера монгольского

периода, как например, „Повесть о Иосифе“ Али (1223), „Жития святых“ Рабгузи (1310 г.), переведенная с персидского языка поэма „Хосров и Ширин“ Кутба (1341—42 г.), „Муххабат-намэ“ Хорезми (1353 г.) не способствовали заметному расширению влияния и укреплению позиций староузбекского языка. Настоящий расцвет узбекской литературы, возвышение ее и некоторое осознание роли и значения родного языка начинается в XV в. при тимуридах. Этот период дает замечательную плеяду узбекских поэтов во главе с величайшим поэтом Навои, творения которого составляют целый этап в истории узбекского языка и узбекской литературы.

¹ Проф. Е. Э. Бертельс, Литература народов Средней Азии, журнал „Новый мир“, № 6, 1939, стр. 269—270.

² Chrestomathie en turc oriental, стр. 33; М. Л. стр. 38.

III

БОРЬБА АЛИШЕРА НАВОИ ЗА РОДНОЙ ЯЗЫК И РОДНУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В истории Средней Азии тимуридская эпоха, как утверждают историки и востоковеды, имеет исключительное значение. Это — время расцвета феодального общества. В предшествующие века феодализм развивался медленно, иногда с большими перебоями, но никогда не получал такого исключительного расцвета, как после Тимура (1370—1405), при его преемниках — тимуридах¹.

Но, как известно, политическая ситуация в этот период несколько изменяется. После смерти Тимура тимуровская империя, представлявшая собой феодальное государство с централизованной властью, распадается и на ее месте возникают отдельные государства, управляемые сыновьями и внуками Тимура, конкурирующими между собой в борьбе за политическую гегемонию. Вместо одного центра, которым при Тимуре был Самарканд, вырастает несколько центров, усиливаются междоусобные войны и эксплуатация народных масс.

В этот период в некоторых отраслях экономики и торговли страны замечаются, по сравнению с периодом монгольского нашествия, известные сдвиги, оживление. Происходит значительный сдвиг и в культурной жизни страны, главным образом в области литературы, искусства и науки.

Литература на местных языках, поставленная иностранными завоевателями в приниженное положение, освобождается от стеснявших ее оков и возрождается к новой жизни.

¹ А. Ю. Якубовский, Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, доклад, прочитанный на заседании I пленума Юбилейного комитета Навои в Ташкенте, 1940, Сборник „Алишер Навои“, М.-Л., 1946, стр. 5—30; Е. Э. Бертельс, вышеупомянутый источник; Коллектив, История народов Узбекистана, т. I, рукопись, подготовл. Институтом истории и археологии АН УзССР.

В связи с этим язык массы, язык народа начинает приобретать право литературного языка. В то же время и содержание узбекской литературы подвергается значительным изменениям, появляются новые, оригинальные светские произведения, например, „Юсуф и Зулейха“ Дурбека (1409 г.), „Таашшук-намэ“ Саид Ахмеда (1437 г.) и т. д.

Значительного развития культурная жизнь средних веков достигла в Герате, особенно во второй половине XV в., во времена Алишера Навои. Герат был центром расцвета литературы, искусств и исторической науки. Современник Навои — Захириддин Бабур, правда, с некоторым преувеличением, говорит о Герате, что „другого подобного города нет во всем населенном мире; Хорасан, особенно Герат, были наполнены людьми выдающимися и несравненными“.

Однако необходимо оговориться, что расцвет литературы и искусства в эпоху тимуридов не означал собой общего расцвета культуры и просвещения масс. Занятие литературой, наукой, искусством было уделом лишь высших слоев населения, знати, аристократической части общества. Народ в целом оставался бесправным, темным и был скован религиозными предрассудками.

В этот период узбекская литература, преимущественно ее поэзия, достигает значительного расцвета, все больше и больше освобождаясь от влияния персидских литературных традиций. Таким образом, в тимуридских государствах (как в тимуридском государстве со столицей в Герате, так и во втором тимуридском государстве со столицей в Самарканде), возникают новые литературные традиции на языке народа. Родной язык начинает приобретать все большее значение. В связи с этим конфликт между персидским языком, который еще занимал господствующее положение, и языком народа усиливается. Борьба между ними, т. е. борьба между языком науки и литературы и языком масс, особенно во второй половине XV в. принимает еще более острые формы, следствием чего явилось возникновение новой языковой теории Алишера Навои, изложенной им в научном трактате „Мухакамат ал-лугатайн“.

Такова была, в общих чертах, обстановка политической и культурной жизни страны в эпоху тимуридов.

Почему именно в этот период вопросы родного языка и родной литературы приобретают актуальность и политическую остроту? В чем основная причина такого положения? В чем причина появления „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои?

Ответ на эти вопросы мы должны искать в самой социально-политической обстановке, сложившейся в XV в.

Период, когда жил и творил Алишер Навои, характеризуется продолжением культурного подъема, начавшегося при Тимуре, и одновременным усилением хозяйственно-политического распада. Тимуридские правители не смогли добиться в своих областях такой твердой власти, которая была при Тимуре.

Этот распад особенно обострился во второй половине XV в. В результате отсутствия крепкого централизованного правительства, страна распалась на отдельные части — феодальные владения. Постоянные войны, происходившие между правителями этих областей, довели страну до полной разрухи. Бесправие, несправедливость, угнетение и эксплуатация народа неимоверно усилились. Феодальная раздробленность и феодальный распад страны, непрочность политической власти, а также внешняя опасность, угроза нашествия иноземных врагов выдвигали перед страной необходимость борьбы за культурно-политическую самостоятельность народа и за создание крепкого централизованного государства.

Все это, в конечном счете, привело к возникновению проблемы языка вообще, родного языка и родной литературы, в частности, к усилению борьбы за родной язык и за литературу и к обострению общего конфликта между тюркским, т. е. староузбекским, и персидским языками.

Таким образом, необходимость развития родного языка и родной литературы была продиктована самой жизнью, культурно-политической и социально-экономической действительностью страны. В такой исторической и политической обстановке вопрос о языке приобрел особую актуальность и остроту, как это было в Европе в эпоху Возрождения (Ренессанса). Персидский язык, до того считавшийся государственным и литературным языком, но чуждый большинству народа, не мог отвечать политическим и культурным требованиям. В период разложения феодализма он не обеспечивал успешной борьбы за политическую власть, за усиление культурно-политической самостоятельности.

Как указывал Энгельс, даже факт деления населения на группы по языку стал приобретать политическое значение и способствовал национальному объединению государства. Ф. Энгельс, анализируя в своем произведении „О разложении феодализма и развитии буржуазии“ это историческое событие, происходящее на известном этапе развития общества, пишет: „Как только произошло разграничение на группы по языку... вышло само собой, что эти группы стали служить основой образования государства, что национальности стали развиваться в нации. Насколько был силен сти-

хийный процесс уже в IX в., доказывает быстрый распад смешанного государства Лотарингии“. И далее: „Правда, в течение всего средневековья границы языка далеко не совпадали с границами государств, но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством, и тенденция к созданию национальных государств, выступающих все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века“¹.

Хотя здесь и нельзя провести полной аналогии с Западной Европой, так как различны были исторические условия на Западе и Востоке, а поэтому в эпоху тимуридов еще не существовало ясно выраженного стремления широких народных масс к национальному объединению, тем не менее между ними имеется некоторое сходство в культурно-политической обстановке. В отличие от Западной Европы, здесь только у некоторых прогрессивных людей эпохи замечается рост национального самосознания и осознания роли и значения родного языка, родной литературы, а также тенденция к созданию национального государства. Все это способствовало зарождению и развитию проблемы языка, впоследствии переросшую в борьбу за родной язык, родную литературу.

Таким образом, стремление к национальному объединению и культурно-политической самостоятельности было явлением прогрессивным. Борьба за родной язык, за родную литературу в свете данных условий также является прогрессивным фактом, свидетельствующим, в известной мере, о зарождении национального самосознания, вследствие чего эта борьба приобрела исключительно большое не только научное, но и политическое значение и являлась одним из самых острых злободневных вопросов общественной жизни эпохи. Отчасти это объяснялось стремлением лучших передовых людей эпохи приобщить народные массы к культуре путем восстановления в правах узбекского языка и создания на нем научных и высокохудожественных произведений. Вполне понятна поэтому ожесточенная борьба, развернувшаяся вокруг староузбекского языка, воплощением и плодом которой явился замечательный научный трактат Навои „Мухакамат ал-лугатайн“.

Среди прогрессивных людей XV в. величайший гуманист своей эпохи и пламенный патриот своей родины Алишер Навои занимал самое почетное место. Как один из образованнейших людей своего времени, он один из первых осо-

¹ Маркс—Энгельс, Сочинения, т. XVI, часть I, 1937, стр. 444.

знал необходимость создания национальной культуры, развития родного литературного языка.

В своем труде „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои выступает как поборник родного языка, подобно поборнику итальянской литературы — Данте и французской литературы — Дю-Белле.

Что же именно побуждало Алишера Навои вести такую ожесточенную борьбу за родной язык, за родную литературу? Чего он добивался этой борьбой? В чем заключается основная идея „Мухакамат ал-лугатайн“?

Для выяснения стремлений Алишера Навои и определения основного назначения его научного трактата необходимо осветить методологическую сторону вопроса, ибо борьба за родной язык Навои тесно связана с его мировоззрением в целом.

Алишер Навои, как великий патриот, как прогрессивный политический деятель, прежде всего стремился осуществить свои патриотические идеи о культурной и политической самостоятельности народа. Патриотические идеи являлись у него стимулом, основанием для борьбы за родной язык, за родную литературу.

Навои был глубоко убежден, что развитие родного языка является необходимым условием возрождения и приобщения к культуре народных масс. Он придавал этому вопросу политическое и государственное значение. Болея душой за свой народ, Алишер Навои считал борьбу за родной язык, за создание литературы на нем не личным делом, а всенародным; он доказывал мысль о том, что с народом надо говорить на его родном языке.

Навои являлся не чистым языковедом в узком смысле этого слова, а передовым человеком своей эпохи, борцом за высокие идеалы. Лингвистику он превратил в своеобразное политическое орудие.

Выступая как великий гуманист и пламенный патриот своей родины, ратуя за цивилизацию народа, Навои тем самым вел борьбу против средневековой схоластики. Просвещать народ, приобщать его к науке, культуре — таково было его идейное стремление.

Можно полагать, что путем восстановления родного языка в своих правах он надеялся осуществить широкие просветительские задачи. Ибо, если народ не владеет своим богатым языком, если этот язык не поддерживается правительством, корифеями культуры, науки, тогда, конечно, не может развиваться национальная культура.

Описанная историческая обстановка во второй половине XV в. подготовила почву для дальнейшего развития лите-

ратуры и языка. Язык начинает рассматриваться не только как средство художественной выразительности, но и как „орудие борьбы и развития“.¹

Обладая изумительным талантом поэта и умом государственного деятеля, Навои не упускал из вида ни одного существенного вопроса языка и литературы и рассматривал их с точки зрения интересов своей родины. Борьбу за родной язык Навои вел прежде всего именно во имя своей родины, ибо он был великим патриотом. Он говорит:

عبدالرحمن اور رہنما جانے
کشی حرب ایثار تاکر امکانہ ہار

То есть:

„За семью и родину, пока есть у него жизнь,
Сражается человек, пока только возможно ему
это“².

Если бы не эта любовь к семье, к родине, родному народу, родному языку, родной литературе, если бы не эти гуманистические идеи, то разве посвятил бы Навои все свои силы, все свои творческие способности, всю свою долгую жизнь изучению и прославлению узбекского языка, выдвижению родной литературы в первые ряды мировых литератур.

Он стремился доказать самобытность и оригинальность родного языка, чтобы добиться признания его наряду с персидским, поставить его в одну шеренгу с ним. Так же, как и Данте, он стремился дать возможность своему народу пользоваться богатствами науки, культуры и искусства, которые ранее были доступны лишь феодальной знати, аристократической части общества. Именно в этих целях Навои, не ограничиваясь поэтическими творениями, выступает на общественной арене в защиту родного языка и родной литературы со своим научным трактатом „Мухакамат ал-лугатайн“, являющимся замечательным литературно-лингвистическим манифестом узбекского языка, где он дает теоретическое обоснование и философское подкрепление староузбекскому языку.

С именем Навои связано закрепление в литературе узбекского языка. Создавая „Мухакамат ал-лугатайн“, Навои был воодушевлен патриотическим чувством показать,

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 44.

² Навои, Хамса, стр. 286.

как шла эта борьба, как создавались и формировались родной литературный язык и родная литература, как восторжествовали они над реакционным отношением к ним.

В этом труде Навои подвел итоги не только своей борьбе, своей неутомимой творческой работе, но и всей деятельности своих предшественников-соотечественников и современников. Он обобщил две стороны исторического процесса—как в области языка, так и в области литературы.

Мы знаем, что узбекская литература существовала и до Навои, но только при Навои она достигла большого расцвета. Ни один из поэтов до Навои (что подтверждает и он сам в „Мухакамат ал-лугатайн“) не смог поднять узбекскую литературу до уровня персидской, узбекский язык—до уровня персидского, хотя еще задолго до Навои создавались отдельные произведения на староузбекском языке. Так, например, еще в XII веке Ахмед Ясави написал свой „Хикмат“ („Книгу мудростей“) на родном языке.

Появление Алишера Навои на исторической арене не случайное явление. Его гениальное творчество является обобщением и высшим воплощением того, что было до него.

Сам Навои подвергает анализу исторический путь, пройденный узбекской литературой. Он пишет, что со времени Хулагу-хана и Тимура и до конца царствования сына его Шахруха существовали поэты, творившие также на родном языке. В „Мухакамат ал-лугатайн“ и в „Изящных собраниях“ он упоминает десятки поэтов—своих современников и предшественников, писавших на родном, а не на персидском языке, которые делали попытку освободиться от влияния персидских литературных традиций.

Характеризуя плеяду поэтов, писавших до него на тюркском языке, Навои особо выделяет среди них только Лутфи:

هلوگو خان زمانيدین سلطان صاحبقران تیمور کورکان زمانیدین فرزین زلفی شاه رح سلطان نیک
زمانه نیک آخریغا چا ترک تیلی بلیه شعرا پیدا بولدی یلار و اول حضرت نیک اولاد و احفا و بدین خوش طبع
سلطینی ظهورغا کیلهدی شعرا سکاکی و جیدر خوارزمی و آتایه و تقیمی و همی سری و کدایی دیک لار و فارسی
مذکور بولغان شعرا مقابله سید اکتشی پیدا بولما دی بیر مولانا لطفی دین اوزر کا کیم بیر نچو مطبع لاری بار کیم طبع
علمی قاشید اوتوسه بولور

То есть:

„С тех пор, как страна вышла из-под владычества арабов и иранцев и перешла к тюркским ханам, со времени Хулагу-хана и непобедимого государя Тимура и до конца жизни его достойного сына Шахруха, появлялись поэты, которые писали по-

тюркски, в том числе и султаны, их дети и потомки, обладавшие поэтическим дарованием. К подобным поэтам относятся: Саккаки, Хайдар Хорезми, Атаи, Муками, Якини, Амири и Гадаи. Но среди них не было никого, кого можно было бы поставить в один ряд с персидскими поэтами, за исключением Маулана Лутфи, у которого есть стихи, достойные того, чтобы прочесть их перед людьми с поэтическим вкусом“¹.

В „Маджалис ан-нафаис“ Алишер Навои перечисляет также больше четырехсот старших современников и предшественников, из которых только около двадцати, по его свидетельству, писали на родном языке. Но характерно, что они, по утверждению Навои, были в то же время двуязычными поэтами, так как писали одновременно и по-персидски.

Как видно из приведенных высказываний, узбекская литература еще до Навои достигла значительного расцвета, ярким подтверждением которого является творчество Лутфи и Саккаки. Они сделали попытку освободиться от влияния арабского и персидского языков и стали писать на своем родном языке. Им действительно удалось поднять узбекскую поэзию, преимущественно лирику, на более высокую ступень, используя все достижения персидской поэзии в этой области. По утверждению Навои, их стихи пользовались большой популярностью.

Однако эти поэты не могли произвести того переворота в литературе, который совершил Навои.

Они не были в состоянии проложить широкую дорогу узбекскому литературному языку, не могли завоевать ему право гражданства, общее признание в литературе наравне с персидским языком, поэтому произведения поэтов—предшественников Навои—в большинстве случаев не получили широкого распространения. Больше того, за исключением стихотворений Лутфи, Саккаки и Атаи, пользовавшихся большой популярностью и дошедших до наших дней в виде диванов, из сочинений Гадаи, Якини, Амири и т. д. сохранились только отдельные отрывки.

Эпоха Навои была эпохой возрождения самостоятельности языков тюркских народов. Как мы выше видели, на первых порах шла главным образом эстетическая борьба за родной язык, но все же это была борьба за его самобытность, борьба с языком образованного общества того времени, с языком государственности, литературы и науки, с языком персидским.

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 33—34; М. Л., стр. 38.

Крупных произведений, подобных эпическим произведениям Навои, не удалось создать никому. Он подтверждает, что до него не было ни одного поэта, достойного соревноваться с персидскими писателями, в результате чего персидский язык вплоть до Навои продолжал занимать господствующее положение, как язык литературный и официальный.

В чем заключается причина такого положения? Почему староузбекский язык не мог завоевать прав гражданства и общее признание? Чем объяснить, что поэты отдавали предпочтение персидскому языку и пренебрегали родным?

Причина такого положения, нам кажется, заключается в следующем:

Во-первых, силен был политический нажим, велико было влияние феодально колонизаторских и религиозных групп, особенно в период господства арабов и иранцев. Завоеватели, как колонизаторы, были заинтересованы в оставлении местного населения в темноте и невежестве.

Они всячески стремились проводить свою колонизаторскую политику. В эпоху тимуридов положение тоже резко не изменилось, хотя бывали уже отдельные попытки изменить его. Еще не сформировалось отчетливое национальное самосознание. В тимуридских правящих кругах центробежных сил оказалось больше, чем центростремительных.

Во-вторых, неразвитость родного языка одновременно с усилением традиций персидского языка и утвердившееся мнение о „вульгарности“, „нелитературности“ языка народа тормозили развитие родной речи, родной литературы.

В-третьих, язык рассматривался только с эстетической точки зрения. Еще не были достаточно осознаны роль и значение родного языка как сильного орудия, как средства повышения культуры народа, приближение его к науке и искусству.

Изучая вопрос староузбекского языка в историческом аспекте, Навои указывает на некоторые из этих причин.

Прежде всего он останавливается на неразработанности родного языка, в результате чего не были выявлены его богатства и широчайшие поэтические возможности; они оставались скрытыми от народа, и никто не задумывался над этим вопросом. По этому поводу Навои пишет:

جرمی اطرائی ایلی ایشتی تیماک دین مشون و اجسامی غرایبی غیر ایلیکی تیکما که این ما مون . . . با وجود ترک
الفاظی نیک فارسیه سوچه مزیتی و نفس امر و سوچه وقتی دو سعتی نظم طریقید استیع ایاسن ایردی
دکتمان نهان خانه سینده تو شوب ایردی بلکه متر و ک بولور غه یا دو شوب ایردی
بو الفاظ و عبارته و ابو نوع دقایق کو به در کیم بو کونکا دکیچو هیچ کشتی حقیقتی غه ملاحظه فیلهان جسته دین
بو یا شورون قالیب دور

То есть:

„... Нога народа не ступала по этому сокровищу, этому цветущему лугу; драгоценности клада сохранились от прикосновения рук...¹ Каково бы ни было преимущество тюркского языка перед персидским, его тонкости и широкие возможности не нашли отражения в области поэзии и остались в потайном доме забвения и даже были доведены до положения заброшенности...² В этих словах и выражениях много скрытой прелести ввиду того, что о их достоинствах никто до сего дня не задумывался“³.

Навои также упоминает о враждебном отношении современников к родному языку. В картинном образе он так представляет эту вражду:

مخزنی نیکت بیلانی خونخوار و کلشنی نیک نیکانی نه و شمار غیا لده کیله کیمیم همانا که بو بیلا غله زشتی نشین
طبع ای خردمند لاری بو مخزنه دین بهره نایای او تو پور لار دکو کونکا انداق ایور ولده کی کیم کویا بو نیکن لار سر نشین
تسریدین نظم خیالی کله سته سند لاری بو کلشن دین برم تو کوج کل ایلیک به ای آلمای یول تو تو پور لار

То есть:

„... Змен этого сокровища (родного языка, А. У.) были кровожадными, и шипов на этом цветущем лугу (родном языке—А. У.) было бесчисленно много. Думается, что многие поэты и писатели из страха перед жалами этих змей прошли мимо, не вкусив прелести этого сокровища. Чует сердце, что поэты, собирающие букеты из цветов поэзии, из-за боязни уколотся о шипы терния, ушли из мира, не сорвавши цветов на этом лугу“⁴.

В заключение Навои объясняет предпочтение, отдаваемое персидскому языку, и пренебрежение к родному языку трудностью стихосложения на родном языке и легкостью персидского языка вообще:

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 20, М. Л., стр. 29.

² Там же, стр. 20; стр. 28—29.

³ Там же., стр. 19; стр. 27.

⁴ Там же, стр. 21; стр. 29.

هيس بوجيشت لاردين انداق معلوم بولور كيم بوتيل داغريب لفاظ دادا گو بدور مونه خوشتر آينه ترقيب
 در بآينه تركيب بيله باغلاماغي نينك دشوار يعني بار مبهتمدي طبعي اول نظم نه دشوار يعني بيله باغلاماوين
 گرفت تا ميب متنفر بولور و اس ازاق ساري ميل قيلور چون نچو قاتلا بونوع واقع بولدي طبعي خوشي قيلد
 چون طبيعت معتاد بولدي اوز معتادين قويلوب غير معتاد كيم مشكل راك هم بولغاي ميل تيلماغي مرتبه زردو

То есть:

„Итак, из вышесказанного ясно, что в этом языке много замечательных слов и выражений. Есть трудность в том, чтобы их (эти слова) чарующе и привлекательно связать и соединить. Человека, только начинающего (писать на тюркском языке), отталкивает трудность составления стихов, он отвращается от этого (занятия), и его начинает привлекать к себе легкость (составления стихов на персидском языке). После того, как это обстоятельство повторяется несколько раз, натура чувствует влечение к этому (занятию) и ей становится тяжело оставить привычное и захотеть заниматься трудным и непривычным делом“¹.

Таким образом, как указывает Навои, „неискусные, беспомощные юноши тюрков, в погоне за легкостью, продолжали заниматься стихосложением на персидском языке“².

Наряду с указанными причинами создавшегося положения, Навои особо подчеркивает силу установившегося авторитета персидского языка:

دانا اول كيم فهم جنسي عاجز لارنه هم مایل بلکه مشغول دست بونوع غمگوار و زمان و رسم ايلي طبعيدين
 چيقا غني مناسب گور ماسن بونوع بيله قالور و مبتدي غم يا اما عادت دور كيم طبعيدين اول نيمه باش
 اور سه چون اوز زاده طبعي محبوب ايكا نكا مجبوله در تيلار كه آنه بوفتن اهلينه عرض قيليب جلوه بيركاي
 چون بوفتن ايلي فارسي كوي دور لار و ترك لفاظيلدين بهره مند ايماس لار طبعي اول جانبدارين اعراض قيليب
 بوفتن غم مشغول ايل ساري ميل گورگوزوب

То есть:

„Надо еще отметить и то, что одаренные люди, видя, как люди бесталанные проявляют склонность заниматься и действительно занимаются такими делами, не считают приличным для себя выйти

из рамок нравов и обычаев своего времени и так и остаются на этом пути. Вновь начинающие (писать стихи) имеют такое обыкновение: если они что-либо сочинят (создадут), то, показав свой труд знатокам (литературы), хотят блеснуть перед ними. А так как знатоки (литературы) пишут исключительно по-персидски и не знают тюркского языка, то они (начинающие), отвращаясь от тюркского языка, проявляют влечение к этому искусству (т. е. писать стихи по-персидски). А проявив влечение к этому (т. е. персидскому языку), они различными путями приобщаются к указанной группе“¹.

Поясняя крепко установившуюся традицию — писать стихи на персидском языке, Навои приводит в пример даже самого себя, и говорит, что он в молодости своей, т. е. в первые годы своей творческой деятельности, так же, как и все другие, в силу существовавшей традиции начал писать стихи на персидском языке.

Естественно, поэтому, что даже в первой половине XV в., когда уже начало определяться национальное самосознание и осознание роли и значения родного языка, огромные поэтические возможности родной речи продолжали оставаться „в потайном доме забвения“. Таким образом, узбекская литература до Навои не могла достичь своего высокого развития, не могла соперничать с персидской литературой.

В результате всего этого народные массы, как Навои неоднократно указывал в своих произведениях, продолжали пребывать в темноте и невежестве и были лишены возможности пользоваться благами культуры:

چون فارسي ايردي نكته شوننه
 آزارق ايردي اندا ترك دوتنه
 اول تيل بيله نظم بولدي محفوظ
 كيم فارسي انگلار اولدي محفوظ

То есть:

„Так как ход мыслей был персидский, То тюрки получали от них меньше улады.

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 20; М. Л. стр. 28.

² Там же, стр. 19; стр. 27.

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 20; М. Л., стр. 28.

На этом языке были сложены стихи,
Кто персидский язык знал, тот получал удовле-
творение¹.

Когда Навои вступил на порог „возраста разума“ он начал размышлять о родном языке, перед ним открылся величественный „мир, превышающий восемнадцать тысяч миров“, „вдохновение, выше девяти небесных сфер“, „сокровище; достоинства и превосходства, жемчужины которого ярче бриллиантов звезд“ и „луг, цветы которого, раскрыты полнее небесных звезд“.

اما چون شعور سنی غم قدم تو یولی چون حق سبحانه و تعالی طبع غرابت ساری میل نه داتے
دقت و دشوار پسند لیتق تہ شروع نہ جبلی قلیب ایردی ترک الفاطیغہ داعی ملاحظہ نہ لازم کورولی

То есть:

„Но когда я вступил на (порог) возраста разума и стал размышлять о тюркской речи, передо мной обнаружился мир, превышающий восемнадцать тысяч миров; вдохновению открылось роскошное небо, выше девяти небесных сфер; обнаружилось такое сокровище, достоинство и превосходство, жемчужины которого блистали сильнее бриллиантов звезд, открылся луг, цветы которого были ярче небесных звезд“².

Он убедился, что можно преодолеть трудности и создать на родном языке высокохудожественные произведения всевозможных жанров, которые смогут соперничать с шедеврами персидской классической литературы:

فی الحقیقہ اگر کشی بخشی ملاحظہ و تامل قلیبہ چون بولفظ او موخچہ و سمعت و میدانید او موخچہ فصاحت تا پیلو کیرا کیم
مونا هر نوع سخن کذا ریغ و فصیح کفایت ریغ و نظم ساریغ و فسانہ پرداز ریغ آس از ارق بولغای و واقع
آس از ارق دور

То есть:

„В самом деле, в этом языке есть столько простора и столько широты, что если поразмыслить хорошенько, то станет ясно, как можно легко сочинять на нем, писать прекрасные произведения, создавать стихи, творить красивые повести и рассказы, и, действительно, это легко“³.

¹ Навои, Лейли и Меджнун, научно-критический текст, подготовленный старшим научным сотрудником Института восточных рукописей АН УзССР Г. К. Каримовым, рукопись, стр. 233; Əlişer Navaij, Lejli va Maşnun, Tashkent, 1941, стр. 492.

² Chrestomathie en turc oriental, стр. 21; М. Л.; стр. 29.

³ Там же, стр. 19, стр. 27.

Учитывая все эти обстоятельства и глубоко осознавая возможность и необходимость создания национальной культуры и борьбы за культурно-политическую самостоятельность своего народа, Алишер Навои, как гениальный поэт и мыслитель, как сын своего народа, поставил перед собой величайшую задачу—довести свой заброшенный родной язык до высокого совершенства, создав на нем такие же высокохудожественные поэтические и научно-философские произведения, как на персидском языке, и тем самым доказать равноправие родного языка, добиться его общего признания и поставить его наравне с персидским. Поэтому прежде чем выступить на историческую арену с таким манифестом как „Мухакамат ал-лугатайн“, доказывающим преимущество и превосходство родного языка, Навои стремился практически осуществить эту задачу путем создания прекрасных поэм на родном языке.

Так же, как великий итальянский поэт эпохи Ренессанса Данте (XIV в.) и французский писатель Дю-Белле (XVI в.), Навои провозгласил лозунг замены традиционного персидского языка родным языком и начал свою великую историческую борьбу.

چون او توماق ز مژمه سی بولدی بس
کونکلوم اراد غمده ساری هوس
کیم ببول ایچر که الار ساری کام
بیر نیجه کام اولسه مینسکا هم خرام
فار سے بولدی جو الار غمده ادا
ترکے ایلد قلیبم انه ایتدا
فارسی ایل تا پتی چو خورسند لیتق
ترکی داعی تا بس برده پسند لیتق

То есть:

„Когда завершилось чтение нараспев школьных книг,

В моем сердце возникло беспокойство,
Чтобы по той дороге, по которой шагали они¹,
Сделать и мне хотя бы несколько шагов.

¹ Подразумеваются Низами, Эмир Хосров и Джами.

Если они выражали мысли по-персидски,
Я попробую сделать это по-тюркски.
Если персидский народ получил наслаждение,
Тюрк тоже должен бы найти удовлетворение¹.

Преследуя такую цель, Навои не мог пройти мимо сокровища этого „величественного мира“ — родного языка. Поэтому он, с полным сознанием своей исторической миссии и движимый патриотическим чувством, перешел в наступление за овладение сокровищем родного языка и стал выискивать в этом сокровище „неоценимые жемчужины“.

چون بو طریقه اجمست عالم ایردی و طبع با باکت لایالی اوتار کا قویمادی و تماشا سیدین تو عالمی
اول عالم فضا سید طبع سپاهی ترکما زینغ لار توردی و اول سپهر هوا سید اخیال قوشی
بلند پرواز زینغ لار کور کوردی و اول کنج جواهریدین ضمیر صبری فی سنی نهایت سیز تمیث زینغ لعل
و در زمین آلدی و اول کلشن ریاحینی دین کو نکول کل چینی حد و غایت سیز حکمت زینغ گل و سمن
قویی غده سالی چون بو هوا سب بلیه غنای لار دبو غنایم بلیه استغنا لار میسر بولدی مونونک
تایجی کل لاری روز کار ایلینغه به حد و مقدار آچیلد باشلادی و باشلایغه به اختیار ساچیلد کیشی

То есть:

„Так как помыслы оказались столь высокими, и натура не могла пройти мимо этого без внимания и насладиться этим зрелищем, то войско естества совершило набег на эти просторы, и птица помыслов взлетела под небеса. Меняло сердца взял из этой сокровищницы бесконечно дорогие рубины и драгоценные жемчужины. Садовник души собрал с этой лужайки бесконечное и беспредельное количество роз и жасминов. Когда благодаря этим дарам и добыче было достигнуто богатство, то рожденные им цветы стали без меры и числа раскрываться для людей, и я начал невольно осыпать ими их головы“².

Первым крупным достижением Навои в этой борьбе явилось создание им знаменитых четырех диванов — четырех

¹ Навои, Хайрат ал-аббар, научно-критической текст, подготовленный старшим научным сотрудником Института восточных рукописей АН УзССР С. М. Муталибовым, рукопись, стр. 42; Əlişer Navaij, Nəjrətul-əvrag, Tashkent, 1941, стр. 16.

² Там же, стр. 19; стр. 29.

сборников стихов (чардиван)¹, включающих в себе до 47 тысяч строк, написанных почти во всех жанрах персидской поэзии.

Однако, несмотря на замечательные успехи, Навои убедился, что родная литература все же еще не достигла того уровня, какого бы ему хотелось. Навои стал стремиться к созданию еще более величественных произведений, чтобы не только поднять, возвеличить родную литературу до уровня персидской, не только сравняться с великими персидскими поэтами, но и вступить с ними в соревнование и превзойти их. Именно патриотический пафос, а не что иное, побуждал его доказывать ценность родного языка для дела создания большой литературы. И вместе с тем он был очень озабочен тем, чтобы его новые произведения по ценности поэтического и идейного содержания были не ниже произведений великих персидских поэтов. Он хочет построить величественный купол поэзии:

مین دیوانه سار بیجا سره
اوزوم اوز جانیمه ستمکاره
قطره ایچکونجا دسترس مینکا یوق
غیر در ایچیکار بوس مینکا یوق
یوق ایکیکیدا بیر آویچ لغت سراق
یا ساق کام کنبندنه طاق

То есть:

„Я подобен беспомощному безумцу,
Терзающему собственную душу...
У меня нехватает сил, чтобы выпить каплю воды,
А я мечтаю выпить целое море.
В моей руке нет и горсти праха,
А я желаю построить купол в девять сводов“².

Эта великая творческая задача, разрешение которой Навои ставил перед собой, заключалась в создании „Хамса“ (Пятерицы) на родном языке, которую даже на персидском языке удалось создать только некоторым великим поэтам. Он ясно представлял себе величайшие трудности в разре-

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 20; М. Л., стр. 29—30.

² Навои. Хамса, стр. 103; Əlişer Navaij, Xamisa (сокр. издание), Tashkent 1941, стр. 265.

шении этой задачи и неоднократно подчеркивал их в своих произведениях:

ایمان آسان بود میدان ایچرا تورمان
نظامی پنجہ سیغہ پنجہ اور مانقا
تو نامی کیم قیلدی اوز چنگینی رنجہ
نیکیم اوردی آتینگ چنگینه پنجہ
کیراک شیر آید اہم شیر جنگی
اگر شیر اودنا سا باری پلنکی
.....
.....

نظامی ایردی انداق پیل والا
کہ چکیٹی کینج کو ہر میل بالا
کیراک ہم پیل ایرور بو نکتہ معلوم
ہ کہ سالغای پیل خرطومیغہ خرطوم

То есть:

„Не легко выступать на этом поприще —
Ударять пятерней¹ по пятерне Низами.
Думаю я, что измучает свою пятерню
Тот, кто ухватится за его „Пятерню“.
Перед львом нужно быть боевым львом.
А если не львом, то хотя бы леопардом.
.....
.....

Низами был таким мощным слоном
Что тащил клад жемчугов на целые мили.
Нужен такой же слон, эта мысль известна,
Чтобы ухватить хоботом слоновый хобот“².

Несмотря на все трудности, Алишеру Навои суждено было совершить все то великое в узбекской литературе, что он намечал.

Ясно представляя себе культурно-политическое значение великой задачи, заключающейся в создании большой литературы на родном языке, и вполне давая себе отчет, насколько

¹ Игра слов — „Хамса“ (лапа-пятерня) означает сборник, состоящий из пяти поэм. Речь идет о создании одноименного произведения на узбекском языке.

² Навои, Хамса, стр. 162; Əlişer Navaij, Farhad va Şirin, Ташкент, 1910, стр. 38-40.

ко трудно ее выполнение, Навои смело берется за ее осуществление.

В „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои гордо заявляет, что своим произведением „Чар Диван“ он продемонстрировал силу, способность и поэтические возможности родного языка

بوزرت دېوان آواره سين چون ربع مسكون غز مكيكورد بيمين حمسه پنجہ سيغہ پنجہ اور مھين

То есть:

„После того, как я прославил эти четыре дивана по всему миру, я ухватился своей пятерней за пятерню „Хамса“ („Пятерницу“)¹.

Создание такого сложнейшего эпического произведения, как „Хамса“ на „вульгарном“ языке народных масс, явилось для Навои великим испытанием, которое он выдержал блестяще. Движимый пламенным патриотическим чувством, одаренный блестящим талантом, Навои успешно выполнил свою великую миссию, создав впервые в истории тюркских народов на родном языке величайшее произведение „Хамса“ („Пятерница“), состоящее из пяти больших поэм:

1. „Хайрат ал-абрар“ („Изумление мудрых“),
2. „Фархад и Ширин“,
3. „Лейли и Меджнун“,
4. „Саб'ан-сайяра“ („Семь планет“),
5. „Садди-Искандари“ („Александрова стена“)².

После завершения работы по созданию „Хамса“, им были написаны еще другие сочинения как поэтического, так и литературоведческого исторического и философского характера. из которых он отмечает в „Мухакамат ал-лугатайн“ следующие: „Зубдат ал-таварих“ („Сливки летописей“), „Насаим ал-мухаббат“ („Ветерки любви“), „Лисан аттайр“ („Язык птиц“), „Назм ал-джавалир“ („Нанизывание драгоценных камней“), „Мезан ал-авзан“ („Весы стихотворных размеров“)³.

В своих произведениях Навои, наряду с критикой существующего деспотического порядка, выразил прогрессивные, патриотические идеи. В заключительной части поэмы „Лейли и Меджнун“ ярко показана основная цель его твор-

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 22; M.L., стр. 30. В действительности Навои всю жизнь трудился над „Чар-Диваном“.

² Там же, стр. 29; стр. 3.

³ Там же, стр. 23; стр. 30.

чества, вытекающая из его борьбы за родной язык, за родную литературу, и точно определена собственная роль в этой борьбе:

میں خستہ کہ بورقم نے جب کہتیم
تجریری او چون قلم نے جب کہتیم
باز ما قتا بو عشق جا وودا نہ
مقصودوم ایماس ایدی فائز
مضمونیکا بولدی روح مہیسی
افسانہ ایدی اینک طیفیسی
لیکن جو رقم عنہ کیلئے سے مضمون
افسانہ اینکا لباس موزون
جو ایردی عرض کیم اول کر وے
کیم موزدا حیان قلیب شکوبی
جو نامہ او چون اولوب رقم کش
صفحه بوزین استی لار منقش
کو نکتہ لاری جہاننی تو تے
غوغا لاری انس و جانے تو تے
جون فارسی ایردی نکتہ شو تے
آذراق ایدی انه اترک ذوتے
اول تیل بلیہ نظم بولدی ملحوظ
کیم فارسی انکلا را اولدی ملحوظ
میں ترکیبہ باشلابان روایت
قبلہ کیم بوفسانہ نے حکایت
کیم شہرتہ چون جہا نغہ تولغا سے
ترکے ایلدی داعی بہرہ آلفا سے
نیچون کہ بوکون جہانہ اتراک
کو پتور خوش طبع و صاف ادراک

То есть:

„Когда я, измученный, начал это сочинение,
Когда взял калам для изложения его,
То при описании вечной любви
Моей целью было не само предание.
Дух склонялся перед его содержанием,
Но предание было лишь его формой.

Когда наметилось содержание,
Предание было ему подходящей одеждой.
Намерение мое было таково: люди,
Которые в слове выявили величие,
Написали эту книгу
И разрисовали лицо страницы.
Если их тонкие мысли покорили мир,
Их вопли покорили людей и джиннов,
А так как ход мыслей был персидский,
То тюрки получали от них меньше улады.
На этом языке были сложены стихи,
Которым радуется владеющий персидским.
Начав излагать предание по-тюркски,
Я рассказал эту легенду,
Желая, чтобы слава о ней прошла по всей
вселенной,
И чтобы тюркский народ также получил
наслаждение,
Ибо в наши дни в мире тюрков
Много людей с прекрасной душой и с ясным
разумом“¹.

Таким образом, Навои, подобно великим персидским поэтам, создал свои гениальные произведения „Фархад и Ширин“, „Лейли и Меджнун“, „Чар-Диван“ и т. д. на родном языке, несмотря на существовавшее предубеждение против узбекского языка, узбекской литературы, вопреки утвердившейся традиции персидского языка. Больше того, в этом историческом состязании с персидской литературой Навои доказал возможность создания на родном языке философских поэм, ярким свидетельством чего являются написанные им поэмы философского характера „Хайрат ал-абрар“, „Садди-Искандари“ и „Лисан ат-тайр“.

В своем творчестве он обобщил лучшие достижения и образцы своих предшественников, использовал многовековой опыт как своих предшественников-соотечественников, так и великих персидских поэтов, критически синтезировал то, что было ценного в богатом иранском культурном наследии. Он не только неутомимо изучал и исследовал язык своего народа, черпая жемчужины из нетронутых глубин его сокровища, но и в целях обогащения родного языка, смело заимствовал большое количество слов из арабского и персидского языков. Ибо такие гениальные поэтические и философские произведения, как „Фархад и Ширин“, „Лейли

¹Научно-критический текст „Лейли и Меджнун“, стр. 162;
Əlişer Navajı „Lajli va Maçnun“, Taşkent, 1940, стр. 491—492.

и Меджнун“, „Хайрат ал-абрар“ и т. д., безусловно требовали обширного лексикона¹.

Навои преобразовал и обогатил староузбекский язык и узбекскую поэтику, указав для их развития такую форму и направление, что они со всей полнотой и красотой могли отразить дух узбекского народа, богатство, блеск, преимущества и творческую силу узбекской литературы. Узбекская литература достигла в творчестве Навои изумительного совершенства. Благодаря своему гениальному творчеству, Навои выдвинулся, как основоположник узбекского литературного языка. Он заслужил это почетное звание не по времени своей жизни, так как и до него существовала узбекская литература, достигшая значительного развития, а за свои заслуги в деле развития и возвышения узбекского языка до невиданных высот. Навои был и остается основоположником узбекского литературного языка благодаря мощи и творческой силы его таланта, благодаря преобразованию, обогащению и созданию авторитета родному языку, благодаря утверждению его права на литературное существование и общее признание в литературе.

Навои практически доказал право узбекского языка, ранее находившегося в пренебрежении, называться литературным языком, создавать высокохудожественные произведения на нем и занимать место в одном ряду с персидским, написав на этом языке всевозможные произведения, начиная от газелей до эпических произведений и от рубаи до философских поэм.

Больше того, подобно Галилею и Ломоносову, Алишеру Навои пришлось доказывать право своего родного языка на литературное существование путем составления научно-теоретических и философских трактатов, так как до него создание подобных трудов представлялось абсолютно невозможным. Историко-литературоведческие и философские сочинения Навои „Маджалис ан-нафаис“ („Собрание редкостных людей“), „Мезан ал-авзан“ („Весы стихотворных размеров“), „Хайрат ал-абрар“ („Изумление мудрых, праведных“), „Садди-Исканлари“ („Александрова стена“), „Лисан ат-тайр“ („Язык птиц“) и т. д., действительно, являются ярким доказательством того, что узбекский язык вполне может стать не только языком литературы, но и языком науки, философии.

Он был не только преобразователем, создателем нового языка, родной литературы, но и был их пропагандистом.

¹ Об этом речь будет дальше.

В конце своей знаменитой поэмы „Фархад и Ширин“, говоря о том, что Низами покорил Азербайджан, Хосров — Индию, Джами — Иран и Арабистан, Навои пишет также о своей собственной сфере влияния, о том, что он своими произведениями покорил все тюркские народности, населявшие пространства от Хорасана до Китая, даже Ширван и Тавриз, о том, что его вдохновляли все тюркские племена, в том числе и туркмены:

دیالماسین که حسره و یا نظامی
و یا نظم اہلی نینک سرخی جاے

نظامی آلسہ بزوع بیرله کنجہ
قدم روم اہلینہ ہم قیلے و نجہ
چیکیب خسرو داعی تیغ زبان نے
یوروب فتح ایلا سه هندوستانی
یا نا جامی عجم دا اور سه نوبت
عرب دا داعی جا لسه کوس شوکت
اگر بیر تو م که یوز یوت مینک دور
محین ترک و لوسی خود مینک دور
آلب مین تحت فرمانده آسان
چرکب چیکمای خطا دین آخرا سان
خراسان دیمه کیم شیراز و تبریز
که قلمبیشه ور نه کلیم شکر ریز
کو کول بر پیش سوز و سکا ترک جان هم
نه یا لغوز ترک بلکه ترکمان هم
تی ملک ایچرا که بیر سرمان یو بار دیم
اینک قبطیغه بیر دیوان یو بار دیم
بود دیوان توتسی اول کشور نه انداق
که دیوان توزماکان دستر نه انداق

То есть:

„Я не Хосров, не мудрый Низами,
Не шейх поэтов нынешних — Джами.
Но так в своем смирении скажу:
По их стезям прославленным хожу.

Пусть Низами победоносный ум
 Завоевал Берда, Ганджур и Рум;
 Пусть был такой язык Хосрову дан,
 Что он завоевал весь Индустан;
 Пускай на весь Иран поет Джами,
 В Аравии в литавры бьет Джами,—
 Все турки всех племен, любой страны,
 Все турки мной одним покорены.
 Я войск не двигал для захвата стран—
 Но каждый раз я посылал фирман.
 Скажи: писал я дарственный диван
 Не так, как государственный диван.
 И от Ширази до степей туркмен,
 От Хорасана до китайских стен,—
 Где б ни был турк,—под знамя тюркских слов
 Он добровольно стать всегда готов¹.

Современник Алишера Навои — великий персидский поэт Джами — очень высоко отзывался о его поэмах. Говоря о Навои, как о непревзойденном мастере слова, он ставил поэмы его выше одноименных поэм Низами и Хосрова Дехлави:

بزرگی زبان نقش آمد عجب
 که جادو دمان را بود مهر لب
 ز چرخ آفرینها بران گلک باد
 که این نقش مطبوع از ان گلک زاد
 بخشید بر فارسی کو هر سران
 بنظم درسی نظم آوران
 که کردی آنهم بنظم درسی
 نمائی مجال سخن گسترے
 بمیزان آن نظم معجز نظم نام
 نظامی که بودی و خسرو که ام
 چو او بزرگان دگر نکتہ را ند
 خرد را بجز ایشان ره نماند

¹ Навоий, Хамса, рукопись, стр. 269; Alişer Navaij, Farhad va Şirin, 1940, стр. 826—828. Русский текст цитируется по переводу А. Пеньковского, М., 1946, стр. 361.

То есть:

Появилось дивное сочинение на тюркском языке, Оно да будет печатью на устах чародеев. Да восхвалит судьба его перо, ибо оно породило это сочинение.

Подарил он драгоценные камни персидскому языку, и тем, кто говорит стихи на придворном языке. Если бы его сочинение тоже было написано по-персидски, не осталось бы больше места для красноречия. В сравнении с этими же подобными стихами, каков был бы Низами и каков Хосров. Но так как он писал на другом языке, то разуму нет пути, чтобы о них судить¹.

В „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои также говорит о том, что государь Хусейн Байкара, учитывая его, Навои, выдающиеся заслуги в родной литературе, дал ему прозвище صاحبقران в смысле „великий покоритель слов“, „царь

поэтов“², а высокопочтенный Джами المتكلم в смысле „выдающийся мастер слов“³.

„Али-Ширбек,—говорит Бабур,—не подлежит никакому сравнению. С тех пор, как стали писать стихи на тюркском языке, никто не писал так много и хорошо, как он“.

Навои, как он сам гордо заявил в своей поэме „Лисан ат-тайр“, явился основоположником, пламенным борцом и знаменосцем узбекского языка и узбекской литературы.

بزرگی نظمید اچو تارتیب مین علم
 ایدیم اول ملکیت نے یکتلم

„В тюркской поэзии знамя поднял,
 И прочно завладел этой страной“.

Однако персидский язык и при жизни Алишера Навои продолжал господствовать как в литературе, так и науке. Навои горел желанием показать, как шла борьба за родной язык и как совершался процесс создания узбекской класси-

¹ Джами, Хафт авранг, Ташкент, 1913, стр. 499; русский перевод по М. А. Салье, „Книга благородных качеств“ и ее автор. См. сборник „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 187—188.

² Chrestomathie en turc oriental, стр. 32; М. Л. стр. 37.

³ Там же, стр. 38; М. Л., стр. 41.

ческой литературы, достойной занять почетное место в ряду персидских классических произведений. Он стремился также и теоретически обосновать право родного языка занять в литературе место наравне с персидским.

Вместе с тем, он имел намерение (хотя он конкретно об этом не упоминает) нанести окончательный удар тем реакционным элементам, которые клеветали на тюрков, считая их грубым, вульгарным, жестоким и невежественным народом¹, и защитить свой народ от подобных налетов.

Все это побудило Навои написать свой научный трактат „Мухакамат ал-лугатайн“ („Суждение о двух языках“) и показать современникам, особенно тем, которые, отдавая предпочтение персидскому языку, пренебрегали родным языком, и тем, которые враждебно были настроены против него, что родной язык может и должен стать равноправным и всеми уважаемым литературным языком.

В своем стремлении разбить предвзятое мнение о тюркском народе Навои сознательно доходит до неправильного истолкования и утверждения, что будто тюрки по сравнению с персами по своей природе, по происхождению являются более талантливым, более одаренным народом². „Из любопытного сопоставления персов с турками в „Мухакамат ал-лугатайн“ видно, что Мир-Али-Шир питал надежду, что турки и в культурном отношении затмят персов. Несколько наивно автор видит превосходство турок перед персами в том, что каждый турок знает по-персидски, тогда как почти ни один перс не знает по-турецки (т. е. по-тюркски)“³.

Навои вынужден был сделать такое сравнение как языковое, так и этническое, ибо другого выхода он в этом вопросе не видел.

تیل لاری کمال و نقصان حیثیتی دین فاحش تفاوت لاردور که الفاظ و عبارات وضع قیاس
ترک سارت که فایق کیلیب دور و اوز الفاظید اشارت عبارتیغه مزیت لار کور کوز و تپو
ترک الفاظی و اصنعی اسر و کوب وقتد اقباله اظهاری قیلیب جزوی مفهومات او چون
الفاظ وضع قیلیب دور که صاحب و قوت کیشی تا نظا هر قیلیب کس اینانسه هم بولماس

¹ См. Е. С. Салимов, стр. 663; 285. Даже теперь в некоторых современных персидско-русских словарях мы встречаем аналогичную антинаучную характеристику, см. „Полный персидско-арабский словарь“, составитель И. Д. Ягелло, Ташкент, 1910, стр. 388.

² Chrestomathie en turc oriental, стр. 6 ; стр. 18.

³ В. В. Баргольд, Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сборник „Мир-Али-Шир“, стр. 108.

То есть

„Но есть большое различие в отношении преимуществ и недостатков этих (т. е. тюркского и персидского) языков, а именно—тюрки превосходят сартов (т. е. иранцев) в словообразовании, а также в области употребления знаков (т. е. грамматических форм)... Создатели тюркского языка для выражения тончайших оттенков мысли и чувства образуют слова при помощи такого разнообразия гиперболических выражений, что нельзя этому даже и поверить до тех пор, пока знающий человек этого не разъяснит“¹.

Для характеристики словесного богатства, стилистического преимущества, зрелости и превосходства родного языка Навои приводит список ста глаголов, а также перечисляет глаголы с различными смысловыми оттенками, многочисленные синонимы и омонимы, которые играли большую роль в поэтической речи того времени, и значения которых не могут быть выражены на персидском языке, так как они чужды ему. Наряду с этим он перечисляет ряд грамматических форм, которых также нет в персидском языке².

Особая ценность и убедительность его доказательств заключается в том, что Навои все свои положения сопровождает стихотворными примерами.

Алишер Навои, защищая права родного языка, отнюдь не требовал полного отказа от персидского языка. Он не требует категорически, чтобы поэты и писатели тюркского происхождения совершенно не писали и не говорили на этом языке. Наоборот, признавая и доказывая богатство и высокие качества родного языка, Навои вместе с тем предьявляет справедливое требование к поэтам и писателям „побольше писать на своем родном языке“ для того, чтобы сделать его мощным орудием развития культуры и просвещения своего народа:

آندین سوکراکیم ترک تیلی نینگ جامعیتی مونجه دلایل بلیه ثابت بولدی کیراک یردی کیم بو خلق
ار اسپیدین پید ابولغان طبع اهل صلاحیت و طبع لارین اوز تیل لاری تورغاج اوز کاتیل بلیظه
قیلما سا یردی و ایشکا بو یورما سالار یردی و اگر ایجا لاسی تیل بلیه آیتور قاطبیت لاری بولسا
اوز تیل لاری بلیه کوراک آیتسا لار یردی و یا نایر تیل بلیه آیتسا لار یردی و اگر ایجا
قیلسا لار ایچلاسی تیل بلیه نینگ آیتسا لار یردی

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 6—7; М. Л., стр. 18.

² Более подробно об этих фактах будет речь в следующих главах.

То есть:

„После того, как доказано богатство тюркского языка множеством доводов, — пишет Навои, — поэты и писатели, вышедшие из среды этого народа, не должны раскрывать свои таланты и способности на ином языке, когда есть у них свой (родной) язык. Если они способны говорить и писать на обоих языках, то им следовало бы говорить и писать больше на своем (родном) языке, меньше на ином (персидском). В крайности, им следовало бы говорить и писать поровну на обоих языках“¹.

Утверждение родного языка в его правах — таково в основном требование Навои, с которым он обращается к ученым, писателям и поэтам — своим современникам. Это требование Навои имело для того времени великое, прогрессивное значение.

Навои вел борьбу не против персидского языка и не против персидской литературы; он боролся за поднятие авторитета, за общее признание и за равноправие родного языка и родной литературы; боролся с теми (будь то иранцы или сами турки), которые издевались и пренебрегали родным языком. Он развивает свою идею не с целью ущемления интересов других народов, а рассуждает просто в рационалистической форме.

Свое отношение к персидскому языку, а также и к персидской литературе Навои совершенно ясно выражает в следующих словах:

بوسوزلار دین خصم مونداق بیله سون و مدعی بو نوع کمان قیلم سون که مینیک طبعیم ترک انفاطینه
طایم توشکان اوجون تعریفید امانه اظهار قیلور مین و فارسی عبارت قه مناسکتیم آزارق
اوجون انکار و نفی غم امرار کور کوزور مین

То есть:

„Пусть противники не поймут из этих слов и оппонент не заподозрит, что раз симпатии Навои на стороне тюркского языка, то он преувеличенно восхваляет его. А так как персидский язык его мало касается, то он стремится отрицать и свести на-нет этот язык. Пусть никто так не думает“²...

¹Chrestomathie en turc oriental, стр. 19; М. Л., стр. 28.

² Там же, стр. 24, М. Л., стр. 31.

Требую от поэтов, писателей и образованной части общества тюркского происхождения „говорить и писать больше на своем (родном) языке“ или, в крайности, „говорить и писать поровну на обоих языках“, Навои признает значение персидского языка, как исторически закрепленного традиционного „священного“ языка, и сохраняет глубокое уважение к нему и к персидской литературе. Но он беспощадно громит реакционных поэтов и литературоведов своего времени, говоривших, что „Навои не знает персидского языка и поэтому он против него“. В ответ на это он гордо заявляет:

فارسى الفاظ استيفاسين و اول عبارت استقصا سين كشي ميندين كو پراك قيلما يدور ايرگين و صلاح
و فسادين ميندين بخشيرا ق بيلما يدور ايرگين

То есть:

„...Никто не знает больше и лучше меня персидских слов и выражений, никто не владеет ими так, как владею я; никто не может различать лучше меня, что хорошего и что плохого в них“¹.

Как утверждают современники, Навои в совершенстве владел не только персидским, но и арабским языками, прекрасно знал законы их словообразования. Навои заявляет, что еще в молодости он наизусть знал больше пятидесяти тысяч двестишты из произведений персидских поэтов². На персидском языке он написал прекрасные стихи в разных поэтических жанрах, которые составляют отдельный диван (сборник стихов). Большинство из них получили хвалу и одобрение его современника — великого персидского поэта Абдурахмана Джамии³. Поэтому еще в молодости Навои получил прозвище ذواللسانين „Двуязычного“. Этот факт, а также его способность создавать прекрасные стихи на персидском языке отмечены также и его современником, историком Давлет-шахом:

¹ Там же, стр. 24, М. Л. стр. 31.

² Там же, стр. 23—32; стр. 31—36.

³ Там же, стр. 25, стр. 35.

„Во время юности он (Навои),—говорит Давлет-шах,—знал два языка, и в поэзии тюркской сделался самым знаменитым, а в персидской—отличным“.

Около сорока лет Навои систематически занимался изучением поэтических и прозаических произведений персидских, а также, разумеется, отечественных поэтов и писателей, давал соответствующие отзывы на их творения¹. Цитируя некоторых из них, а именно Амира Хосрова Дехлави, Хафиз Ширази, Абдурахмана Джамии, Шейх Муслихиддин Са'ади и т. д. и давая им краткие характеристики², говорит так:

فایسی الفاظ عجیب منبری ملاحظہ سے اور اکیہ اطمینان اور زینت سالما پیدور بلکہ اولی وادی قطعہ انگلیکم
بدونہ سے نیز کام بیخ قدم اور مانغان بیر قالمایدور . . . بارچا سبغا کوب قلم او توت مین
بلکہ کوبین یاد تو توت مین و قصاید و غزلیات لاری نیک غریب و لطافتین بیب مین بلکہ غریب
راق و لطیف راق لاریغہ تتبع دانلی قلیب مین

То есть:

„Моя природа непрестанно стремилась постигнуть недостатки и достоинства персидского языка. В этой долине не осталось места, куда бы не вступало мое быстрое перо“³.

„Всех их (т. е. произведения персидских авторов) я читал и перечитывал неоднократно, даже многие из них заучил наизусть и познал тонкость и изящество касыд и газелей. Я даже детально исследовал наиболее интересные и искусно написанные из них“⁴.

Такое многолетнее и кропотливое изучение персидских и арабских языков и литератур, а также изучение философии, истории и теории литературы и искусства, безусловно дало ему возможность еще глубже постигнуть дух и тонкости родного языка. Оно окончательно убедило его в богатстве словарного запаса, гибкости грамматических форм и поэтических достоинствах родного языка и даже в превосходстве его над персидским языком.

¹ Там же, стр. 23—28; стр. 30—36.

² Там же, стр. 23—33, стр. 31—37.

³ Там же, стр. 28; стр. 36.

⁴ Там же, стр. 25; стр. 32.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что Навои не отрицает роли и значения персидского языка и персидской литературы в развитии и обогащении родного языка и родной литературы. Наоборот, как великий поэт и мыслитель эпохи, он впитал в себя лучшие достижения и традиции персидской литературы. Если бы он не был прекрасно знаком с творчеством великих персидских поэтов, он не мог бы широко использовать их опыт в создании большой литературы на родном языке. Высоко чтя, как великих персидских предшественников, так и современников, он считал их своими учителями. Вот что он написал в своей первой поэме „Пятерица“ („Хайрат ал-абрар“):

میں کہ طلب یولید ا تویدم قدم
بار دور امیدیم کہ چو توت م قلم
یولہ اسا بو یولہ انظا سے یولوم
تولہ اسا خسرو بیلا جامی تولوم
نکتہ سرودیدار ودا بولمانا سے
بوکہ نو ایغاناوا بولمانا سے
ایلتسا جاہ اہلیغا مفلس بناہ
تاپ قبول اول ہم اولور اہل جاہ

То есть:

„Я вступил на путь исканий,
И есть у меня надежда: когда я возьму калам,
Низами будет мне на этом пути товарищем,
Поддержат меня за руки Хосров и Джамии,
Поэтому не может случиться, чтобы при высказы-
вании тонких мыслей

Не нашлось бы у Навои напева.
Если бедняк обратится к сановным людям,
То, получив к ним доступ, и сам он будет сановит“¹.

Но он не хотел быть простым подражателем, а стремился создать новые, оригинальные произведения, отличающиеся от произведений персидских поэтов:

¹ Научно-критический текст „Хайрат ал-абрар“, стр. 42; Əlişer Navaij, Hejretul-Əbrar, 1941, стр. 16.

آنه نظم ايت که طر عينک تازه بولغاي
 اولوس قديميل بي اندازہ بولغاي
 بوق ايرسہ نظم قيلغاي نئے خداي
 کتر ايلماک سيندين نئے لايق
 خوش ايرماس ايل نو بچہ خوش سوراق
 بولي کيم ايل يوکورميش دور يوکورماق
 بير او کيم بير همين داسا بير ايردي
 نيچ کيم کل آجيلغان کوردکا تيردے
 هم اول ييرد اياکس کل ايستماک خوب
 بو بوستان صحنيد اکل کوب همين کوب

То есть:

„Сложи его (т. е. предание) в стихах, но так,
 Чтобы построение было новым,
 У людей склонность к нему без меры была бы.
 Если же нет, то уже рассказанное другими в стихах
 Тебе повторять неуместно.
 Нехорошо гнать коня вслед за людьми,
 Спешить по пути, по которому спешили другие.
 Гулял некто на лугу,
 Где только видел распутившийся цветок,— срывал.
 В этом же месте цветов искать нехорошо:
 В этом цветнике и цветов много и лугов много“¹.

Борьба Алишера Навои за родной язык выражалась не только в его творческой и литературоведческой работе, но также и в кипучей общественной и государственной деятельности. Он был одним из вдохновителей и организаторов литературного движения эпохи, автором большинства ее литературных замыслов. Он проводил меджлисы поэтов и просвещенных людей, сам непосредственно участвовал в них и возглавлял их. На этих меджлисах Навои продолжал борьбу за родной язык, родную литературу, пропагандировал их преимущество и высокие качества, защищая их от реакционных нападок и призывая „форсигуй“—поэтов и писателей тюркского происхождения—писать на своем родном языке.

¹ Навои, Хамса, стр. 167; Əlişer Navaj, Farhad va Sirin, 1940, стр. 52. Перевод данного отрывка цитирую по статье проф. Е. Э. Бергельса „Навои и Низами“, в сборнике „Алишер Навои“, 1946, стр. 77.

Ибо для того, чтобы завоевать родному языку всеобщее признание, необходимо было еще разрушить, рассеять предвзятое ложное мнение о нем, господствовавшее среди поэтов, писателей и образованных людей в эпоху Навои. В образованных аристократических кругах было еще немало людей, считавших, что язык „тюрки“, т. е. староузбекский язык, груб и беден, что он не способен передать то, что передают богатые, плавные, гибкие и величавые языки арабский и персидский; что нельзя выразить на этом языке тончайшие поэтические мысли и чувства; что только на персидском и арабском языках можно подлинно-научно мыслить и подлинно-поэтично выразиться. Эти реакционные круги открыто заявляли, что на тюркском языке нельзя создавать высокохудожественных произведений. Они не признавали за поэзию стихотворения, написанные на тюркском языке. Некоторые поэты даже упрекали Навои за его симпатию и склонность к родному языку и всячески пытались высмеять его.

Навои вел упорную борьбу с такими реакционными взглядами. Он подвергал жестокой критике всех, противодействовавших созданию художественных произведений на родном языке и тормозивших развитие культуры узбекского народа.

Борьба за родной язык принимала такой ожесточенный характер, что иногда выливалась в форму политического памфлета. Некоторые подробности о происходивших полемиках, содержащиеся в мемуарах современника Навои—Зайн ад-дин Махмуд Васифи „Бадай ал-вакаи“ („Удивительные события“), свидетельствуют об открытой вражде, существовавшей во времена Навои, в отношении староузбекского языка. Очень характерна и интересна полемика, происходившая между Навои и его современником Бинаи.

Как известно из источников, Бинаи—представитель реакционной части общества—всегда поддерживал и превозносил до небес персидский язык и всячески унижал староузбекский, делая злобные выпады против него. Для иллюстрации приводим одну из таких дискуссий, происходивших между Навои и Бинаи.

Рассказывают, что однажды, после возвращения Бинаи из Ирака, на меджлисе, где присутствовали все просвещенные люди и вельможи, Алишер сказал (Бинаи):—„Если сохранилось в вашей памяти что-либо, касающееся достоинства Якуб-бека, скажите.“ Мавляна Бинаи ответил:—„Из всех достоинств Якуб-бека ни одно не сравнится с тем его достоинством, что он не говорит по-тюркски“. Алишер сказал: „О Бинаи, грубость твоя перешла все границы. Ты достоин

того, чтобы тебе набили рот нечистотами".—Бинаи ответил: „Это нетрудно, достаточно продекламировать тюркские стихи“¹.

Этот спор, часто происходивший между Навои и Бинаи, иногда выражался в оскорблениях по отношению к Навои. Например, перед тем, как выехать из Герата, Бинаи покрыл своего осла потником невиданного до сего времени фасона и назвал его „потником Алишера“².

Приведенные выше эпизоды хорошо иллюстрируют, какой ожесточенный характер принимала борьба за родной язык, какой остроты достигали разногласия между Навои и Бинаи, являвшегося выразителем определенной идеологии, идущей вразрез со взглядами Навои. Злобные выпады как самого Бинаи, ярого представителя реакции, так и его единомышленников, против староузбекского языка имели политический характер и были направлены против стремлений Навои сделать родной язык общепризнанным литературным языком, против его прогрессивной деятельности.

Комментируя вышеприведенный рассказ из мемуаров Васифи „Бадай ал-вакаи“, востоковед А. Н. Болдырев подтверждает, что крайне язвительный выпад Бинаи направлен против того, что было для Алишера, вероятно, ближе всего и дороже всего—против всей его действительно грандиозной созидательной работы в области литературы на родном языке. Выпад Бинаи выходит за пределы простой язвительности и, несомненно, имеет определенное политическое содержание³.

Алишеру Навои приходилось вести тяжелую борьбу с реакционным течением, устранять препятствия, лежавшие на пути родного языка и закрепления его в литературе. Хотя он своим творчеством поднял родной язык до невиданных до того времени высот и прочно утвердил его литературные права, но общая ситуация мало изменилась. В силу открытой вражды по отношению к родному языку и крепко установившейся традиции большинство поэтов и писателей тюркского происхождения продолжали писать на персидском языке.

Однако борьба не прекратилась. Вопрос языка, как мы выше указали, теряет характер чисто научный и принимает острополитический оттенок; это диктуется самой жизнью,

¹ Васифи, Бадай ал-вакаи, Фунд.библ. АН УзССР, рукопись, стр. 117—118. Русский перевод, цит. по А. Н. Болдыреву, Алишер Навои в рассказах современников, сб. „Алишер Навои“ Института востоковедения АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 147.

² А. Шарафутдинов, Алишер Навои, Ташкент, 1939, стр. 31.

³ А. Н. Болдырев, цит. работа, стр. 147.

общественной обстановкой. В глазах прогрессивной части правящих кругов, он начинает приобретать даже злободневное, общегосударственное значение. По словам Навои, сам шах Хусейн Байкара принимал (конечно под влиянием Навои) деятельное участие¹ в борьбе; предпочитая так же, как и Навои, родной язык персидскому, он пишет на нем несравненные газели, создает замечательный диван.

سرف طبع و لطيف ذهن لاريدن داعي اگر چه هم فارسي ديما ککا قادرو هم ترکچه ايتمه قده ما هر اردی
اصلي طبع اقتضاسی و شایع تکلم مناسبی اداسی بلبه ترکی دیوان ته و نینغه میل قیلدیلار
دولدی راجبات و بل نظیر غزلیات تراقیب بیرویلار

То есть:

„Хотя его благородная натура и тонкий разум были способны на то, чтобы писать как на персидском, так и на тюркском языках, однако в связи с его истинно природной склонностью и пространностью этой (т. е. тюркской) речи, он пожелал создавать диваны на языке тюркском и сочинил очаровательные стихи и ни с чем несравнимые газели“².

Однако энергичная деятельность как Навои, так и отдельных прогрессивных деятелей, не увенчалась полным успехом: их пропаганда не могла пробить твердую стену персидских традиций. Дело дошло до того, что шах был вынужден издать специальные официальные указы *حکم لار*, обязывающие поэтов тюркского происхождения писать стихи на родном языке. Были применены методы поощрения и вознаграждения по отношению к тем поэтам, которые писали свои сочинения на родном языке, были составлены специальные пособия по стихосложению и технике чтения стихов на родном языке.

با وجود بوسلطان سلطانین نیک کیمیا اثر خاطر می و خورشید آنا رضمیری داعی مونکا مایل که ترک
ناظم لاری اوز الفاظ لاری بلبه شعره مشغول لوق قیلغا یلار و کونکول غنچه سی داعی دین که سج لارجوب
دور کبار نسیمی دیک نفا س بلبه کله کیت قیلغا یلار و التفات و ایتنام پوریدین بعضی
معنی لارنا ميب نظم فیلورغه حکم لدر هم جاری بولدی و سوزاسلو بنجه تعیین لار و اداسینه
تعلیم لدر هم اظهار بولدی

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 35; М. Л., стр. 39—40.

² Там же, стр. 35; М. Л., стр. 40.

То есть:

„...его (т. е. Хусейна Байкары) благородное сердце склонно также к тому, чтобы тюркские поэты занимались писанием стихов на своем родном языке и чтобы великое множество еще не раскрывшихся бутонов расцвело под дыханием, подобным приятному дуновению весеннего воздуха.

Благодаря (его) вниманию и заботам, он, найдя ряд поводов, издал указы¹ о том, чтобы писали стихи на родном языке; были определены и изложены техника поэтической речи и способы стихосложений, для осуществления которых был также составлен ряд пособий².

Нам кажется, что сочинения (Навои) „Мезан ал-авзан“ („Весы стихотворных размеров“) и „Муншоат“ („Послания“) были составлены именно на основе таких практических соображений. Подвергая глубокому научному анализу арабскую систему стихотворной метрики арус, Навои в своем сочинении „Мезан ал-авзан“ ставит главной целью применение ее в отечественной поэзии.

عجم شعرا سی و نوس فصحا سی هر قالیسی اسلوبا کیم سوز عرو سینغه جلوه و نمایش یریب یردوب
ترک تیلی بیله قلم سوردوم و هر نیچوک قاعده و اکیم معنی ا بکار یغه زینت و آرایش کور کوزوب
ایر و یلار چیغای لفظی بیله زقم اور دوم انداق کیم آتا بو ندکور بولغان تیل و لفظ بناسی دور هیچ
ناظمغه بودست یرما یدور و هیچ راقم غمه بو میسنه بولما یدور

То есть:

Аджамские поэты и персидские мастера слова на разный манер украшали торжественно и блестяще невесту—Слово; я же начал писать на тюркском языке; если (они) различными путями украшали и прихорашивали девушку—Смысл, то я выразил все это на чагатайском говоре. С тех пор как существует здание этого языка и слова, оно не употреблялось в поэзии и не было приемлемым ни для одного поэта³.

¹ Навои слишком преувеличивает роль Хусейна Байкары в проведении этих мероприятий. Все данные свидетельствуют о том, что истинным вдохновителем и главным организатором этих мероприятий был сам Навои.

² Chrestomathie en turc oriental, стр. 36; М. Л., стр. 40.

³ Навои, Мезан ал-авзан, рукопись, хранящаяся в Уз. Гос. публ. библиотеке им. Навои, № 1208, стр. 3.

Пропаганда за освоение родной литературой арабской стихотворной метрики в поэзии, преобразованной и приспособленной иранцами к персидскому языку, безусловно имела для того времени большое практическое значение. Заимствуя из поэзии арабов и иранцев не только метрику, но и самые поэтические формы, Навои в то же время преобразовал и усовершенствовал их. Эти стихотворные размеры в поэтических произведениях Навои достигли такого блестящего совершенства, что даже трудно признать в них чуждое, привнесенное извне, заимствование.

При создании своего сочинения „Муншоат“ („Послания“ — образцы писем), Навои руководствовался практическими соображениями. Жалуюсь на то, что вся официальная и даже личная переписка ведется на персидском языке, Навои выступил в защиту родного языка, доказывая широкие возможности его использования в практической деятельности. Для осуществления своих целей он составил наглядное пособие под названием „Послания“, включающее десятки образцов переписки и посланий:

د مقابلده فارسی الفاظ نینک دیزیریش لاری موجود و دلپسنده مکاتب و املا لاری
خیالغه انداق کیله کیتم ترک الفاظی نینک دغنی رفعه لاری همول مثال بیله ایتیلکای و بو
تیل نامه لادین هم او شول منوال بیله ثبت ایتیلکای . . .

То есть:

„Наряду с этим на персидском языке существует бесчисленное множество прекрасно написанных бумаг, писем и документов, и мне пришло в голову написать тюркскими словами такие же письма по подобному образцу, и таким же образом закрепить на бумаге документы на этом языке.“¹

Но все старания Навои, официальные указы и мероприятия по утверждению узбекского языка в его правах не могли содействовать резкому улучшению положения:

ترک اولوسی نینک خوش طبع بک لاری و میزاده لاری صاحب ذهن پاک طبع لاری
د آزاده لاری انداق که کیراک مشغول کوق اسبابین توز آتما دیلار و اول نوع طبع نتیجه سی
کور کوز آتما دیلار که اندین خوش کویوق امیدگی توتسه بولغای بلکه بو امیدند آلام نینک
روزکاری حالینه بووتسه بولغای

¹ منشآت علی شپیر نوایی 1

То есть:

„Образованные беки, вельможи и одаренные люди тюркского народа не смогли должным образом заняться этим делом и не смогли добиться соответствующих результатов, хотя и можно было надеяться, что они создадут хорошие стихи, так как есть возможность приблизить эту надежду к их жизненным условиям“.¹

Однако образованные люди и поэты не только не откликнулись на призывы, поощрения и вознаграждения, но даже, не подчиняясь официальным правительственным распоряжениям, проявляли *نافرمانليغ* упорство и придерживались старых традиций. Глубоко возмущенный и оскорбленный в своих патриотических чувствах, Навои расценивал таких людей, как совершающих *ضلالت* грех, заблуждение.

طرفه راق بگويم چونوع پادشاه سخندان ترغیبی و تلقینى و احسانه و تحسینی قاعده متابعت و موافقت نه او انو توب و جاده نافرمانليغ و ضلالت نه توتوب کوبه بلکه باریسی فارسینه مایل بولدیلار و اول تیل بلید نظم غه قایل

То есть:

„Удивительно еще и то, что они, забыв правило следования и подчинения таким побуждениям и призывам, поощрениям и похвалам царя — ценителя слова — стали на путь упрямства и греха; большинство из них, даже можно сказать все, проявили склонность к персидскому языку и писали свои стихи по-персидски“.²

Таким образом, несмотря на создание на родном языке литературы, могущей соперничать с персидской, на некоторое ослабление позиций персидского языка, последний все же продолжал занимать господствующее положение.

В чем основная причина такого положения? Почему поэты, писатели и образованные люди тюркского происхождения, несмотря на правительственные поощрения, продолжали предпочитать персидский язык родному языку?

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 36; M. L., стр. 40.

² Op. cit., стр. 36; M. L., стр. 40-41.

Причину этого сам Навои видит в трудности сочинять на родном языке художественные произведения:

بولشيش موندن اوز کا بولا آلماس که ترک تیلی تعریفیدا آنداق که یوقا ریراق مذکور بولدی باوجود الفاظ کثرت و عبارات و سعنی و معانی غرابتی و ادا اسلاستی و پذیر باغلا ماقته صعوبت بار و دولیسند ترتیب بیرماکه طبع رنج و عقوبت ناپار

То есть:

Причиной этого является лишь то, что хотя, как указано выше по поводу тюркского языка, таковой обладает богатством слов, широтой выражений, тонкостью мыслей и плавностью речи, имеются трудности в том, чтобы сочинять на нем красиво; приходится затрачивать много труда и преодолевать большие затруднения, чтобы писать привлекательно (на узбекском языке)¹.

Но истинная причина такого положения, заключалась не в этом. Навои не был в состоянии правильно понять это. Его объяснение по этому вопросу нам кажется не убедительным и не характерным.

Главная (можно сказать объективная) причина такого положения заключалась в следующем: во-первых, Навои боролся за родной язык, родную литературу, за просвещение своего народа, живя в Хорасане, где основной массой населения являлись не тюркоязычные, а персоязычные народы. Для расширения и укрепления позиций староузбекского языка, для установления прочных литературных традиций на нем в персоязычном Хорасане объективно не было реальной базы, не было влиятельной поддержки, на которые мог бы Навои опираться. Такая ситуация, такая этническая пестрота не давали возможности расширять и укреплять позиций староузбекского языка. Поэтому неудивительно, что влияние Навои даже в отдаленных тюркоязычных областях оказалось сильнее, чем в Хорасане. Авторитет Навои в этих областях был настолько велик, что в течение веков поэты учились у него, черпали жемчужины из его сокровища и создавали целые школы Навои.

Во-вторых, восточный феодализм был очень консервативен и деспотичен, классовое давление было сильным, а в-

¹ Там же, стр. 37; стр. 41

народе национальное самосознание, как таковое, еще не зародилось. Патриотическое чувство по отношению к родному языку проявляла только прогрессивная часть общества.

В-третьих, влияние персидских традиций и открытая, злобная вражда, реакция по отношению к родному языку были еще сильны.

Однако основная и коренная причина такого положения заключалась в том, что политическая и экономическая раздробленность страны в условиях феодализма не давала возможности создания общенационального языка, в результате чего попытки отдельных личностей, как Алишера Навои и других, не увенчались полным успехом.

IV.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ТРАКТОВКЕ НАВОИ

Борьба Алишера Навои за родной язык, за родную литературу протекала в тесной связи с развитием его мировоззрения. По мере роста национального самосознания в прогрессивной части общества росла и ширилась деятельность Алишера Навои в этой области: постепенно она переросла в философскую борьбу, философскую защиту положений.

Навои ставил перед собой задачу — добиться не только теоретического равноправия и практического применения родного языка, но и философски обосновать это равноправие.

Проблема происхождения языка, вообще, и отдельных языков, в частности, учение о слове и семантике, о взаимоотношении языка и мышления, о форме и содержании и их взаимосвязи являлись основными объектами его философских исследований.

В своем научном трактате „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои теоретически обосновывает свои положения о тюркском (староузбекском) языке, его происхождении. Сопоставляя родной язык с другими языками, Навои приводит доказательства его мощи, богатства и стилистического совершенства и высказывает мысль об общности происхождения как тюркского, так и других языков.

В вопросе о происхождении разных языков Навои находился под влиянием средневековой схоластической философии и усвоил некоторые ее положения. Так, например, развивая тезис о праязыке, он связывал происхождение всех языков с легендой о пророке Ное.

Однако исследуя этот вопрос и ссылаясь на авторитет пророка, Навои ставит вне рамок обсуждения самый богатый, по его мнению, стилистически совершенный арабский язык; последний для него является священным языком, обладаю-

щим „божественной природой“. Особая судьба арабского языка, отличие его от других языков, его достоинства и значение были, якобы, определены волей всемогущего бога.

بارچہ سیدین عرب تیلی فصاحت آینی بلیہ ممتاز و بلاغت تری مینی بلیہ معجزہ طرالا دور کیم سچ کلام ہی
نیک موندہ دعویسی یوقور دسوزی صدق دایشی تیس اوق دور کیم ملک علم جل و علا نیک
کلام معجز نظامی اول تیل بلیہ نازل و رسول علیہ الصلوٰۃ و السلام نیک احوث سعادت انجامی اول
لفظ بلیہ دارد بولو پور

То есть:

„Арабский язык отличается от всех других языков свойством проявлять чудеса, благодаря своему изяществу и художественной красоте. Этого не оспаривает ни один языковед. Для них нет другого выхода, как только покориться и сказать „верно“. Ибо на этом языке сказаны чудесные слова всезнающего, всемогущего великого царя (бога), на этом языке написаны также и хадисы пророка, ведущие к счастью“¹.

Исключив из обсуждения вопрос об арабском и индийском языках (поскольку арабский язык, по его мнению, является языком в высшей степени благородным, а индийский — нечистым и низким), Навои делает историко-сравнительный анализ персидского и староузбекского языков, ярко показав поэтическое преимущество и превосходство последнего.

В разрешении проблемы происхождения отдельных языков Навои придерживался теории средневековой схоластической философии, проповедывавшей такое учение: „Когда пророк Ной после потопа разослал своих сыновей в разные страны света, единый праязык изменился и из него образовалось три языка. Происшедшее затем расселение народов еще больше увеличило различие между ними“. Однако и эти праязыки распадаются на ряд других праязыков.

Аналогичное толкование происхождения отдельных языков дает также Навои. Вот, что он говорит:

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 3; M. L., стр. 16.

موندن سونگه اوج نوح تیل دور کیم اصل و معتبر دور و اول تیل لار عبارتتی کو هر ی بلیہ قایل نیک
دو سینغہ زیور و هر قایسی نیک فروغی بغایت کو پور اما ترکی و فارسی و ہندی اصل تیل لار نیک
منش لہ دور کہ نوح پیغمبر صلوات اللہ علیہ نیک اوج اوغلی غمہ کیم یافت و سام و نام
دور تیشور و بوجمل تفصیلی بودور کہ نوح علیہ السلام طوفان تشویرین نجات و آ نیک مملکہ
سیدین حیات تاجی عالم معمر و سید البشر جنسی دین آثار و انان نو عیدین نمودار قالما یور
یوردی یافت نہ کہ توارینخ اہلی ابو ترک بیتیر لار خط مملکتی کا یباردی و سام نہ کہ ابو الفرس
بیتیر لار ایران و توران و مالک نیک وسطی و اولی قیلدی و حام نہ کہ ابو الہند دیب دور لار ہند
بلادینہ اوزاتتی و بواج پیغمبر زادہ اولاد و تابعی نہ کور بولغان مالک و ایا بلیہ یار و قالین بولدی
و یافت اوغلان نہ کہ ابو ترک دور تاریخ اہلی اتفاق بلیہ دیب دور لار کہ نبوت تاجی بلیہ سدا فرا
در سالت منصبی بلیہ قار و اشلا ریدین ممتاز بولدی و اوج تیل کہ ترکی و فارسی و ہندی بولغای بو
اوجا و نیک اولاد و تابعی ار سید اشایع بولدی

То есть:

„Далее есть три языка—они основа всех языков и каждый из них соответствует речи говорящих на нем. Ответвлений этих языков чрезвычайно много. Но происхождение языков тюркского, персидского и индийского восходит к трем сыновьям пророка Ноя — Иафету, Симу и Хаму. Объяснение этого вкратце таково: когда Ной спасся от потопа, то на земле не осталось ни следа от рода человеческого. Тогда (Ной) послал Иафета—его историки называли именем Абу-турк—в Китайское государство; Сима—его историки называли Абу-фурсом—назначил хакимом в страны Иран и Туран; Хама—его историки называли Абу-хиндом—проводил в страну Индию. Три сына Ноя со своими подданными расселились в вышеназванных странах и там размножились. Эти языки: тюркский, персидский и индийский распространились среди потомков и подданных этих трои“¹.

Как известно, проблема возникновения отдельных языков и происхождения человеческой речи является одной из основных проблем как современного, так и средневекового языковедения.

Однако, придерживаясь средневековой схоластической точки зрения в вопросе о происхождении отдельных языков,

¹ Там же, стр. 4; 17.

Навои подходил иначе к разрешению вопроса о происхождении человеческой речи.

В „Мухакамат ал-лугатайн“, а также в „Хайрат ал-Абрар“ он, подобно древнегреческим философам и поэту эпохи Ренессанса—Данте, утверждает, что речь является даром божьим, что бог дал речь человеку для того, чтобы отличить его от животных.

تنگری که این تنی قلیب کنج راز
سوز بیلا حیوان دین انکا هست بیاز

То есть:

„Бог, сотворив человека кладом всех тайн,
В отличие от животных дал ему преимущество—дар речи“.¹

В то же время он высказывает мысль об искусственности создания языка, о том, что бог дал людям только способность речи, но имена вещам даны самим человеком. Он подчеркивает активную роль человека в языкотворчестве, в развитии языка. Например, он говорит, что слово, язык возникают в связи с потребностью человека в общении, что человек сам является творцом, „водолазом“ слова, языка, сочинителем словаря:

دلی که تیراب غنق آفت لارین
کیبیب حرف اوله صوت کسوت لارین

اول کشتی سوز بگردا غواص ایرور
کیم کوهری معنی انکا خاص ایرور

То есть:

„Но эта пера (т. е. речь человеческая) хотела
дружбы и общения с народом,
И нарядилась в одежды букв и звуков².
Человек сам является водолазом в море речи че-
ловеческой,
Поэтому он обладает жемчугом смысла слов“.³

¹ Критический текст Хайрат ал-Абрар, стр. 45; Э. Navaij, Hajratul Əbrar, 1941, стр. 18.

² Навоий, Хамса, стр. 378; Əlişer Navaij, Saddi Iskandarij, 1941, стр. 18.

³ Научно-критический текст, стр. 48; Əlişer Navaij, Həjrətul-Əbrar, 1941, стр. 20.

Слово, язык, по рассуждению Навои,— есть средство выражения мысли, мысль выражается и оформляется посредством слова, а слово и речь являются результатом мышления:

معنی اداسیبه الفاظ نیل کا کیلور داول الفاظ دین معنی فهم بولور

То есть:

„При выражении мысли появляется
Слово, и из этого слова рождается смысл“.¹

Таким образом, допуская некоторое противоречие, Навои все же рационалистически подходит к данному вопросу, рассматривая язык, в конечном счете, не как природное явление, не как божественный дар, но как творение человека, и разъясняет, что бог дал человеку только способность речи. Язык, по его рассуждению, возникает как необходимое условие мышления, как вследствие внешней необходимости общения, так и вследствие внутренней потребности человеческой души.

Однако следует отметить, что Навои расширяет понятие языка. Основная особенность, специфика его толкования заключается в следующем:

Во-первых, у Навои понятия язык и литература переплетаются между собой и составляют одно целое, первый служит последней, являющейся средством художественного выражения; для Навои язык немислим без литературы.

Во-вторых, он не рассматривает язык только с эстетической точки зрения. Он рассматривает язык в социальном аспекте.

Речь для Навои является прежде всего средством выражения человеческой мысли. Вместе с тем он рассматривает речь как творческий процесс, поэтому поэзия, по мнению Навои, является высшей формой языка.

Исключительно большое значение придает Навои вопросам языка в обществе. Исходя из толкования Навои, можно предполагать, что он определяет роль и значение языка в обществе двояко.

Во-первых, Навои рассматривает язык как основное средство художественного выражения, как орудие поэтического творчества. Как мы выше указали, понятие язык и литература у него переплетаются между собой, составляя одно целое.

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 3; М. Л., стр. 15.

Для Навои характерен литературно-эстетический подход к языку и эстетизация лингвистических фактов, наиболее связанных с философской традицией гуманизма.

Во-вторых, Навои рассматривает язык как средство, орудие познания и просвещения. Для него наука и культура немислимы без языка. В данном случае Навои придавал языку значение социального фактора и вполне учитывал его роль в подняттии культуры и просвещения, в борьбе за культурно-политическую самостоятельность народа. Если охарактеризовать деятельность Навои в области родного языка, родной литературы именно с этой точки зрения, то смело можно сказать, что его борьба имела политическую окраску, так как он считал, что создание литературы на родном языке является общенародным делом.

Отличительной чертой в толковании понятия языка Навои является своеобразный рационализм, опирающийся на понятие разума, так как значение его (языка) зависит от воли и разума человека.

Вместе с тем, Навои выдвигает историческое значение языка, как древнейшего и вечно изменяющегося памятника духовной истории народов:

نجو قدسی آرتوق ارازه دین
دلی دیمدم تازه راق آازه دین

То есть:

„Хотя язык является чем-то безгранично древним, он всегда предстает перед нами в совершенно новом виде (всегда изменяется)“¹.

Учитывая изменчивость языка и желая, вероятно, оправдать употребление многих арабско-персидских слов в своих произведениях, Навои доказывает, что при множестве языков слова ими взаимно заимствуются:

صورت نیک نوعی تعقل دین ناری و تصور دین تا شقاری دور اگر مبالغه سیر اجمال بوزیرین علم
مورد لسه و اختصار جانبی دین رقم اورولسه تمیض ایکی نوع بیله تقسیم تا پارید ا خود هیچ سوز یونفور
که تمیض ایکی فرقه کلامی غده دلالت قیلغای

¹ Навоий, Хамса, стр. 241; Əlişer Navaij, Saddi Iskandarij, 1941, стр. 22.

То есть:

„Виды речи человеческой так многочисленны, что всех их нельзя себе представить и дать им определение. Если говорить объективно, без преувеличений и выразить это кратко, то нет никакого сомнения в том, что (речь человеческая) делится на 72 разновидности и превращается в языки 72 народов (т. е. всех народов мира)“¹.

С точки зрения выяснения лингвистико-философских взглядов Навои, особое значение приобретает его учение о слове. Как в „Мухакамат ал-лугатайн“, так и в других сочинениях Навои придает исключительно большое значение слову, особенно как средству поэтической выразительности и как орудию культуры и просвещения. В основе его понимания языка, вообще, и языка поэзии, в частности, лежит именно понятие о слове. Поэтому в своей концепции он уделяет основное внимание толкованию понятия слова.

Нам кажется, что здесь можно было бы провести аналогию (условно) между западноевропейским номинализмом и концепцией Навои о слове. Подобно представителю номинализма Абеяру, Навои признает объектом исследования слово и считает его, как форму выражения мыслей и понятий, соответствующих действительности. Он утверждает, что слово не присуще обозначаемой им вещи и становится ее обозначением лишь в силу человеческой воли, человеческого установления.

Слово, согласно определению Навои, является продуктом мыслительной деятельности человека, т. е. продуктом души, содействующей возникновению синтетической способности сознания. Но каждое слово он рассматривает в семантическом аспекте, в непосредственной органической связи со смыслом, семантикой. Для него каждое слово в отдельности является полнозначным носителем смысловых отношений, символом мышления. Поэтому слово, сознательным творцом, „водолазом“ которого, по его мнению, является сам человек, добывающий его из родников мыслей, из глубины своей души,—представляется как носитель мысли, как своеобразная форма выражения человеческой души. Если источником (родником) значащего слова служит душа, то мерилем его является смысл, семантика:

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 2; М. Л., стр. 16.

سوز درسی دو کیم آئینک در بایسی کونکول دور و کونکول منظمی دو کیم جا مع معانه جزو کل دور انداخته
 در یادین کو هر خواص واسطه سی بلیه جلوه نمایش قیلور و آئینک قیمتی جو هر بلیه کور اظا هر بلور
 کونکول دین داعی سوز درسی نطق شریفه صاحب اختصاص وسیله سی بلیه کز آیش و آیش
 کور کوزور و آئینک قیمتی هم مرتبه سی نسبتی غده با فائز شال و اشتها نار پار

То есть:

„Слово—это такая жемчужина, рекой (источником) которой является душа (сердце). Душа—это центр, где сосредоточены малые и большие мысли (значения слов). Это подобно тому, как вылавливается жемчуг из реки при помощи водолаза; и ценность (слова) будет определена в зависимости от камня (от значения, смысла). Жемчужина слова также украшается при помощи человека, искусного в умении говорить; в зависимости от степени (содержания) она приобретает ценность и славу и распространяется повсюду“¹.

Таким образом, Навои переносит центр тяжести в языке на слово, а в слове—на его значение, семантику. Семантика, по его концепции, становится основным мерилем слов. Вместе с тем, смысл, семантика каждого слова определяется волей, суждением человека. Отсюда ясно, что Навои рассматривает слово как самостоятельную семантическую единицу речи.

В своем учении о слове, о языке Навои близко подходит к античной языковой концепции, в основе которой также лежит представление о слове, как о самостоятельной единице речи². Но разница заключается в том что в представлении античных философов, например, у Аристотеля, слово является просто звуковым комплексом, а семантическая сторона его полностью находится вне сферы языка³. У Навои же, как мы выше видели, слово и его смысловая сторона переплетаются между собой, находятся в непосредственной органической связи, единстве.

Исходя из такой концепции семантической самостоятельности и индивидуальности слова, Навои основной упор делает на значение слова, на семантику, считая это важней-

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 2; М. Л., стр. 15.

² И. Троицкий, Проблемы языка в античной науке, сбор. „Античные теории языка и стиля“, М.-Л., 1936, стр. 23—24.

³ Там же, стр. 22.

шим свойством его, основным условием образования слова. Каждое слово он оценивает в зависимости от его смысла, содержания, которое оно выражает. Ибо „язык есть,— как говорил Н. Я. Марр,— не просто звучание, а мышление, да и не одно мышление, а накопление смен мышления, смен мировоззрения“¹.

Исключительно большое значение придает Навои слову в человеческом обществе. Образно изображая роль и значение слова-речи, Навои говорит:

سوز درسی نینک تفاوت موزین داعی با غایت راق و مرتبه سی موزین هم لی نهایت راق دور انداخته
 شریفی دین اولکان بد نغمه روح پاک میا کیشی دین حیات یقین غم زهر بملک خاصینی
 ظهور ایثار

То есть:

„Безгранично разнообразие жемчужин слова и беспредельно их содержание, да так, что от хорошего слова чистая душа входит в мертвое тело, а от дурного слова и в живом теле появляется мертвящий яд“².

Слово, по Навои, является могущественным средством познания, открывающим великие возможности для интеллектуального развития человека. В нем он видит залог умственного прогресса. Поэтому в трактовке Навои слово, язык неразрывно связаны с разумом, с духовной деятельностью человека.

Навои полагал, что слова передают впечатления, создаваемые предметами в душе людей и что путем анализа слова можно проникнуть в самую сущность предметов, в сущность объективной действительности. Но вряд ли подобные идеи были продуктом самостоятельного мышления Навои. В них надо, повидимому, видеть отзвуки идей древнегреческих философов, переданных через арабских комментаторов.

Однако необходимо отметить одну характерную особенность в употреблении Навои термина „слово“. Термин „слово“ (سوز) у Навои применяется в разных значениях. По наивному его пониманию, слово является не только речью, но и понятием, и выражением, и мыслью, и мышлением, и разумом. Если механически подойти к толкованию Навои,

¹ Н. Я. Марр, Язык и современность, Л., 1932, стр. 8.

² Chrestomathie en turc oriental, стр. 2; М. Л., стр. 15.

то слова являются скорее тождеством, чем единством. Недостаточное разграничение терминов *تیل، سوز، ارفاظ، معنی* и т. д. как в произведениях Навои, так и в средневековой литературе обычно приводило к смешению понятий „слово“ и „смысл“. Навои, находясь под влиянием идеалистической философии, также толковал слово как индивидуальный акт творческого выражения и постоянно смешивал понятия „слово“ и „смысл“.

Античное языковедение понятие „слово“ связывает с мифологией. Такую же интерпретацию слова дает и Навои, особенно в своих произведениях „Хайрат ал-абрар“ и „Садди-Искандари“, где он придавал понятию „слово“ божественный характер.

Подобно античным философам — Гераклиту, стоикам и средневековым „реалистам“, Навои рассматривает слово как Логос¹. В своих произведениях „Хайрат ал-абрар“ и „Садди-Искандари“ он кладет в основу своего толкования именно понятие слова, как Логоса. Слово выступает в виде мысли, идеи, разума, в виде божественного Логоса:

نوریت صدف کو بری نیک درجی اول
تی فلک اختر می نیک برجی اول

То есть:

„Оно (слово)—ларец жемчужины четырех раковин.
Оно—башня (знак зодиака), светила семи небес“².

Но первое слово он приписывает богу, от которого берет начало мир объективной действительности.

Навои считает слово как Логос, началом всех начал, основой природы, объективной действительности³. При этом он видит природу, объективный мир действительности не в словах, но в их смысле, в их значениях.

Таким образом, слово оказывается причиной всех причин. Противоречие в интерпретации Навои заключается в том, что наряду с рационалистическим толкованием понятия „слово“, он в силу твердо установившихся религиозно-схоластических традиций, одновременно рассматривает слово также и с религиозной точки зрения.

¹ „Логос“ по-гречески обозначает мысль, слово, разум.

² Навоий, Хамса, стр. 240, 241; Э. Navaij, Sæddi Iskandarij, 1941, стр. 16, 20.

³ Научно-критический текст Хайрат ал-Абрар, стр. 43; Э. Navaij, Hejratul-Əbrar, 1941, стр. 17.

Если подходить к учению Навои о слове, о языке формально, без учета противоречий, встречающихся в его произведениях, то может сложиться впечатление, что Навои сторонник тех суфиев, с точки зрения которых весь мир состоит из слов, словесных образов. Но более глубокий анализ произведений Алишера Навои по вопросам языка и мышления не позволяет сделать такого вывода.

Для Навои характерно еще то, что связь языка и мышления он определяет также через слово. Именно слово, как носитель мысли, явилось для него наиболее существенным в языке.

Полное представление о выводах Навои по этому вопросу мы получим, только сопоставив их с религиозно-схоластической теорией о языке, господствовавшей в ту эпоху, а особенно с теорией „формализма“ в арабской филологии. Тогда будет ясно, насколько правильна была методологическая позиция, на которой стоял Навои, каково было принципиальное отличие его взглядов от взглядов арабско-персидских ученых литературоведов и почему он (Навои) по своим взглядам перерос свою эпоху.

„Старое учение о языке,—говорит Н. Я. Марр,—правильно отказывалось от мышления, как предмета его компетенции, ибо речь изучалась без мышления. В нем существовали законы фонетики—звуковых явлений, но не было законов семантики—законов возникновения того или иного смысла, законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе слов. Значения слов не получали никакого идеологического обоснования“¹.

Это было характерно для литературоведения той эпохи, особенно для арабской литературы и арабского литературоведения. Ярким примером этого может служить теория формализма, господствовавшая в арабской литературе. По этой теории искусство слова—художественная литература—не имеет ничего общего с содержанием, с семантикой; это только вопрос облечения слов в различные формы, вопрос оформления. Точно так же и в основе литературы лежит не содержание, а его форма—слово. А смысл этих слов находится у каждого в сердце и представляется в виде стандартизированного смысла. Искусство заключается в оформлении, в облечении в соответствующие одежды стандартизированного, похожего один на другой, смысла, заключенного в сердцах людей².

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. III, стр. 103.

² См. Ибн-Халдун, مقدمة тюркский перевод, стр. 275.

Такое же толкование мы наблюдаем еще в античном мире, где „различие между языками усматривалось прежде всего в звуковом составе слов; семантический аспект считался повсюду одинаковым, поскольку мышление, знаком которого является слово, повсюду едино (Платон, Аристотель)“.¹

Таким образом, эта теория рассматривала слово в целом как знак, символ, иероглиф и ставила форму на первое место, а смысл, содержание—на второе; содержание, семантику определяют по его одежде—оформлению, в зависимости от стилистического выражения. Такая точка зрения приводила к абсолютному разрыву слова и смысла или к трактовке самого смысла, понятия в духе иероглифической теории.

Однако Навои в данном вопросе стоит на другой, противоположной позиции. При определении взаимоотношения языка и мышления, взаимосвязи формы и содержания Навои, в отличие от арабских ученых, высказывает ряд правильных суждений. В своем сочинении „Мухакамат ал-лугатайн“, да и в других произведениях, вопрос о взаимоотношении языка и мышления, о взаимосвязи формы и содержания он рассматривает не формально, а функционально, исследует их в тесной взаимозависимости.

Хотя Навои специально не занимался этим вопросом, но в своих произведениях он высказывает оригинальные для той эпохи мысли. При разрешении этой проблемы он за основу берет опять слово, ибо в его представлении связь языка с мышлением определяется через слово. В этом плане Навои рассматривает слово, как самостоятельную семантическую единицу речи, представляющей систему форм и значений. В отличие от арабских ученых Навои глубоко понял двойственный, образно-символический характер слова, речи. Звуковые символы в его понимании органически связаны с смысловым содержанием. Поэтому слово для Навои является знаком, символом только со стороны звуковой формы. Но со стороны семантики слово для него является образом.

По мнению Навои, смысловое содержание (семантика) выражается и оформляется посредством слова, а смысл без слова является нереальным, обнаженным. Он берет слово и смысл в совокупности и объясняет их в непосредственной органической связи, не отделяя одно от другого. С точ-

ки зрения Навои, форма, оторванная от содержания, лишена всякого смысла.

Придавая основное значение смыслу слова, его содержанию, Навои в то же время отдает должное и внешней форме. Он утверждает, что слово, как форма проявления мысли, не может существовать без содержания, так как оно определяется им. Они составляют одно целое, взаимосвязанное:

نقش زرکش لباسی دی آنے
بولباس اچراشا بد معنی
معنی اول شوخی سیمبر بوله کا
کیم بوسونده جلوه کر بوله کے
شاید معنی آنسیرین عریان
جلوه کر بولا آلماین ہسرایان

То есть:

„Скажи: слово есть блестящее узорчатое платье. И в этом платье (закутана) красавица мысль. Мысль—это красавица сереброгрудая, Явившаяся в этой одежде. Мысль же без него (без слова) является обнаженной, И не может показать себя (т. е. быть постигнутой)“.¹

Развивая далее свою мысль и вскрывая эту связь между формой и содержанием, Навои выдвигает содержание основным условием для образования слова. Смысл, содержание,—говорит Навои,—это душа слова, а слово, не выражающее никакого смысла, является бездушной формой.

سوزد اگه معنی جانے دور و کریم سوز قابلہی آنسیرین قالیب دور جانسیر

То есть:

„Содержание слова—его душа, а словесная оболочка, не выражающая смысла,—есть бездушная, безжизненная оболочка“.²

¹ И. Троицкий. Проблема языка в античной науке, сбор. „Античные теории языка и стиля“, 1936, стр. 24.

¹ Навоий, Хамса, стр. 262; Э. Navaij, Хамса (сокр. изд.), 1941, стр. 262.

² Критический текст Хайрат-ал-Абрар, стр. 48; Э. Navaij, Həjrətul-Əbrar, 1941, стр. 20.

На самом деле, если слово, как форма, будет изучаться в отрыве от мышления, т. е., если оно не будет ничего выражать, не будет выполнять никакой языковой функции, то оно будет безжизненным, пустым. „Нет не только слова,—говорит Н. Я. Марр,—но и ни одного языкового явления, ... нет ни одной частицы звуковой речи, которая при возникновении не была бы осмыслением, получила бы какую-либо языковую функцию до мышления“. Только мысль, идея дает ему жизнь, превращает в основной элемент важнейшего средства человеческой связи—языка.

Говоря о поэзии, Навои также указывает, что в основе ее должно быть содержание, что стихотворение, не выражающее смысла, не может считаться стихотворением:

نظم در اسم اصل انکا معنی دورو
بولسون انیک صورتی هرزه دورو
نظم که معنی انکا مرغوب ایماکس
ایل مکانه قاشید اخوب ایماکس

То есть:

„В стихах также имеется свой смысл,
Пусть по форме написаны они по-всякому.
Стих, которому смысл не созвучен,
Для знатоков неприемлем“.¹

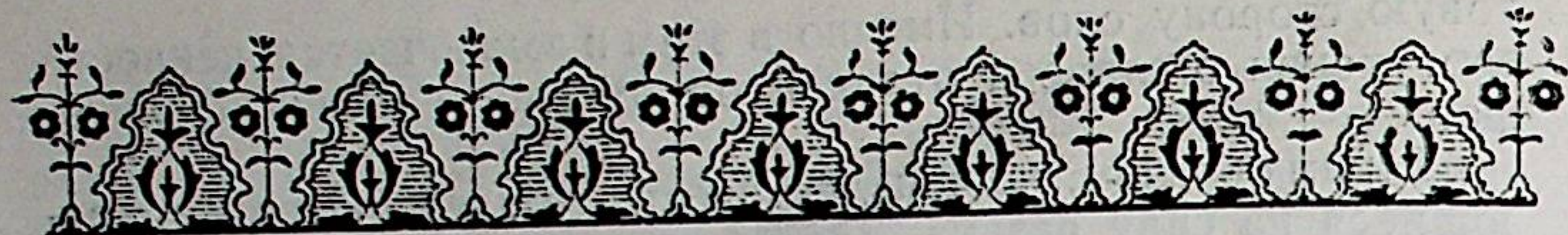
Отсюда видно, что в лингвистической концепции Навои язык и мышление, т. е. форма и содержание, не существуют как самостоятельные понятия, а находятся в единстве, в тесной органической связи, взаимозависимости. Вместе с тем, вопрос смыслового содержания слова, семантику он ставит на ведущую позицию—на первое место, а вопрос формы—на второе место.

Навои не говорит о том, что конечным источником и основой всех этих вопросов (слов-понятий, языка и мышления) является трудовая деятельность людей, их отношение к природе, объективной действительности. Но для того, чтобы приблизиться к объективной действительности, к истине, он все внимание, весь упор переносит на семантику, смысл-

ловую сторону слов. Именно в этом и заключается ценность его учения о слове и отличие от древнегреческих философов.

Таким образом, рационалистические взгляды Навои, опирающиеся на силу разума, способного, по его мнению, дать ключ к познанию истины, объективной действительности, красной нитью проходят через всю систему его учения о слове, языке и мышлении; он ставит их в зависимость от человеческой воли и разума.

¹ Научно-критический текст Хайрат ал-Абраар, стр. 48; Əlişer Navaij, Həjrətül Əbrar, 1941.

НАВОИ О ЛЕКСИЧЕСКОМ БОГАТСТВЕ И СТИЛИСТИЧЕСКОМ ПРЕИМУЩЕСТВЕ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Деятельность Навои в области родного языка не ограничивалась только общими теоретическими рассуждениями. Он стремился обосновать и подкрепить свою мысль конкретными языковыми фактами.

Глубоко изучив родной язык, Навои пришел к убеждению, что по своему словарному богатству и поэтической выразительности он не только не уступает персидскому, но и превосходит его. На основе огромного количества языковых фактов он сумел поставить и гениально разрешить основные проблемы родного языка, а также подвергнуть их глубокому анализу. При решении этого вопроса он широко применял сравнительный метод исследования языковых явлений. Он прибегнул к этому методу, так как при доказательстве права родного языка на литературное существование, при создании художественных произведений неизбежно возникала необходимость сравнительного сопоставления родного и персидского языков.

Как известно, что в XVIII в. великий русский ученый и поэт Ломоносов, борясь за русский язык, находил в нем, по сравнению с другими языками, „великолепие, живость, крепость, нежность, сверх того и богатство и сильную в изображении краткость“. Борясь за родной язык, подобно Ломоносову, Навои сравнивал его с персидским языком и находил в нем „богатство слов“ (الفاظ كثرتی), „широту выражений“ (معانی غرابتی), „тонкость“ (دقت), „красноречивость“ (فصاحت), „зрелость“ (بلاغت), и (اداسلاستی), „легкость и плавность выражений“ и „множество изумительно редких слов и выражений“ (غریب ال). По мнению поэта-ученого, в староузбекском языке заложены неисчерпаемые богатства, широкие возможности и не-

¹ Chrestomathie en turc oriental стр. 19, 39; М.Л., 27, 28, 41, 42.

объятные творческие силы. Он способен удовлетворить запросы высокого красноречия, эпической поэзии и выразить нежные чувства и тончайшие оттенки мыслей.

Сопоставляя староузбекский язык с персидским, Навои говорит так:

تَرَكَ لِمُفَاطِي وَاضْعَى اِدْرَسْدُ كُوبِ وَقَدْ اِمْبَالُوْهُ اِظْهَارِيْ فَيْلِيْبِ جَزْدِيْ مَفْهُوْمَاتِ اَوْجُوْنِ الْفَاظِ سَبِيْحِ
فَيْسِبِ دُوْرِكِهْ صَاْحِبِ دَوْفِ كَيْشِيْ تَاظَا هِرْقَيْلِمَاكْسِ اِيْنَانْسَهْ سَهْمِ بُولْمَاكْسِ

То есть:

„... создатели тюркского языка очень часто образовывали слова для выражения тончайших оттенков, прибегая к таким гиперболическим выражениям, что нельзя этому даже поверить до тех пор, пока знающий человек этого не разъяснит“.¹

Чтобы дать ясное представление о лексическом богатстве и стилистических преимуществах староузбекского языка. Навои прежде всего обращает внимание на самую сложную и богатую в семантическом отношении категорию слов — на глаголы, и в качестве примеров приводит следующие 100 глагольных масдаров.²

تُوْرَدِمَاقْ وَتُوْرَدِشَمَاقْ وَاَوْشَارِمَاقْ وَجِيْمَاقْ وَاَوْكُتْمَاقْ وَجِيْمَاقْ وَدُوْمَسَاقْ
وَاَوْسَمَاقْ وَاَوْسَمَاقْ وَاَيْكِيْمَاقْ وَاَيْكَارِمَاقْ وَاَوْخَرَانِمَاقْ وَتَاْرِيْقَاقْ وَالدَمَاقْ
وَارْغَادِمَاقْ وَهَيْشَانِمَاقْ وَاَيْكَلَانِمَاقْ وَاَيْلَانِمَاقْ وَاَيْرِيْمَاقْ وَاَيْكِرَانِمَاقْ وَآوَدَمَاقْ
وَقِيْسَمَاقْ وَقِيْنَمَاقْ وَتُوْرغَلَمَاقْ وَسَازُوْمَاقْ وَجَاْبِقَلَمَاقْ وَدِيُوْدِشِيْمَاقْ وَتِيْمَانِمَاقْ
وَتِيْرغَانِمَاقْ وَنِيْكَامَاقْ سِيْلَمَاقْ وَتَاْغَمَاقْ وَتِيْمَرَمَاقْ وَسِيْرَمَاقْ وَكِنَارَمَاقْ
وَسِيْرِيْقَمَاقْ وَسِيْغِيْنَمَاقْ وَقِيْلِمَاقْ وَبَالِيْنَمَاقْ وَمُوْكَكَلَمَاقْ وَابْنَدَمَاقْ وَتِيْرَكَاْمَاقْ نِيُوْرَمَاقْ
وَتَلْكَغَاْمَاقْ وَشِغَالَمَاقْ وَسِيْئِكِرَمَاقْ وَبَاشَقَمَاقْ وَابِسْقَارَمَاقْ وَكُوْئِكِرَمَاقْ وَسُوْخَرَانِمَاقْ
وَسِيْپَاْمَاقْ وَفَاْرَالَمَاقْ وَسُوْرَكَاْمَاقْ وَكُوْيَمَاقْ وَاَيْكِرَانِمَاقْ وَنُوْشَلَمَاقْ وَمُوْغَلَمَاقْ وَتَاْغَمَاقْ
وَتَاْغَمَاقْ وَكُوْرَدِكْسَمَاقْ وَبُوْشُوْرغَانِمَاقْ وَبُوْخَسَمَاقْ وَكِيْرِكِيْنَمَاقْ وَسُوْكَادَمَاقْ وَسَمَاقْ بُوْرَمَاقْ
نُوْرَمَاقْ تَهْمِشِيْمَاقْ قَاْپَاْمَاقْ سِيْپَقَارَمَاقْ جِيْمَارَمَاقْ جُوْرَكَاْمَاقْ اَوْزَمَانِمَاقْ سِيْزِجُوْرَمَاقْ
كُوْرِيْجَلَمَاقْ شَهَاْمَاقْ جُوْرَدَمَاقْ جِيْرَمَاقْ جِيْمَانِمَاقْ تِيْكَرَانِمَاقْ سِيْئِكُوْرَمَاقْ كُوْندَالَمَاقْ كُوْمُوْرَمَاقْ
بِيْكِيْرَمَاقْ كُوْغُوْرَدَمَاقْ كِيْنَارَمَاقْ كِيْنَارَمَاقْ كِيْنَارَمَاقْ دُوْشُوْمَاقْ جِيْمَانِمَاقْ نُوْرَمَاقْ قَاْزَمَاقْ تِيْمَانِمَاقْ
دُوْشُوْمَاقْ بَادَمَاقْ قَادَمَاقْ جِيْمَانِمَاقْ كُوْندُوْرَمَاقْ سُوْندُوْرَمَاقْ سُوْفَلَمَاقْ

¹ Там же, стр. 6; стр. 18.

² Там же, стр. 7; стр. 18—19. Во всех имеющихся у нас изданиях „Мухакамат ал-лугатайн“ этих слов оказалось не 100, а 99.

Приводя эти сто глаголов, Навои делает следующее заключение:

بویژ لفظ دور که غریب مقاصد اداسید تعیین قلیب دور که وسیع قالیسی اوچون سارت تیلید لفظ
یا سامایه ور لار که بار چه سی محتاج الیه دور که تکلم جانجید انکیسی انکا محتاج بولور کویله انداق دور که اصله
آنیکت مضمونین تغذیم قلیماق بولماس و بعضی انکه انکلا تسبه بولغای هر لفظ تغذیم اوچون نیچ لفظ نه
ترکیب قلیماق بولماس اول داعی عربی الفاظ مددی جلیه و ترک الفاظید بونوع لفظ کویله بولور

То есть:

„Эти сто слов предназначены для того, чтобы выразить тончайшие оттенки мысли, причем ни для одного из них (т. е. оттенков мысли) сарты (т. е. иранцы) не образовали (специальных) слов. Однако человек временами нуждается в каждом из них, он испытывает потребность в них во время разговора по-персидски. Большая часть из них является такими словами, смысл которых (в персидском языке) абсолютно невозможно передать. Короче, некоторые из них можно перевести, однако при этом для объяснения значения одного слова нельзя обойтись без нескольких слов, да и то приходится прибегать к помощи арабского языка. Таких слов в тюркском языке можно найти немало¹.

Анализируя доводы А. Навои, необходимо обратить внимание на следующее: во-первых, Навои, как прекрасный ученый-языковед, как замечательный знаток своего родного и персидского языков, хорошо знал и различал сильные и слабые стороны каждого из них и очень умело использовал эти различия для доказательства преимуществ родного языка, для осуществления своих патриотических целей; во-вторых, при сопоставлении языков родного и персидского, Навои отбрасывает из них заимствованные арабские слова, которые уже с древних времен бытовали в них, и сравнивает их в „чистом“ виде; в-третьих, живую народную речь с ее обиходным лексиконом, характерным для кочевого быта, Навои сравнивает с персидским литературным языком.

Нам кажется, что Навои знал и прекрасно учитывал, что богатство того или иного языка нельзя определять в таком „чистом“ виде, без заимствованных слов. Если бы было иначе, он не признавал бы и не подчеркивал бы в своем

¹ Там же, стр. 7; стр. 19.

трактате факта смешения языков, заимствования ими чужих слов „семидесяти двух народов“¹; он сам не употреблял бы такого множества арабско-персидских слов, которыми насыщены все его произведения. Больше того, без помощи заимствованных слов он не справился бы с такой великой задачей, как создание классических произведений на родном языке.

Если подходить к вопросу именно с такой точки зрения, то окажется, что родной язык Навои гораздо беднее, чем персидский. Как известно, еще в X в. за 500 лет до Навои, великий персидский поэт Фердоуси создал свое знаменитое произведение „Шах-Намэ“, вошедшее в сокровищницу мировой литературы, почти не употребив ни одного слова из арабской лексики.

Однако Навои сознательно ставил так вопрос, чтобы ему легче было справиться со своей задачей, чтобы завоевать авторитет родному языку, утвердить его права на литературное существование, чтобы сделать его надлежащим и достойным орудием культуры и просвещения.

Развивая свою мысль, Навои, в качестве лучшего примера и убедительного доказательства преимуществ и богатства родного языка, приводит ряд слов частично из этих же ста глаголов с синонимическими оттенками. Он придает им исключительно большое значение, особенно в поэзии. Вместе с тем на конкретных поэтических образцах он очень тонко и ловко вскрывает их поэтическое превосходство, стилистическое преимущество и тончайшие синонимические оттенки, изящество и красоту их в поэзии. Он глубоко понимал роль и значение синонимов в языке и их тонкие различия. В этой части своего толкования он был прав.

Так, например, Навои приводит слова sibqarmaq سبپقارماق в качестве синонимов к слову tamşimaq تامشپماق (пить). Он объясняет слово sibqarmaq سبپقارماق, как гиперболически употребленное в значении „пить вино“.² sibqarmaq سبپقارماق — пить высасывая, всасывая, высосать сразу, глотать. Вамбери перевел это словом „сосать, сосать грудь“ (VC, 30). Навои к этому слову приводит следующий байт:

س قیاتوت بادوگیم برنجیله اوزورمن بارای
شرط بویگیم برنجیله توتساکک باب سبپقارماق

¹ Там же, стр. 3, стр. 16.

² Там же, стр. 8; стр. 19.

То есть:

„О, виночерпий, подай вина, чтобы я вышел из себя (забылся) на миг. С тем обязательством, сколько бы ни подал переполненный (бокал), залпом осушу его (выпью сразу)“.¹

Шейх Сулейман, комментируя это слово в своем словаре, приводит прекрасный отрывок из Навои:

ساتی آیب کیل تو لا پیمانه
بوق غلط ایتدیم تو لا خمنیا نه
تا آنکه کوب کوب آیبان سپهتارا
کوب کوب آیب بپر دم اوز و جین...

„Виночерпий, подай (мне) полный бокал, нет, нет ошибся я, целый винный погреб. Дабы я, черпая из него в большом количестве и выпивая побольше, выходил время от времени из себя“ (ШС, 195).

تامشوماق tamşımaq — с наслаждением пить понемногу; по Будагову: пить вино из чаши по каплям, с наслаждением (БС, 1,729). Сам Навои объясняет это слово так: „Для большего наслаждения пьют не быстро, а понемногу, пьют, получая удовольствие“.²

Для иллюстрации этого слова Навои приводит следующий байт:

ساتی جو آیب بینکا تو تار نوش
آمشی تامشی آله قیلای نوش

„Виночерпий, когда попьет сам и подаст мне вдвойне, То я буду выпивать понемногу, наслаждаясь“.³

Затем Навои приводит для примера синонимические слова: рев-قیمسانماق qimsanmaq и قیمسانماق qizqanmaq⁴.

¹ Там же.

² Там же, стр. 8; стр. 19—20.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 10. стр. 21.

ностно, сильно желать, жаждать (БС, II 105). قیزغانماق qiz qanmaq — ревновать.

На каждую пару слов Навои в качестве примера приводит следующий байт:

غدا سیکینی آچارغنه قیسانور مین
ولی ایل کور ماکیکا قیسانور مین

„Сильно жажду, чтобы ты открыла свое лицо, Однако же мучаюсь от ревности, что люди могут тебя видеть.“¹

تیلمورماک тилмормак желать видеть, ожидать с нетерпением, умильно, с тоскою и как бы смущенным разумом смотреть (говорится о влюбленных) (БС, 1,422).

Относительно этого слова Навои говорит так: „Если любовник сможет увидеть свою красавицу, то он, жертвуя собой, может в нетерпеливом ожидании смотреть и томиться.“²

Для этого слова Навои приводит следующий байт:

تو کا دور قانمینی بپر دم کوز لریک باقیف روب
کیم نیچم بوز کیکنه با قانمینی براقه بن تیل موروب

„Сколько я умильно и с тоскою ни всматриваюсь в твой лик издали, пристально, в каждый момент (каждый раз) глаза твои проливают мою кровь, поглядывая (безучастно).“³

Среди синонимов, приведенных Навои, особенно характерно слово پیغلاماق jıqlamaq, исключительно богатое своими синонимическими оттенками. В качестве синонимов к слову پیغلاماق Навои приводит семь близких по смыслу слов: پیغلاماسینماق jıqlamsınmaq, اینگراماک ingramak, سینگراماک sinqramak, اینچگراماک inçkirmak, سیقتاتماق siqtamaq, اوکورماک ökürmak, های های پیغلاماق haj haj jıqlamaq,⁴ которые отличаются друг от друга изумительно тонкими оттенками.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 9—10; стр. 20—21.

В прекрасных художественных отрывках Навои демонстрирует удивительное поэтическое изящество, стилистическое превосходство и изумительно тонкие синонимические оттенки этих слов. *يولقانسинаق* *jilqamsinmaq* — у Вамбери *يولقانسинаق* *jilqamsinmaq* — плакать без слез, уподоблять себя плачущему (VC, 357), пытаться плакать без слез. В качестве примера Навои привел байт, содержание которого прекрасно выражает смысл этого слова:

عشقدين ديسه كه قيلغاي فاشيس
يغلا سينور كوزي كيا كيداس باش

„Когда отшельник пожелает изъяснить свою любовь,
Плачет он, но на глазах не выступают слезы.“¹

инграмак *inçramak* и *синграмак* *siçramak*.

Каждое из этих слов Навои комментирует так: „Слова *инграмак* *inçramak* и *синграмак* *siçramak* означают плакать с болью, тайком, тихонько. Между ними разницы мало.“² В словаре Абушка дается такое же объяснение, как у Навои — плакать тайком, не издавая звука (Аб, 289); скрыто, тихо и горько плакать (БС, I, 658).

На эти синонимические слова Навои приводит следующий байт:

ايستاسام درد ايلدين عشقينگني نهان اياك
كيچه لاركه اينگراماك دور عاديتم كه سينگراماك

„Коль пожелаю от чувствительных людей скрыть любовь мою к тебе,
Пусть войдет в мою привычку плакать втихомолку, плакать тайком по ночам.“³

В словарях Абушка и Шейх Сулейман оба эти слова опять-таки даны в форме возвратных глаголов, несмотря на то, что они взяты у Навои: *инграмак* *inçrammak* и *синграмак* *siçrammak* (Аб, 81; ШС, 289). *сиқатамақ* *siqtamaq* — гипербола

¹ Там же, стр. 9; стр. 20.

² Там же.

³ Там же.

слова *يغلاماق* *siqtatmaq* горько плакать, рыдать; *سيقتاتماق* *siqtatmaq* заставить горько плакать (БС, I, 656). Навои в качестве примера на это слово приводит следующий байт:

اول آي كه كوكه كوله تر ، غلا ته سے مينی
يغلا تری مينی ديبای كه سيقتا تری مينی

„Та луна, что меня отстранила, смеясь,
Не только что плакать, а рыдать заставила меня.“¹

Приведенный в байте Навои глагол *сиқатамақ* *siqtatmaq* является понудительной формой глагола *сиқатамақ* *siqtamaq*.

окурмак *ökürmak*, *окурмақ* *ökürmaq* — необычайно громко плакать, реветь, поднимая шум (Навои), плакать громким голосом. В качестве примера на эти слова Навои приводит следующий байт:

ايشيم تاغ اوزره هر بار ايشك سيلو مني سورما
فراق اشوبيرين هر دم بولوت نيكليخ اوكورماك

„Мое дело, постоянно горюя в разлуке,
Подобно тучам расплакаться.“²

Заканчивая объяснение этого слова, Навои говорит: „Так как в персидском языке нет слова для сопоставления с *окурмак* *ökürmak*, то поэт, говорящий по-персидски, лишен подобного смыслового выражения.“³

инджграмак *inçkiçramak* — плакать тонким голосом (Навои), горько плакать, вопить с болью (ШС, 63).

На это Навои приводит такой байт:

چرخ ظلميد كه بوغز مني قيريب ميغلار مني
ايكيور چرخ كه ايجگروب بيغلار مني

„Под гнетом неба (судьбы) воплю, терзая себе горло,
Словно прялка, издавая пронзительный звук во-всю.“⁴

¹ Там же, стр. 10; стр. 20.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 10; стр. 21.

های های پهلایان haj haj jiqlamaq плакать с ревом, рыдать

نوبه اول گل و چون های های سحر ماکوب
که پیوسته بگویند کلبین نه غنچه نی گل بار

«Не рыдай много, Навои, из-за той розы,
Вмиг не станет ни куста и ни роз».¹

Кроме этого, Навои приводит в качестве примера слово *بوخساماق* *boxsamaq*², выражающее особый синонимический оттенок слова *پهلامان* *jiqlamaq* (плакать).

بوخساماق *boxsamaq*, у Вамбери *بوخساماق* *voqsamaq* мучиться, плакать, сильно страдая, задыхаясь (ШС, 77). Здесь говорится о плаче влюбленного, который находится в разлуке (Аб, 147); кричать печальным, жалобным голосом (VC, 246).

В словаре Абушка говорится, что это слово употребляется только в отношении плача влюбленного, так как в другом значении „плач“ не употребляется (Аб, 147). Чтобы раскрыть тончайший смысл этого слова, Навои приводит следующий байт:

بجز آنکه و سپید او شباب من بیدار آن تنهای
می غمی هم دور تو بوسه بر فضا غم غم تیا

«В разлуке печально плачу, сильно страдая, как
быть?!»

Хочу пить вино и отправиться на тот свет».³

Комментируя это слово, Навои восклицает: „Тюркские беки и царевичи, говорящие по-персидски! Каким образом вы выразите на персидском языке слово *بوخساماق* *boxsamaq*?“⁴

Отсюда ясно, что в его представлении родной язык мог передать более нежные чувства, более тонкие мысли, нежели персидский.

Навои придает синонимическим словам исключительно большое значение. По его утверждению, тонкие разграни-

¹ Там же, стр. 10; стр. 20.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

чения синонимов и быстрый переход слов из одного тона в другой свидетельствуют об огромных поэтических возможностях и лексическом богатстве староузбекского языка.

Сам Навои, как мастер слова, умел извлекать из уже существующих слов все новые и новые смысловые оттенки, создавая своеобразный семантический неологизм.

Наряду с синонимами, Навои останавливается и на омонимах. Вскрывая полисемантические и поэтические особенности омонимов, он стремится показать их как один из источников богатства родного языка.

Например, он указывает, что три слова *توش* *tuş*, *پان* *jan* *پانی* *jaq* имеют три различных значения:

توش *tuş*—1) видеть сон, 2) полдень, 3) сторона, направление.

پان *jan*—1) прилечь, 2) вернись, 3) гори.

پانی *jaq*—1) сторона, 2) жги, 3) масло.¹

Развивая эту мысль, Навои опять приводит в качестве примера следующие омонимы: *بار* *bar*, *ساغین* *saqin*, *توز* *tuz*, *كوك* *kök*.²

Он останавливается на каждом из этих омонимов и указывает значение, которое они выражают.

بار *bar*: первое его значение—существование, бытие; второе—поведение; третье—груз (вьюк) и четвертое—плод.³

Но Навои употребляет это слово в своих художественных произведениях не только в четырех, но, сочетая с другими словами, даже в 7—8 значениях. Он использовал в своих стихах даже персидское слово *بار* *bâr* (позволение, разрешение), обогатив омоним и придав ему более глубокую полисемантическую. Например: *بار ایستاماق* *bar istamaq*—спрашивать, просить разрешения. *بار تاپماق* *bar tapmaq*—быть принятым, добиться разрешения, просить позволения. *بار ببرماق* *bar bermaq*—принимать, разрешить войти. *بار اهلی* *bar ahli*—добившийся, имеющий положение, уважаемый, имеющий авторитет.

Вышеприведенные примеры показывают, с одной стороны, насколько было развито образование омонимов от одного слова на основании закона функциональной семантики, а с другой стороны, как в результате развития структуры языка возникали омонимы различных грамматических категорий.

¹ Там же., стр. 12; стр. 23.

² Там же.

³ Там же.

Остановившись на омонимах, Навои уделяет также большое внимание вопросу о „туюгах“, которые имеют омонимическое свойство. Он приводит „туюг“ для подтверждения того положения, что его родной язык обладает поэтической силой и стилистическим совершенством. Он считает „туюги“ особой поэтической формой, одним из прекраснейших средств передачи в художественных произведениях тончайших мыслей посредством омонимических слов. „Туюги“, по мнению Навои, служат для украшения стиха, придают ему художественную красоту и выразительность. Об этом он говорит так:

شعر داباره طبع اهل قاشقيداروشن و مجموع فصحا آيد امير من دور که تجنيس و ابهام بخايت
کلمی دور و بوزخنده عبارت و طبعه الفاظ و اشارت و: فارسی دين کو پراک تجنيس آيد بيز لفظ و
ابهام انجيز نکتہ بار که نظم غرض موجب زيب و رينت و باعث تکلف و صنعت دور مثل آت
لفظی که بر معنی سى مرک دور و با تا بر معنی سى امر دور که ناشنی يا اوقی نه آت ذيب بو بوزخايلار

„Всем поэтам и мастерам слова известно, что правило о „таджнисе (игре слов) является общим и распространенным. Этим прекрасных оборотов и приемов, означающих игру слов, больше в тюркском языке, нежели в персидском... Например, возьмем слово آت at (имя), означающее в то же время „верховая лошадь“ и употребляющееся также в смысле „кинь камень“ или „стреляй“.¹

Для примера Навои приводит следующий замечательный „туюг“ поэта Лютфи:

چون بری و جور دور آتنگ بيگيم
سرعت ايجرا ديو ابرو آتنگ بيگيم
هر فتنه گي گيم و لوس اندين قاچار
اتوان جانيم سى آتنگ بيگيم

„Твое имя, оказывается, перл и гурия, бегим.
При быстром беге твой конь подобен льву, бегим.
Каждая стрела, от которой бежит народ,
В мою бессильную душу бросайте, бегим.“²

¹ Там же, стр. 11; стр. 22.

² Там же.

Далее Навои, назвав этот تويوغ туюг с двумя байтами *таҭнис там* taçnisi tam „полным таджнисом“, разъясняет его и говорит, что он присущ только тюркским поэтам.¹

Каждое из этих слов, по мнению Навои, является единством многообразных значений и лучшим средством для выражения своеобразного поэтического каламбура.

Кроме синонимов и омонимов, Навои анализирует и другие категории слов и раскрывает их лексические и поэтические особенности. Так, например, он говорит, что в персидском языке нет адекватных слов, которые выражали бы тот же смысл, что и узбекские слова: چوگور сокиг „заноза“, قباغ qābaq „веко“, مینک meñ „большая родинка“, ایلدیرم il-dirim „молния“, چاقین çaqin „молния“², а также на конкретных примерах показывает их художественную ценность, звучность, метафоричность, глубокий смысл.

Вот для примера слово چوگور „заноза“. Комментируя это слово, Навои указывает на то обстоятельство, что у иранцев занозу в ноге у любящего называют словом خار хаг, но и у них отсутствует слово چوگور (заноза), объясняющее одновременно и боль. Он приводит такой пример:

چوگور لاکیم سینیک یولوندا تیور ایتمیش ایمیند
چکیب دل کردنی سرمه تار تارین قرغیند

„Вынув занозы, попавшие в мою ногу на пути к тебе, буду посыпать их пылью дороги и мазать ими вместо сурьмы веки глаз.“¹

Далее Навои, касаясь слова قباغ „веко“, говорит, что пространство между глазом и бровью называется قباغ qābaq „веко“, для которого у персов не существует названия.⁴ Для примера Навои приводит следующий отрывок из народного творчества:

¹ Академик Ф. Е. Корш, глубоко изучивший поэзию тюркских народов, отмечает, что настоящая родина „туюга“—это Средняя Азия. Ф. Е. Корш, Древнейший народный стих турецких племен, Записки Восточного отделения, т. XIX, 1909, стр. 153.

² Chrestomathie en turc oriental, стр. 10—11; М. L., стр. 21—22.

³ Там же, стр. 10; стр. 21.

⁴ Там же, стр. 11; стр. 22.

سنگن لاری گل گل مرزه لاری خار
نباغ لاری کینک کینک آغز لاری تار

Щека у нее -- цветок, а ресницы — шипы,
Веки глаз — широкие, а рот маленький.¹

Кроме того, для демонстрации словарного богатства родного языка Навои приводит очень много обиходных слов из различных отраслей хозяйства, указывая на то, что многие из них даже и в персидском языке имеют общее употребление.

1. Для подтверждения своей мысли Навои приводит следующие слова из области хозяйства и обихода, обозначающие отдельные виды пищи и напитков и употребляющиеся также, по его мнению, и в персидском языке: قايماق qajmaq, مانتو mantu, قاتلاما qatlāmā, بولاماغ bulamaq, قوروت qurut, اولابه ulavā, سوزمه sūz-mā, قويماغ qujmaq, اورگامچ ōrkāmāc, قيميز qimiz, كوماچ kōmac, اوماچ ōmac, ياخشوم yaxsum, بوزه vozā, تتماچ tātmāc, كوماچ kōmac.²

Развивая свою мысль, Навои говорит: „Хотя в персидском языке для некоторых органов овцы имеются персидские названия, но отдельные органы овцы они (иранцы) называют по-тюркски: آشوقلوق ايليك ašūqluq ilik, جان سونگاك jan sōñāk, قاورغه qavurğā, ايليك ilik, اورته ايليك ortā ilik, بوغوزلاغو bo-quzlaqu.“³

Кроме того, он указывает на то, что понятия „пища“ и „питье“ в тюркском языке дифференцируются, а в персидском нет: „... (на тюркском языке) всякие съедобные вещи называют يېگولپك jegūlik „пища“, всякие напитки и жидкости, которые употребляются для питья, называют ايسگولپك isgūlik „напиток“. Большинство персов, даже и все, يېماك jemāk (кушать) и ايسماك ismāk (пить) называют одним и тем же словом خوردن xordān.“⁴

2. Навои также констатирует употребление в персидском языке тюркских названий различных одежд, например: شيرداغ širdaq, قالپاق qalpaq, نوروزى nāvrozī, توپى toppi, تېرلىق terliq⁵.

3. Из области скотоводства, говорит Навои, в персидском языке употребляются следующие тюркские слова:

а) из названий лошадей по породам: توبوچاق tuvusaq, ارغوماق arğumaq, ياكه jākā, يابو javu, تاتو tatu¹;

б) из названий лошадей по возрасту: تاي taj, غونان qonān, دونان donān, تولان tulan, چرغا cirğa, لانغه lanğā²;

в) из названий конских принадлежностей: چيلگر çivilgir, غنچورغه ğnçurğā, چارلىق çarlıq, اولارچاق ularcaq, قانچورغه qānçurğā, چيلبور cilbur, قوشقون quşqun, قانتار qantar, توفك tūfāk, چوپچورغه sorçurğā³.

4. Довольно много примеров приводит Навои из охотничьего обихода, в частности, дифференцированные названия оленя كيبك kijik и свиньи توكوز topuz.⁴ Навои говорит, что в родном языке самец и самка оленя имеют разные названия: первого называют هونه hūnā, а вторую قىلچاقى qilcaqsi. Кроме того, существует особая порода оленей, которую называют سويقون sujqu. Эта порода также имеет самостоятельное название самца и самки: первого называют بوغو buğu, а вторую مەرل mārāl. Для всех этих названий в персидском языке употребляется слово آهو ahu или گوزن gävāzn.⁵

По-персидски для всех видов свиньи имеется слово خوك хик или گراز giraz. Как утверждает Навои, в родном языке также различно называются самец и самка свиньи; первого называют قاپان qapan (по-русски — кабан), а вторую مېگچين megāçin, а поросята چورپه çorpä.⁶

Для обозначения самца и самки утки в староузбекском языке существуют самостоятельные названия: первого называют سونه sonā, а вторую بورچين bōrçin. В персидском языке обоих называют одним словом مرغابی mugāvi⁷.

Кроме того, Навои указывает ряд слов, обозначающих отдельные породы уток, например: چورگه çorğā, ايرگه erğā, تيمورقنات temurqānat, چاقيرقنات çaqirqānat, سوقسور suqsur, آلمهباش almävaş, آلدلدغه äldäldäğā, آلهپکه aläpükā, باغچال bağçal и т. д. и т. п.⁸ Количество этих названий, как отмечает Навои,

¹ Там же, стр. 15; стр. 25

² Там же.

³ Там же, стр. 16; стр. 25

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 16; стр. 25.

⁶ Там же, стр. 15; стр. 25

⁷ Там же, стр. 14; стр. 24.

⁸ Там же, стр. 15; стр. 25.

¹ Там же.

² Там же стр. 16; стр. 25—26.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 14; стр. 21.

⁵ Там же, стр. 16; стр. 25

доходит до 70, а в персидском языке они называются одним и тем же словом مرغابی *muḡābī*. В случае, если является необходимость дифференцировать название пород, иранцы вынуждены употреблять тюркские названия.¹

Далее Навои говорит о том, что в персидском языке слово *آ* *av* (охота) и *قوش* *quş* (птица) не различаются, а выражаются одним словом *شکار* *şikar*.²

5. Кроме того, хотя по-персидски понятие *آی اوی* *aq uj* (палатка) выражается отдельным словом *خرگاه* *xirgah*, но части ее, как то: *تونکلوک* *töñlük*, *اوزوک* *üzük*, *تورلوغ* *törluq*, *باسروغ* *basruq*, *چيغ* *ciq*, *قنات* *qānat*, *گوزنک* *közänäk*, *اوغ* *uq*, *باغيش* *baqiş*, *بوساغه* *vosaqä*, *ايرکزهک* *erkünäk*, имеют тюркские названия.³

6. Навои отмечает, что в персидском языке употребляются тюркские названия даже воинских принадлежностей: *قارقالغاندوروقى* *qalqanduruq*, *كوهه* *kuhä*, *جوشن* *cävşän*, *چيغه* *çivä*, *كچم* *käcim* *آه* *aha* и т.д.⁴ Если тщательно проанализировать вышеизложенные примеры, приведенные Навои для доказательства богатств староузбекского языка, то становится ясным, что все эти слова, за исключением некоторых из них, являются обиходными. Они не отражают духовное, интеллектуальное и материальное богатство узбекского народа. Как известно, лексическое богатство того или иного языка свидетельствует о богатстве духовной культуры народа, о количестве усвоенных им понятий и явлений.

Последние примеры, приведенные Алишером Навои, больше всего касаются терминологии, связанной с кочевым образом жизни и скотоводством, и отражают некоторые следы первобытного мышления. Так, например, наряду с отвлеченными, общими (родовыми) названиями животных (лошадей, уток, оленей и т. д.) в староузбекском языке имеется множество названий для обозначения их видовых понятий. Это свидетельствует о дифференцированных, расчлененных видовых понятиях, которые имеют строго ограниченный смысл. Тут практические потребности отдельных отраслей кочующих народов явились причиной сохранения первоначальных (частных) понятий. Поэтому примеры, приводимые Навои из различных областей жизни патриархального общества, не могут служить доказательством лекси-

¹ Там же.

² Там же, стр. 15; стр. 24.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 16; стр. 27.

ческого богатства его родного языка. С этой точки зрения весьма бедный по своей лексике язык лапландцев имеет 30 названий для обозначения северного оленя — животного, играющего большую роль в их жизни.

Ошибка Навои в данном вопросе заключается в том, что он живую народную речь с ее обиходным лексиконом, характерным для кочевого быта, сравнивал с персидским литературным языком. Тут он очень тонко и хитро использовал оторванность персидского литературного языка от живой народной речи.

Однако патриотически настроенному Алишеру Навои были чужды узко-национальные интересы. Его борьба за повышение родного языка и родной литературы до уровня персидского языка и персидской литературы, его вызов на историческое состязание персидского языка и персидской литературы, были тесно связаны с борьбой за процветание культуры, просвещение и искусство своего народа.

Но невольно возникает вопрос, почему Навои, борясь за родной язык, употреблял так много арабских и персидских слов? Такое явление на первый взгляд кажется противоречивым: с одной стороны, он доказывает богатство, стилистическое преимущество и превосходство родного языка перед персидским языком, а с другой стороны, в произведениях самого же Навои встречается большое количество слов, заимствованных из персидского, а также из арабского языков.

Для этого периода характерно то, что староузбекский язык, борясь с персидским языком, обогащался и развивался с помощью последнего.

Если бы Навои придерживался другой точки зрения, он сам не употреблял бы, не заимствовал бы слова из персидского и арабского языков для своих произведений и для тех поэтических отрывков, в которых демонстрировал лексические богатства староузбекского языка. Если тщательно продумать этот вопрос, то оказывается, что он имеет глубокие исторические корни.

Как известно, история узбекского литературного языка тесно переплетается с историей других литературных языков тюркской системы и с историей арабского и персидского языков и культур. Вне этого сравнительного исторического аспекта нельзя определить ни арабско-персидского лексического фонда в составе узбекского литературного языка, ни связи и взаимодействия его с другими языками. Древние тюрки, войдя с древнейших времен (еще до эпохи Навои) в массовое и длительное соприкосновение и общение с иранцами и арабами, как древние германцы вошли в длительное соприкосновение

с римлянами¹ испытывали на протяжении нескольких столетий влияние более высокой культуры арабов и иранцев. В результате такого соприкосновения тюрки заимствовали довольно большой арабско-персидский лексикон. Вместе с мусульманством и арабско-иранской культурой в староузбекский язык через посредство феодально-религиозных кругов хлынула волна арабских и персидских слов. Учитывая сильное влияние арабского языка на языки народов Востока, Н. Я. Марр считал его „матерью всей мусульманской речи“.²

Под влиянием арабской и иранской культуры староузбекский язык уже на заре своей исторической жизни впитал в себя струю новых слов, выражений и некоторых грамматических элементов, образовавших впоследствии основной фонд общих и отвлеченных понятий, религиозной и научно-философской терминологии.

Особенно сильное изменение претерпела лексика староузбекского языка в эпоху Навои. В этот период лексика в обеих частях тимуридских государств под сильным влиянием персидской литературы интенсивно развивалась, обогащалась, вбирая огромные потоки арабско-персидских слов.

Как мы говорили, особенно широко пользовался арабскими и персидскими словами в тот период сам Алишер Навои. Он не отказался от употребления этих языковых элементов, а, наоборот, применял их для развития своего родного языка. Арабский и персидский языки для него, так же как и для других узбекских поэтов, явились наряду с народным языком базой обогащения родного языка.

Навои считал не только целесообразным, но и необходимым и законным заимствовать из других языков слова, нужные для передачи соответствующих понятий и идей. Он признавал, как историческую необходимость, заимствование слов, отсутствующих в родном языке, из языков других народов. Он не сомневался в том, что слова языка одного народа могут завоевать права гражданства в языках других народов. Он даже утверждал, что слова, принадлежащие одному языку, „могут превратиться в слова языков семидесяти двух народов“³.

Исходя из такой социальной концепции, Навои допускал широкое заимствование арабско-персидских слов. Нам кажется, что в данном вопросе он придерживался такой точки зрения: надо обогатить родной язык за счет богатства других

¹ см. В. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936, стр. 169—170.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. V, стр. 108.

³ Chrestomathie en turc oriental, стр. 3; М. Л., стр. 16.

языков и демократизировать его за счет привлечения народной речи.

Но язык Навои значительно отличался от языка его предшественников и современников в смысле употребления арабско-персидских слов: язык Навои был еще более арабизирован.

Язык Атаи, Саккаки и т. д., по сравнению с языком Навои, хотя и был более прост и легкопонимаем, но он был лишен тех поэтических достоинств, стилистических преимуществ и изящества, живых красок народности, а также высоких благородных идей и т. д., какими отличаются произведения Навои. Они писали, главным образом, газели и касыды и не могли подняться до создания таких высоких жанров поэтических произведений, как поэмы Навои „Фархад и Ширин“, „Лейли и Меджнун“ и т. д. Используя опыт своих предшественников, Навои синтезировал лучшие черты народного языка с наиболее жизнеспособными элементами литературного языка и арабско-персидских языков. Гениальный поэтический синтез Алишера Навои обеспечил развитие и обогащение узбекского литературного языка, который служил замечательным образцом для последующих поколений.

Выявление и использование лексических богатств, открытие новых поэтических качеств и художественных особенностей староузбекского языка связаны с его перестройкой, преобразованием, соответственно с развитием родной литературы, развитием науки и национального самосознания.

Обилие арабско-персидских слов в произведениях Навои объясняется еще тем, что высокие классические жанры поэзии и чуждая староузбекскому языку арабская метрическая система нуждались в богатейшем лексическом арсенале.

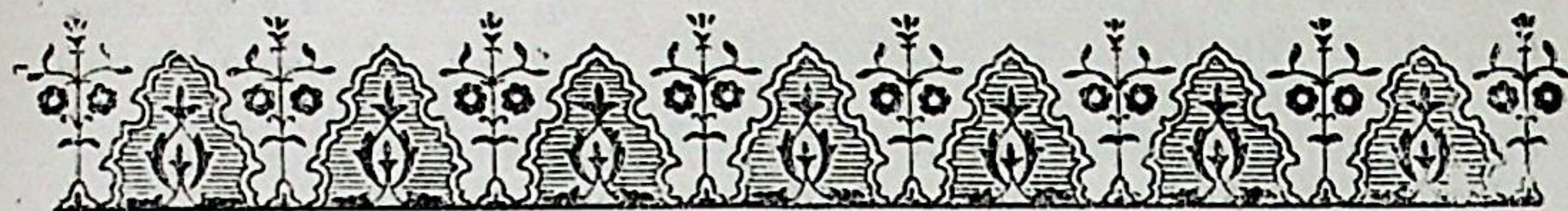
Навои вынужден был прибегать к арабско-персидским словам и терминам для художественного выражения тончайших философских мыслей и сложнейших чувств. Это обстоятельство заставляло его даже прибегать к поэтическим вольностям — к арабско-персидским деформационным элементам, поэтическим сокращениям, растяжениям и различным вариантам в области лексики. Эти „поэтические вольности“ Навои использовал для того, чтобы легче справиться с требованиями ритма и рифмы метрической системы аруза.

Все это вместе взятое сделало язык произведений Навои сложным и труднопонимаемым. Но если, с одной стороны, это было вызвано обилием арабско-персидских слов, разного рода „поэтическими вольностями“ и сложностью выражения как тончайшей поэтической, так и философской мысли, то, с другой стороны, нам кажется, эта витиеватость

слога была продиктована существовавшими традициями, требовавшими от поэтических произведений чрезвычайно высокого стиля.

Установившаяся традиция — писать стихи вычурным стилем — еще больше отдалила литературный язык от живого народного языка и причиняла большие затруднения, особенно когда речь шла о поэзии. Вследствие этих требований, язык поэзии был резко разобщен с разговорным народным языком и был труднопонимаем для широких масс. Навои в данном случае не смог выйти из рамок существовавших традиций и не мог упростить свой стиль.

Стремление Навои обогатить староузбекский язык путем заимствований из других языков, его благородное желание — поднять культуру и просвещение тюркских народностей и использовать богатую иранскую культуру и литературу в деле создания большой литературы на родном языке, — придают его патриотической борьбе своеобразную гуманистическую окраску. Отсюда ясно, что основная идея „Мухаккамат ал-лугатайн“ Навои заключалась не в противопоставлении староузбекского и персидского языков, не в доказательстве лексических преимуществ и поэтического превосходства родного языка над персидским, а в том, чтобы поднять авторитет „вульгарного“ родного языка, доказать его право на литературное существование и создать такую литературу, которая могла бы стоять рядом с персидской.

ГЛАВА VI

О ГИБКОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ И СЛОВООБРАЗОВАНИЙ В СТАРОУЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

В своем теоретическом обосновании равноправия узбекского языка с персидским, Навои не ограничивается только рассмотрением его лексического богатства, стилистического преимущества и поэтических достоинств. Он, как прекрасный языковед, уделяет исключительное внимание и грамматической структуре этого языка — гибкости грамматических форм и технике словообразования.

Подвергая научному анализу специфику морфологического построения узбекского языка, представляющую исключительное значение с точки зрения поэтики и стилистики, а также разбирая отличительные стороны и высокие достоинства техники словообразования, он вместе с тем приводит эти свойства как доказательство большей зрелости и богатства родного языка в сравнении с господствующим персидским литературным языком:

ويكن تيل لار يدا كمال و نقصان چيني دين فاجش تفاوت لار دور كه الفاظ و عبارات وضع قيلور
ترك سار تفة فائق كيليب دور و اوز الفاظيه اشارت عبارتيمه مزيت لار كوركوز و بدور

То есть:

„Но есть большое различие в отношении преимуществ и недостатков этих (т. е. староузбекского и персидского) языков, а именно: турки превосходят сартов (т. е. иранцев) в словообразовании, а также имеют преимущества в области формообразования слов.“¹

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 6; М. Л., стр. 18.

В качестве доказательства Навои приводит глагольные формы взаимного и понудительного залогов староузбекского языка, совпадающие по типу словообразования с арабскими, но отсутствующие в персидском; некоторые деепричастные формы, сложные глаголы с вспомогательным глаголом كور kōr, форму превосходной степени прилагательных и некоторые другие словообразующие суффиксы имен существительных, которые также чужды персидскому языку, не могут быть выражены по-персидски и в ряде случаев целиком заимствуются из узбекского языка.

Так, например, сопоставляя структуру наклонений глагола староузбекского языка, арабского и персидского, Навои приходит к выводу, что больше всего развита система глаголов в староузбекском языке. Для доказательства этого он останавливается на процессе образования форм взаимного и понудительного залогов в староузбекском языке.

Прежде всего, Навои рассматривает взаимную форму глаголов и, сопоставляя главу مفاعله mufaälä, являющуюся очень большим разделом арабской грамматики, с „масдаром“ (инфинитивом) своего родного языка, замечает, что в родном языке та же самая форма образуется путем добавления к основе одной буквы ش şin (ш):

عرب تیلی نیک صر فی اصطلاحی نیک بودا اید ابر باب دور که انکا مفاعله ابی آت قویوتور
که لفظ پیر مذکور بولور اما ایکی کیشی فعلینه مشتق دور که بیرون و اقع بولغای انده انکه معارضه
و مفاعله و مشاعره و مکالمه و کلی باب دور و مؤنذ اعظیم خواهد حاصل و فارسی کویلا مویچه
فصاحت و بلاغت دعوی بیله بوقایده دین محروم اما ترک بلغاسی بوقایده غه تعوض قلیب
دورلار و مصدر غه برشین جز انحاق قیلماق بیله اول مقصود نده آید دورلار انده انکه
چاپیشماق و تابیشماق و قوچوشماق و اوپوشماق و بوشماق لفظ دور و بولفظ و اصنی عزیز
لار غه جای تسلیم و تحسین دور که بغایت خوب قلیب دورلار و بوفصاحت بیله سارت
فصیح سجدین تمام کجبلیب دورلار

То есть:

„В разделах терминологии глагольных форм арабской грамматики есть форма, которой дали название مفاعله mufaälä. Если говорится об одном слове, то она обнимает действия двух лиц, но сама бывает в одном виде, например:

معارضه muarazä — (жаловаться взаимно),

مقابله muqabälä — (сопротивляться взаимно),

مشاعره mişaärgä — (читать стихи взаимно)

مکالمه mukamälä — (взаимно рассказывать).

Это обширная глава, в ней много полезного. Персидские писатели, претендующие на красноречие и зрелость, лишены этой выгоды, но тюркским мастерам слова достаточно протянуть руку, добавить к „масдару“ одну букву ش (ш), — и они уже достигли цели. Например:

چاپیشماق carişmaq — (бежать вместе с кем-либо),

تابیشماق tabişmaq — (встречаться),

قوچوشماق qucuşmaq — (обниматься),

اوپوشماق ujüşmak — (объединиться) и т. д. и т. п.

Великим людям, создавшим подобные слова, следует за это хорошее дело сказать спасибо. Они своим мастерством одержали верх над иранскими мастерами слова.¹

Грамматический процесс их образования, по Навои, происходит так:

ش (i)ş + ش + چاپ car + ش > ش چاپ carişmaq (бежать) + ش چاپماق carmaq

ش (i)ş + ش + تاب tab + ش > ش تاب tabişmaq (найти) + ش تابماق tabmaq

ش (u)ş + ش + قوچ quc + ش > ش قوچ qucuşmaq (обнимать) + ش قوچماق qucmaq

ش (u)ş + ش + اوپ uj + ش > ش اوپ ujüşmak (собирать) + ش اوپماق ujmaq

ش (u)ş + ش + اوپوشماق ujüşmak (собирать) + ش اوپوشماق ujüşmaq

ش (u)ş + ش + اوپوشماق ujüşmak (собирать) + ش اوپوشماق ujüşmaq

ش (u)ş + ش + اوپوشماق ujüşmak (собирать) + ش اوپوشماق ujüşmaq

ش (u)ş + ش + اوپوشماق ujüşmak (собирать) + ش اوپوشماق ujüşmaq

Форма этого взаимного залога в современном узбекском языке образуется точно таким же путем и употребляется в практике, выполняя ту же функцию, о которой говорит Навои.

Что же касается понудительной формы глаголов, то Навои сравнивает ее с арабской грамматической формой, известной в арабской терминологии под названием مفعول لیک mäf'ullik (глаголы с 2 лицами). Навои говорит, что как в арабском языке мفعول mäf'ul образуется путем добавления к арабским словам одной буквы, точно так же и в родном языке происходит образование формы понудительного залога путем добавления к глагольным основам одной буквы ت t (т):

¹ Там же, стр. 16; стр. 26.

...بينا عربي صرفنا صطلحي 151 ايكي مفعول لوق فعل لار باركه آينيك دهسي دهني معتبر وکلی دور اندین
دهني سار تلار عاری قالیب دورلار و اتراک انکا هم خوراق و جبهه مباحث قلیب دورلار
عرب اندانگه اعطیت زید ادرهما بو ترکیب دا اوج لفظ نکور بولور آلار لفظ غیر حرف تونجا
بيله مونکا اوختاش بر صمیرنه آرتور و بتور لار بغایت مختصر و مفید توشوبتور اندانگه بوکورت
وقیلدورت و باشورت و چیقارت

То есть:

„В арабской грамматике и терминологии есть глаголы *ikki māf'ulluq* (с двумя лицами), они очень широко распространены и имеют большое употребление. Сарты (т. е. иранцы) оказались в стороне от них, а турки очень хорошо им (этим словам) подражали. Например, в арабском выражении

„*ätäjtu zäjdän dirhämän*“ (т. е. „Я выдал Зейду серебряную монету“) имеется три слова. Как арабы прибавляли одну букву к слову, точно так же и турки прибавляют к слову одну букву, в результате чего словообразование получилось очень кратко и полезно, например:

jügürt — (заставлять бегать),
qıldurt — (заставлять делать через третье лицо, заказывать),
jaşurt — (заставлять скрывать, прятать),
ciqart — (заставлять выпускать).“¹

Грамматический процесс их образования имеет следующий вид:

jügürt (заставлять бегать) = *t* + *jügür* (беги) + *юкюрт*
qıldurt (заставлять сделать) = *t* + *qıldur* (заставлять делать через третье лицо, заказывать).
jaşurt (заставлять скрывать, прятать) = *t* + *jaşur* (спрячь)
ciqart (заставлять выпускать) = *t* + *ciqar* (выпусти)

И действительно, подобный процесс словообразования, оказавший сильное влияние на развитие системы глаголов в узбекском языке, — чрезвычайно широко распространенное явление, в особенности развита понудительная форма глаголов, имеющая ряд вариантов словообразования в современном узбекском языке.

¹ Там же, стр. 17; стр. 26.

Особое внимание обращает Навои также на гибкость образования деепричастных и причастных форм, их выразительность и поэтические тонкости.

Как известно, уподобленное деепричастие в узбекском языке является самой сложной формой деепричастия, выражающей наиболее тонкие смысловые оттенки слов. Остановившись на этой форме, образованной от глагола, Навои так характеризует ее стилистические особенности и выражение его тончайших смысловых оттенков:

بنا بر نوع عبارت و ادالاری بار کیم بر اودین برایشنی کمان ایلتماگ بيله اول اینی اول
کیشیکان نسبت کونیه برورلار لوق که تحقیق یوز بدین بلکه منظره و کمان همیشه دین اما موزا وقت
کوشور اندانگه بارغودیک دیارغودیک دیکنلودیک دیکنلودیک و آیتقودیک آیتقودیک
داوغا دیک سورغودیک دبوخار کسید بولماس

То есть:

„Еще есть обороты и выражения такого рода, когда предполагают какое-либо действие в отношении кого-либо, и это действие приписывают определенному человеку. Это делается по предположению, но здесь много чутья и выразительности.“

Например:

barqudek — (как бы идя, едучи словно собираясь итти, ехать),
jarqudek — (как бы раскалявая, словно намереваясь расколоть),
bilgudek — (как бы зная, понимая, походя на знающего, словно намереваясь узнать, понять),
ajtqudek — (как бы говоря, словно собираясь сказать),
qajtuqdek — (как бы возвращаясь, словно собираясь вернуться),
urqudek — (как бы ударяя, словно намереваясь ударить),
sorqudek — (как бы спрашивая, словно намереваясь спросить),
и таких в персидском языке нет.“¹

¹ Там же, стр. 18; стр. 27.

! Навои указывает, что посредством этой деепричастной формы выражается предположение, как будто человек, которому приписывается то или иное действие, уже совершает его или намерен (собирается) совершить. Но это не является очевидным действием, а только предполагаемой видимостью действия. В этой форме деепричастия Навои отмечает наличие и выражение тончайших оттенков мысли.

Эту же мысль высказывает и проф. А. К. Боровков. „... При глаголах аффикс приобретает особый оттенок значения, образуя форму деепричастия, выражающего попытку совершения действия, приближения к действию, указывая, что действие как бы совершается или совершилось.“¹

В произведениях самого Навои, а также у других поэтов можно видеть, насколько сложные и тонкие понятия выражает эта форма и какую поэтическую звучность и выразительность она придает стиху.

Это деепричастие образуется путем добавления суффикса *دېك* *dek* (образующего деепричастия) к архаической форме причастия настоящего-будущего времени, образованной при помощи суффиксов *غو* *qu*, *قو* *qu*, *كو* *kü*, *گو* *gü*².

Суффикс *دېك* *dek*, образующий уподобленные деепричастия, присоединяется также и к другим категориям слов, выражая уподобление.

Другой суффикс *كاج* *kas*, *gac*, приведенный Навои в качестве примера как в староузбекском, так и в современном узбекском языке, выполняет функцию образования отглагольных основ деепричастия момента завершения действия.

Совершение действий, обозначаемых в деепричастиях, образованных при помощи этого суффикса, обычно бывает связано с другим действием. Навои считает эту форму деепричастия одним из фактов, имеющих большое стилистическое значение в морфологическом строении узбекского языка, и прямо указывает, что эта форма обозначает начало второго действия, как только закончилось первое, что она выражает стремительность и поспешность действия:

¹ Проф. А. К. Боровков, Учебник уйгурского языка, Л., 1935, стр. 122.

² Суффиксы *غو* *qu*, *قو* *qu*, *كو* *kü*, *گو* *gü*, образующие архаическую форму причастия настоящего-будущего времени, встречаются также и в монгольском языке в виде *хо* *хц*, *ю* *юц*, *кю* *кү*. Однако эти суффиксы, по словам П. И. Мелиоранского и А. Бобровникова, в монгольском языке выражают и масдар (инфинитив) и причастие будущего времени. Может быть, эти суффиксы проникли в староузбекский язык из монгольского языка и имели общее употребление в обоих языках. П. М. Мелиоранский, Араб-филолог о турецком языке, стр. 170, А. Бобровников, Грамматика монгольского языка, стр. 139, § 249.

وبعضی الفاظ نیکب آخریا بر حیم حرنه و مسل قیلورلار و آغنیگ بیلر اول فعل داسرعت
یوسونلوق اراده قیلورلار اندا نیکب کچ و ایسکاج و بارغاج و یازغاج و تاپقاج و ساتقاج

То есть:

„При помощи присоединения к концу некоторых слов буквы *چ* *sim* (ч), имеют целью (придать) быстроту в глаголах (действию), например:

چیتکاج *jetgac* (как только достиг),
баргач *barqac* (как только пошел),
язгач *jazqac* (как только написал),
тапқач *tapqac* (как только нашел),
ساتқач *satqac* (как только продал).“¹

Действительно, это деепричастие завершения действия, как подтверждает Навои, ярко выражая непрерывность и последовательность двух действий, имеет большое значение в литературе, в поэзии, придавая художественной речи стилистическое совершенство. Стилистическое значение этой формы деепричастия для узбекского языка ярко представлено в следующих примерах, взятых из произведений самого же Навои:

چیتکاج *jetgac* (как только достиг):

کو نکل سین سینه تا پارغم شاد بیدین
غمینک مینکاج ولے ایوران شاد

„Сердце мое без тебя в весельи лишь печаль находит, но как, только возникнет мысль о тебе (мыслью о тебе наполняясь), сердце радуется.“ (Ч. Д. стр. 62)

айлакаж *ajlagac* (как только сделал):

یوزنه کل لاردین بیزا بمو بیزنه قربان اولد
یا یوزو سکجه تیکدی قانلار بیزنه قربان اولد

„Украшая лицо розами, ты сделала нас жертвой, Или же лица твоего коснулась кровь, как только в жертву принесла ты нас.“ (Ч. Д., стр. 290)

¹Chrestomathie en turc oriental, стр. 18; М.-Л., стр. 7.

Таким образом, эта форма деепричастия, придавая языку, особенно языку поэзии, стилистическую стройность и поэтическую мелодичность, еще более повышает художественную красоту речи. По утверждению самого Навои, эта форма является ярким доказательством стилистической выразительности родного языка.

Кроме того, Навои останавливается на некоторых словообразующих суффиксах имен существительных и прилагательных.

Среди словообразующих суффиксов имен существительных, употреблявшихся в староузбекском языке, наиболее распространенным был суффикс *چی* *ci*. При помощи этого суффикса образовались различные формы имени действующего лица, в доказательство чего Навои приводит следующие примеры из различных областей:

Слова, означающие должность:

قورچی *qorci*—часовой, караул (VC.); хранитель оборонительного оружия, кирасир (ЯПР, 1215); по Будагову: оруженосец (БС, II, 73).

سویچی *suvcı*—распоряжающийся напитками, придворное звание ключника (БС, I, 706); у Ягелло вино (?) (ЯПР, 867).

خزانہچی *xāzanacı* (ар.-узб.)—казначей, кассир (ЯПР, 574).

پاراکچی *kegäk jaraqci*—человек, который носит оружие, заготовитель необходимых вещей.

چوگانچی *sävkançı*—человек, занимающийся игрой в поло.

شوکورچی *şükürgci*—человек, который носит зонтик (VC, 304), зонтик для царей (РК, 378).

پورتچی *jurtci*—устанавливающий местопребывание войска или каравана (РК, 545), строитель юртов, архитектор (БС, II, 271).

شیلانچی *şilançı*—(пер.-узб.) придворная должность, управляющий за королевским столом, ведающий угощением (ЯПР, 950), начальник по распределению питания войскам (А. К. Боровков).

اختاچی *äxtäci*¹—человек, занимающийся кастрированием лошадей и других животных (VC, 205), по Будагову и Ягелло „конюх“ (БС, I, 17), (ЯПР, 32);

اختہ *äxtä* по-монгольски означает мерин.

Слова, означающие ремесло или профессию:

قوشچی *quşci*—птичник, тот, кто ходит за птицами; начальник птичьей охоты, сокольник (БС, II, 81), сокольниковый (ЯПР, 1215; VC, 318).

بارسچی *barsci*—охотящийся за барсами, смотрящий за ними и вообще за дикими зверями, егерь; егерьмейстер (БС I, 122).

قوروقچی *qorugci*—смотритель за дичью; часовой у входа в женское помещение (ЯПР, 180), придворный часовой, караул во дворе царей.

تامغاچی *tamğacı*—сборщик податей или доходов (ЯПР, 434), клеймовщик, таможенник (БС, II, 730).

چپہچی *çiväci*—латник (ГПР, 208), управляющий оружейными складами.

پورغاچی *jorğacı*—значение не установлено.

حلواچی *hällvacı*—пирожник, кондитер (БС, I, 520).

کیمہچی *kemäci*—значение не установлено.

Из охотничьей терминологии Навои приводит еще следующие слова:

قازچی *qazci*—охотник за гусями.

قوچی *quci*—человек, делающий норы для птиц, род подстильника (РК, 424), у Будагова *قوچی* *quci* телега, карета (БС, II, 72).

تورنہچی *türnäci*—охотник за журавлями.

کریکچی *kijikci*—сторож, наблюдающий за ханскими оленями, назначенными для охоты (БС, II, 183).

تاوشقانچی *tavuşqancı*¹—охотник за зайцами.

Характеризуя эти термины, Навои заключает, что таких слов на языке сартов, т. е. иранцев, нет и большинство их они называют по-тюркски².

Наиболее важное обстоятельство лингвистического порядка, которое следует отметить в толковании Навои суффикса *چی* это то, что из приведенных здесь слов, образованных при помощи суффикса *چی* нет ни одного, которое было бы образовано от глаголов. Все они образованы только от имен существительных, а слова, которые образовались при помощи суффиксов *چی* от глаголов, в староузбекском языке употреблялись в большинстве случаев как причастие настоящего времени.

Следовательно, в староузбекском языке имена существительные типа, приведенного в сочинении Навои, образующие-

¹ Там же, стр. 17; стр. 26.

² Там же, стр. 17; стр. 26.

ся при помощи суффиксов *چی*, то-есть действующих лиц, большей частью были образованы от существительных.

Как мы выше указали, многие слова, образованные при помощи этого суффикса, употреблялись, по словам Навои, даже и в персидском языке того времени. Н. А. Белгородский говорит, что суффикс этот употребляется и в современном персидском языке и получил широкое распространение. Он говорит: *چی* суффикс тюркского происхождения — для образования слов (существительных и прилагательных), обозначающих лицо, занятое той или иной деятельностью. При чем, если раньше этот суффикс применялся только к тюркским словам, как, например, *توپچی* артиллерист, *قاچاقچی* контрабандист или *ایچی* посланник, то теперь он стал присоединяться и к собственным персидским, и к французским, и к русским словам (даже преимущественно к иностранным), например: *بیپورچی* торговец хрусталем (стеклом, от хрусталь), *فائتوزچی* извозчик, *ماشینهچی* машинист, *موتورچی* моторист и т. п.¹

Много слов, приводимых в примерах Навои, образованных при помощи суффикса *چی*, встречаются в персидско-русских словарях Ягелло и Гаффарова, например: *احتاجی* (ЯПР, 32), *تامغاجی* (ЯПР, 424), *خزانهچی* (ЯПР, 574), (ГПР, 1, 289), *قورچی* (ЯПР, 1215), *فوشچی* (ЯПР, 12-15), *قوروقچی* (ЯПР, 1180), *سوچی* (ЯПР, 667), *جاباجی* (ГПР, 208) и т. д.

Этот суффикс *چی* имеет широкое распространение также и в современном узбекском языке. После Октябрьской социалистической революции он проник в новую семантическую структуру и служит для образования новых слов, выражающих высокое развитие науки, техники и культуры.

Некоторые из слов, приведенных Навои, для нас являются архаическими, но в ту эпоху они употреблялись широко. Часть их можно встретить даже и в сочинениях самого Навои.

Суффикс *ول* *vul* наравне с суффиксом *چی* является одним из наиболее употребительных суффиксов староузбекского языка. Определяя функции этого суффикса, Навои говорит следующее:

بیا بیر داو دلام بعضی نطق غالمحاق قلیت بر مخصوص صفت ته تعیین قیلور که سلاطین نیک
خواه زرم اسباب او چون و خواه بزم جهان او چون معتبر دور

¹ Н. А. Белгородский, Современная персидская лексика, М.-Л., 1936, стр. 78-79.

То есть:

... Присоединяя к некоторым словам буквы *او* *vav* (و) и *لام* *lam* (ل), образуют новые значения; эти слова служат для обозначения воинских и придворных должностей¹.

Далее, он в качестве примера приводит следующие слова: *هراول* *hiravul*, *ایراول* *igavul* — авангард, следующий за войсковым отрядом; небольшой отряд, посылаемый на помощь загонщикам или наездникам (БС, I, 186).

قراول *qaravul*, *قراغول* *qaragul* — 1) стража, караул, часовой в военное время; 2) сторожевой отряд, назначаемый на известный пункт для встречи неприятеля; передовой отряд, который начинает сражение или дает знать своим, когда показывается неприятель; загонщики, наездники, (БС, II, 48).

چنگداول *çandavul*, у Будагова: *چاغداول* *çağdavul*,

چغداول *çağdavul* *چنگداول* *çandavul* — командующий хвостом армии (БС, I, 471); у Паве де Куртайля и Будагова *چنگداول* *çandavul* арьергард, собственно это значит „ведет сам конный караул“ (РК, 288; БС, I, 477).

چنگاول *çankavul* — значение не выяснено; у Паве де Куртайля *چانکا* *çanka* — направление дороги (РК, 537), тогда *چنگاول* может означать направляющего или флангового,

سوزاول *sozavul* — разглашатель (РОС, 587, 887).

پتاول *pätavul* — значение не выяснено.

کیپتاول *kiptavul* — караул крепости; начальник гарнизона; название одного из узбекских племен (ВС, 325).

ياساول *jasavul* — уставщик, исполнитель повелений по постановлениям ясы, наряжаемый по какому-нибудь делу (БС, II, 329-330).

بکاول *bākavul* — пробоователь кушанья, прежде чем подадут хану; придворная должность стольника (БС, I, 263).

شقاول *siqavul* *شقاول* *siqavul*² — церемониймейстер, тот, кто вводит посланников на аудиенцию (БС, I, 668).

Отсюда ясно, что посредством суффикса *ول* *vul* образовались преимущественно военные и должностные наименования. Однако ввиду невозможности установления этимологии большинства слов, приводимых Навои, крайне трудно определить, какие именно категории слов могут быть образованы посредством этого суффикса. Тем не менее, основ-

¹ Там же, стр. 18, стр. 27.

² Там же, стр. 18-19, стр. 27.

ываясь на бесспорных с этимологической стороны слова *قراول* qāravul, *پاساؤل* jasavul, *بکاؤل* bākavul, можно предположить, что новые слова с помощью суффикса *ول* vul образуются только от глаголов. Мы знаем, что сам по себе суффикс *ول* vul образует слова-названия должностей людей, выполняющих ту или иную функцию. Функция же эта обычно из всех словесных категорий требует только глагола.

Первоначальной формой суффикса *ول* vul являлся суффикс *غول* qul, в котором путем фонетической деформации и благозвучия *غ* q перешло в *و* v.

Однако, в силу укоренившейся традиции изображать в виде *واو* vav с надстрочным знаком (*وُ*) вошло в обычай писать этот суффикс не в виде *وُل* , а в виде *ول* . На этом основании Навои говорит, что данный суффикс состоит из одного *واو* vav и одного *لام* lam. Этот суффикс встречается также и в старомонгольском письменном языке в форме *يول* , *غول* jul, qul. Это обстоятельство еще более подтверждает высказанную нами мысль.

В современном узбекском языке суффикс *ول* vul не употребляется. Он сохранился лишь в весьма немногочисленных словах типа *قراول* qaravul, *پاساؤل* jasavul и т. д.

Суффикс *ل* l являлся также одним из наиболее употребительных суффиксов в староузбекском языке, в котором посредством этого суффикса образовались отглагольные имена существительные. В своем научном трактате „Мухакамат ал-лугатайн“ Навои останавливается на этом суффиксе и определяет его следующим образом:

يانا بعضى لفظ غه بىلام الحاق قىلور لاركىم اول شى نىك اول صفتدا رسوخى غه دلالت قىلور انكه
قبال دياسال و قبال دتوتقال و بوتقال و توسقال و سيراغال

То есть:

„... присоединяясь к некоторым словам, *لام* lam означает наличие определенного качества у данного предмета.“²

и приводит следующие примеры:

قھال qāhal—значение не выяснено.

پاسال jasal, *پاسال* jasal—строй войска, отряд (БС, II, 330; ВС, 347).

قبال qābal, *قبال* qabal—1) поденщина; 2) осада, окружение (РОС, 443), осада, оцепление, *قابامق* qabamaq, *قبال قىلماق* qabal qilmaq—окружить, осадить (БС, II, 2) *توتقال* tutqal—держаший, содержащий, хранитель, задерживающий, поимщик (заставщик ярлыков), *توتقال* tutqal—клей (БС, I, 443).

بوقال buqal—кубок, бутылка (РОС, 1803) специальная стеклянная посуда для вина с большим отверстием и с узким горлышком (*قاموس تركى* стр. 317). В словаре *قاموس تركى* указывается на французское происхождение (Vocal). Может быть, современное европейское слово бокал в древние времена было позаимствовано римлянами: *Rosulum* бокал, сосуды для питья у римлян в древние времена были деревянные и глиняные, а во время все более усиливавшейся роскоши—металлические, стеклянные и из драгоценных камней. Их часто привозили из Азии и Африки, частью делали в Италии (Реальный словарь классических древностей по Любнеру, Санкт-Петербург, 1885, стр. 1064).

توسقال tosqaal—пост, караул.

سويرغال sujurgal¹—удостоение разных милостей и льгот, предмет, которым выражается милость, пожалование: почетное платье подарок имуществом, землей, удел, ленный участок (БС, I, 658). В словаре Ягелло *سويرغال* sūjarqaal—королевский подарок или почетный халат (ЯПР, 872).

Эти данные говорят о том, что приведенный Навои суффикс *ل* l являлся в свое время одним из наиболее употребительных.

Хотя приводимые Навои слова, образованные суффиксом *ل* l, в современном узбекском языке не употребляются, в те времена они являлись общеупотребительными. Эти слова для нашего времени являются настолько архаичными, что определить, от каких именно глаголов образовано большинство их, крайне трудно.

Таким образом, с точки зрения современного узбекского языка, не только эти слова являются архаизмами, но сам суффикс *ل* l стоит в ряду устаревших. Лишь некоторые весьма немногочисленные слова современного узбекского языка наводят нас на мысль о суффиксе *ل* l. Например, слова *اوسال* osal по всей вероятности образованы от *توكل* tugäl, *توكل* tugäl, *اوسال* osal по всей вероятности об-

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 18; М. Л., стр. 27.

¹ Chrestomathie en turc oriental, стр. 18; М. Л., стр. 27.

образованы с помощью данного суффикса от глаголов توکاماق tugamaq, اوصانماق osanmaq (см. БС, I, стр. 135, 402).

Данный суффикс также употребляется и в монгольском письменном языке. Этот факт указывает на то, что суффикс ل является общим для узбекского и монгольского языков.

Далее Навои останавливается на образовании превосходной степени прилагательных.

Известно, что превосходная степень имен прилагательных в узбекском языке образуется не только при помощи вспомогательных слов, как то: اينك ең (самый), چودە çüdə (очень), قاجات qajät (чрезвычайно), но имеет также особую специфическую форму образования قىپقىزىل qip-qizil. ярко-красный, قارا qar-qara (очень черный), то есть обозначает интенсив. Эта специфическая интенсивная форма степени прилагательных образуется только от коренных имен прилагательных, особенно от качественных, которые обозначают цвет или окраску предмета. Навои уделяет особое внимание этой интенсивной форме превосходной степени имен прилагательных и объясняет, как специфическую особенность родного языка в отличие от персидского.

В сочинении „Мухакмат ал-лугатайн“, Навои, говоря о том, что эта форма употребляется в целях повышения качества имен прилагательных или усиления цвета, он показывает, каким путем она образуется:

و یا نا بیر زنگ یا بیر صفت نیک همول حالی غه مبالغه او چون آئینک اولیدا اول حرفیغ
پ یا میم اضافه قیلیب اول شی غه زاده قیلورلار

То есть:

„А еще, чтобы усилить основной цвет или качество, к первой букве первого слога прибавляют букву پ р или میم m, и это обозначает излишек, превышение“¹.

К этому он приводит следующие примеры:

آق ар-ақ — белейший.

قارا qar-qara — очень черный.

قىپقىزىل qip-qizil — яркокрасный.

سارپىغ sar-sariq — очень желтый.

¹Там же, стр. 18; стр 27.

يۇمىلاق jup-jumalaq — совершенно круглый.

ياسى jar-jassi — совершенно гладкий.

آچۇغ ар-асиқ — совершенно открытый.

چۇقۇر cip-suqur — очень глубокий.

كۆم كۆك köm-kök — очень синий.

يام ياشىل jam-jaşil — ярко зеленый.

بوم بوز vom-voz — совершенно серый и т. д.

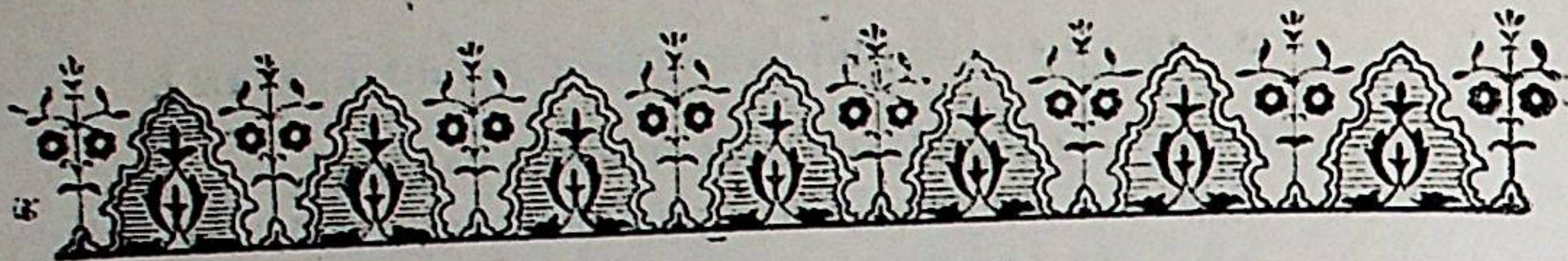
Внутреннее различие в образовании этой интенсивной формы заключается в том, что при образовании берется открытый слог имени прилагательного и к нему для благозвучия добавляется частица پ р или м m, так что получается закрытый слог. Затем полученная таким путем специфическая частица добавляется к прилагательному:

قىزىل qizil + پ р → قىپ qip + پ р + قىزىل qizil = قىپقىزىل qip-qizil
قارا qara + پ р → قارا qara + پ р + قارا qara = قارا قارا qar-qara.

Если первый слог имени прилагательного окажется закрытым, то тогда согласная в конце слога опускается и вместо нее добавляется п р или м m:

ياسى jassi + پ р → يا ja + پ р + ياسى jassi = ياپ ياسى jar-jassi
كۆك kök + م m → كۆ kö + م m + كۆк kök = كۆمкۆк köm-kök.

Действительно, эта интенсивная форма придает поэзии особую поэтическую звучность и интенсивность.

VII

НАВОИ О ФОНЕТИЧЕСКОМ СОСТАВЕ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Почти пять веков отделяют нас от эпохи великого Навои. Для нас представляет чрезвычайный интерес вопрос о выяснении и определении хотя бы в общих чертах звуковой стороны живого узбекского языка той эпохи.

Однако те источники и материалы, которыми мы располагаем, для этого недостаточны.

Арабский алфавит по своей специфике не дает возможности вскрыть особенности узбекского языка, а многие фонетические явления не получили в нем соответствующего отражения. Своей сложностью и запутанной конструкцией он затемнял и чрезвычайно затруднял изучение языка, в особенности произношения и письменности. „...проклятый арабский алфавит, в котором то и дело целые шестерки букв имеют совершенно одинаковый вид и в котором нет гласных“.¹

Только у Радлова и Фой можно встретить некоторые попутные замечания о фонетическом составе так называемого чагатайского, т. е. староузбекского языка².

П. М. Мелиоранский считает арабский алфавит помехой для лингвистического исследования дошедших до нас памятников тюркского языка, особенно со стороны фонетики и морфологии³.

Заслуживает внимания очень интересная статья проф. К. К. Юдахина о звуковом составе так называемого чагатайского (т. е. староузбекского) языка, где он высказывает оригинальную мысль, что гласные звуки, имеющиеся в старо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 495. Ф. Энгельс—К. Марксу, 6 июня 1853 г.

² Radloff, Zur Geschichte des Türkischen Vokalsystems, Известия Академии наук, 1901, т. XIV, № 4, стр. 449—450, 457.

³ П. М. мелиоранский, Араб-филолог о турецком языке СПб 1900, стр. III.

узбекском языке, можно определить при помощи туюгов (четверостиший) с игрой рифмующих слов¹.

В результате сопоставления туюгов нескольких писателей и анализа произношения рифмующихся слов К. К. Юдахин делает вывод, что многие известные поэты являются представителями несингармонистических говоров, что в их языке нет сингармонизма, то есть в их литературном языке существовало только 6 гласных².

Для доказательства он приводит следующий туюг Амири:

شمع نيکنگ يانا دور باشيمدين اوت
کوز ياشيمدين بير بوز يه ا اونري اوت
قان ياشيم قیلدی یولوکنی لاله زار
موشچاقصیر ابلادیم قانیمدين اوت

То есть:

„Как свеча пылает в голове моей огонь, от слез моих на земле выросла трава, Кровавые слезы мои превратили путь твой в поле тюльпанов.

„Я так провинился; за кровь мою прости“.

Если эти три *اوت* — говорит проф. Юдахин, — читать, ориентируясь на сингармонистическое произношение, то получим следующее: *اوت ot*—огонь, *اوت ot*—трава, но *اوت ot*—пройди, прости. Отсюда он делает заключение, что согласно правилу чтения туюга, эти три слова не должны произноситься различно, а, наоборот, читаются только в виде „*ot*“, так как при разночтении этого слова игра слов невозможна.

В отношении заднеязычного *ь* и переднеязычного *і* проф. Юдахин высказывает такую же мысль. Они, по его мнению, в староузбекском языке не дифференцировались. Для подтверждения этой мысли он приводит следующий туюг Лютфи:

سیندی کونکوم شیشه سی غم تاشیمدين
قان سیرایت قیلدی ایچ و تاشیمدين
قورقار ام سین بيم و قاسیزلار کے
بولماغای سین ایچی کفر و تاشیمدين

¹ К. К. Юдахин, Материалы по вопросу о звуковом составе чагатайского языка. Сб. „Культура и письменность Востока“, кн. IV, стр. 62—63.

² К. К. Юдахин, Цит. работа, стр. 67.

То есть:

„Разбит сосуд моего сердца камнем (taşьdьп) печали,
Кровь пропитала его изнутри и снаружи (taşьdьп).
Боюсь, как бы и ты, подобно неверным,
Не оказался внутренне гяуром, а внешне верующим (taşь dьп)“.

Проф. Юдахин склоняется к мысли, что из этих трех слов, а именно: 1) taşьdьп (taş تاش камень + ь притяжательный суффикс - 3 лица + دьп дьп суффикс исходного падежа), 2) taşьdьп (taş تاش наружная сторона + ь притяжательный суффикс - 3 лица + дьп суффикс исходного падежа) и 3) taşь dьп (taş наружная сторона + ь притяжательный суффикс - 3 лица + dьп религия) нельзя образовать игру слов. Здесь основным пунктом он выдвигает слово دьп dьп — религия, произносимое одинаково почти у всех народов востока, в том числе и во всех узбекских диалектах. Основываясь на этом слове, проф. Юдахин утверждает, что нельзя составить игру слов в стиле, рифмуя слово دьп dьп с суффиксом دьп dьп, являющимся особенностью сингармонистических диалектов. Отсюда он приходит к выводу, что в староузбекском языке был только переднеязычный гласный *i*, а заднеязычного гласного *ь* не было. По его мнению, узбекские поэты XV—XIX вв. были представителями „несингармонистических говоров“; в языке этих поэтов имелось только шесть гласных, и не было различия в гласных заднего ряда (*o*, *u*, *ь*) и гласных переднего ряда (*ü*, *ö*, *i*).

По нашему мнению, эта мысль проф. Юдахина также далека от истины, ибо, как мы уже говорили, в классической поэзии существовала возможность изменять слова, подчиняясь ритму стиха или рифмы. Это было вполне законным явлением. Поэтому нельзя считать противоестественным созвучное и близкое произношение этих слов из вышеприведенного туюга, несмотря на то, что в живом языке они произносятся различно. Даже долгий гласный *i*: в слове دьп di:n, стоящий под сильным ударением и произносимый обычно гласный *i* в суффиксе исходного падежа (который, по словам проф. Юдахина, является несингармонистическим), благодаря этим „вольным“ канонам нашей поэзии, произносится не через долгое *i*: (di:n), а созвучно друг другу в виде دьп dьп.

Однако вопрос о том, которое из них دьп dьп и которое دьп di:n, выясняется из содержания контекста. В этом то и заключается секрет „таджниса“ (игра слов). На самом деле,

если бы не было свободы для некоторого изменения произношения слов в поэзии в целях достижения их созвучности согласно требованиям ритма и рифмы, то совершенно нельзя было бы образовать вышеуказанный таджнис.

С точки зрения произношения туюга, мысль проф. Юдахина совершенно правильна: так и должно быть в действительности, потому что в туюгах не получается рифм, если допустить „сингармонистическое“ чтение их, т. е. допустить наличие параллельных гласных заднего ряда и переднего ряда.

Однако мы приходим к неправильному выводу, если на основе этого положения проф. Юдахина возьмем рифмующиеся слова из туюга основным критерием для выяснения гласных в живом языке той эпохи, для определения их качества, так как не только в туюгах, но и вообще в поэзии сингармонизм в рифме не учитывался. Тем более в туюгах благодаря рифме, основанной на игре слов, допускалось созвучное и близкое одно к другому произношение этих слов; в действительности так и было.

Но и не только это. Согласно правилам рифмы и ритмики, в стихотворении одно и то же слово допускается читать в различных вариантах (долгие и краткие слоги), и это вполне законное явление в нашей поэзии. Например: پاقا jaqa, jaqä, jäqa.

Очень хорошим примером для этого может служить следующий туюг Навои:

ای نکا را قاشور نیکد کب یاتانی
ز قشنگدین باره قیلدیم باقانی
عاشق بیچاره دین قیلغیسل خدر
یا خود آهی تو تقوی سیدور باقانی

То есть:

„О красавица, где лук, изогнутый, как твои брови?
В разлуке с тобой я порвал на куски воротник.
Берегись несчастного влюбленного:
Или стоны его покроют (тебя), или его кровь“.

1) پاقانی ja qäni—где лук; 2) پاقانی jaqani—воротника;
3) پاقانی ja qani—или его кровь.

Нижеследующий туюг Искандер Мирзы, приведенный Навои в „Маджаллис ан-нафаис“, может служить чрезвычай-

но ярким примером того, как благодаря рифме можно произносить слово и писать его в соответствии с этим произношением;

تولون آی غم نسبت ایتیم یارومی
اول نجات دین کیم اولدی کیم یارومی
تاره مو یونک نیک زکاتین مین بر
یا مصرنه یا طلب نه یا رومی

То есть:

„Я сравнил свою возлюбленную с полной луной, Это от смущения она стала половиной ее (т. е. наполовину закрыла свое лицо). За один твой волосок я отдам Или Каир, или Алеппа, или Рум.“¹

В этом туюге поэт сумел создать прекрасную игру слов, рифмуя слова *یارومی jagimī* (мою возлюбленную) от слова *یار jag* (возлюбленная) и *یارومی jagimī* (половина) от слова *یاریم jagim* (половина) со словом *یاروم ja Rum* (или Рум) от слова *روم Rum* (Рум), и искусственно создав полное графическое сходство между ними. Сам Навои весьма одобряет рифмованную игру слов в этом туюге. „Хотя некоторые слова и грубоваты,—говорит Навои,—но игра слов придумана хорошо“².

Таким образом, туюги, ввиду своих специфических особенностей и требований, не могут служить надежным источником для определения и выяснения звукового состава староузбекского языка.

Единственным источником для наиболее правильного выяснения фонетического состава староузбекского языка эпохи Навои является его же произведение „Мухакамат ал-лугатайн“. В нем имеются ценные сведения, которые позволяют судить с большой убедительностью о фонетике живой речи.

В этом сочинении Навои, в связи с сопоставлением староузбекского и персидского языков, вообще дает довольно полные и основательные сведения о составе гласных в живом народном языке той эпохи. Они должны послужить ярким историческим аргументом для разрешения вопроса о

звуковом составе староузбекского языка, который до сих пор разрешался по разному.

Для того, чтобы дать полное представление о различном произношении гласных, Навои приводит в качестве примера ряд слов как из родного языка, так и из персидского, пишущихся во всех случаях одинаково, но произносимых различно. Поясняя с большой убедительностью и с удивительным языковым чутьем эти примеры, Навои вскрывает основные особенности и различия системы гласных староузбекского языка и персидского, присущих главным образом живой народной речи той эпохи:

م معروف و مجهول قافیہ دا و اوی یا یی سم کہ فارسی اشعار دا واقع بولور ایکی حرکتین آتی
بولماکس و و اوی اندا کتکه خود دود و زور و نور و یا یی اندا کتکه بیر و شیر و ترکه الفاظ
بو معروف و مجهول حرکت تورت نوع تا پیلور هم و اوی دهم یا یی سی

То есть:

„Врифмах *معروفی marufi*¹ и *مجهول maçhul*² с произношением *واوی vavi* (و) и *یایی jaji* (ی) не бывает персидской поэзии больше двух вариантов. Такова буква *واوی vavi*, например: *خود hod* („сам, свой“), *دود dud* („дым“), *زور zur* („сильный“), *نور nur* („свет“); такова буква *یایی jaji*, например: *بیر bir* („лев“). В тюркском произношении эти буквы имеют четыре варианта как *ووی (و)*, так и *یایی (ی)*.“³

Далее, Навои подробно останавливается на специфических особенностях и различном произношении так называемых букв *واوی (و)* и *یایی (ی)*.

Так, например, поясняя букву и ее варианты *معروفی* и *مجهول*, т. е. различное произношение, Навои убедительно доказывает ее сингармонистическое чередование по линии палатальности и непалатальности:

واوی سی انداق که اوست که شی محرق دور اوست مَرور معنی سی بلید و اوست مَقَرغَه برد جهتیدین
امر دوت که باریدین ارق حرکت دور کله نه اولقه تو توب تو کین آر تیور معنی دا دور مانا بیر
مثال تور که دام دور یا نا تور که اندین دقیق ارق دور که تو نش اول تور بغاج دور دور که اندین
دقیق ارق دور اوی نیک توری دور و تور که بارچیدین ارق دور تور لغنی یا ایشیک نه
تورک اوی دور

¹ معروف означает буквы *و* и *ی*, произносящиеся как *u (y)* и *i (u)*.

² مجهول означает буквы *و* и *ی*, произносящиеся как *o* и *e*.

³ Chrestomathie en turc oriental, стр. 13; М. Л., стр. 23.

¹ Навои, Маджалис ан-Нафаис, VII меджлис.

² Там же.

То есть:

„Такова буква واوی (و) например: اوت, что значит „огонь, вещь горящая“, и اوت в значении „проходить“, اوت в повелительном смысле „выиграй в азартную игру“ и اوت, произносимое тоньше (т. е. мягче) всех, в значении „опалить шерсть, держа голову (животного) над огнем“. Еще один пример: تور, что значит „сеть“ (охотничья), и تور, произносимое мягче первого, в значении „полка для сидения птиц“, и تور, произносимое еще мягче, „передний угол дома“, и اوت, произносимое мягче всех, в смысле „узор на занавеси или двери.“¹

Навои выпукло оттенил различное произношение واوی vavi (و), которого совершенно нельзя уловить при письме на арабском алфавите. Он четко различает и совершенно ясно выделяет здесь сингармонистические варианты واوی, т. е. „мягкое“ и „твердое“ произношение гласных как u (معروفی) и o (مجهول حرکت), так и o (حرکت).

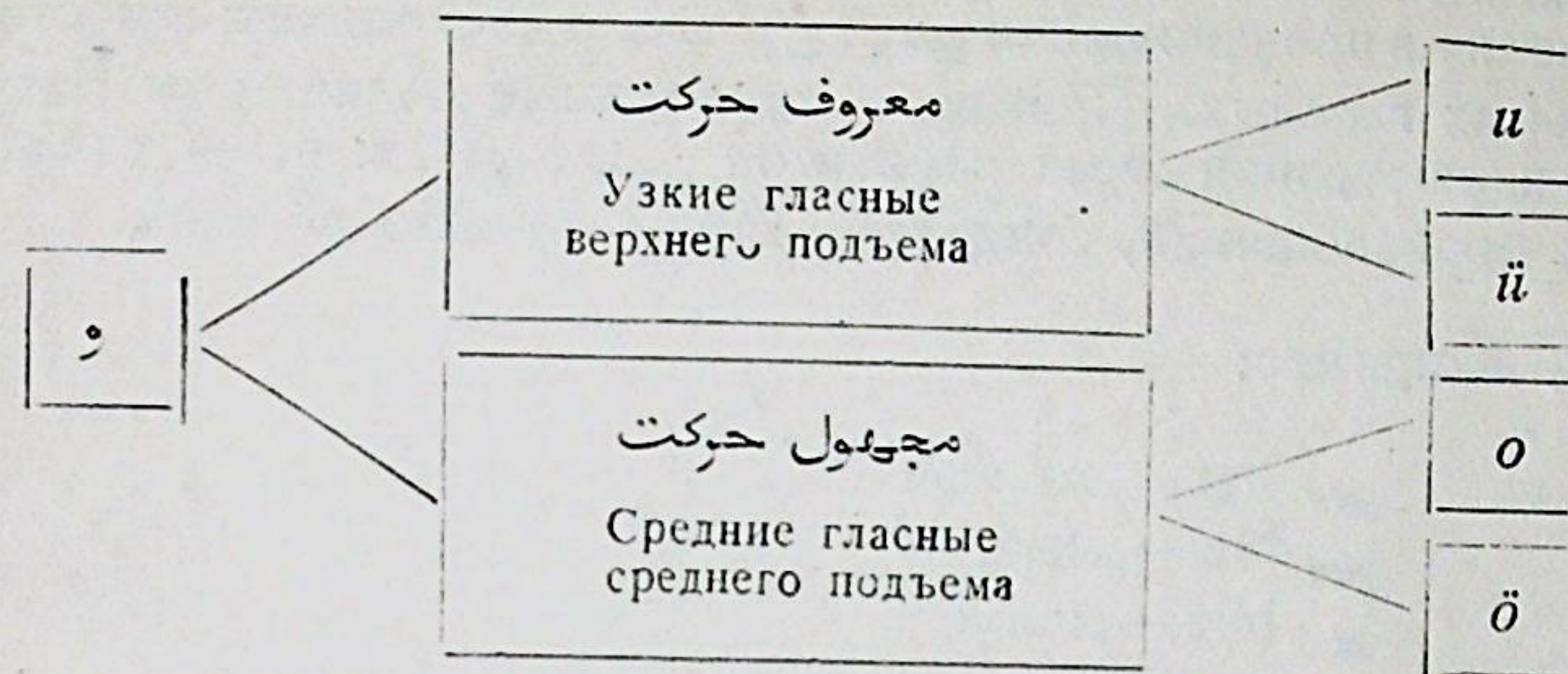
Так, например:

- اوت ot—„огонь“.
- اوت ot—в значении „проходить“.
- اوت ut—в повелительном смысле „выиграй в азартную игру“.
- اوت üt—в значении „опалить шерсть“, держа голову (животного) над огнем“.
- تور tor—„сеть“.
- تور tōr—„передний угол дома“.
- تور tur—„полка для сидения птиц“.
- تور tūr—„узор на занавеси или двери“.

Таким образом, Навои убедительно доказывает наличие в живом народном языке наряду с гласными заднего ряда o и u, их сингармонистических вариантов ö и ü.

¹ Там же, стр. 13; стр. 23—24.

Различное произношение واوی можно показать в виде следующей схемы:

Затем, выясняя различное произношение پایی, Навои указывает, что оно обозначает три различных гласных звука:

و پایی مثال اوچ حرکتین آرتوق تا بیله اسس بیز که سارت نهدودیر و بیز که ما دشمن معنی سی
بیله دور و بیز که درفش دیرلار یا تا بیر مثال تیر که تیر یک معنی سی بیله دور و تیر که اندین دین
دور اول دور که سارت آرتوق و خوی دیرلار و تیر که بار بدین آرتوق دور اوق معنی سی بیله دور

То есть

„Произношение پایی (ی) имеет не более трех вариантов: بیز bez, что по-персидски именуется قدود („железа“), и بیز biz, в значении „мы“, بیز biz, что по-персидски именуется درفش („шило“). Еще один пример: تیر ter (тэр) в значении „собирать“ и تیر ter, произносимое мягче первого, что по-персидски именуется عرق или خوی („пот“), и تیر ti:r, произносимое мягче всех в значении „стрела.“¹

Необходимо отметить, что в пояснении Навои о „трех вариантах“ پایی имеется некоторая неясность. Говоря о трех вариантах پایی, Навои не останавливается на различии гласного i по линии палатальности и непалатальности. Он не делает дифференциацию гласного i переднего ряда и заднего, как он делал это в отношении o—ö и u—ü. Здесь, по

¹ Там же, стр. 13; стр. 24.

существо, речь идет не о различном произношении одного и того же гласного, т. е. о наличии чередования по линии палатальности и непалатальности, а о различных степенях сужения в произношении **پای** (ی), т. е. о нескольких самостоятельных гласных. Примеры, приводимые Алишером Навои для иллюстрации „трех вариантов **پای** (ی)“, т. е. ее различных произношений, свидетельствуют именно об этом.

Так, например:

- بیز bez — „железа“.
 بیز biz — „мы“.
 بیز bi:z — „шило“.
 تیر ter (тэр) — „собирать, рвать“.
 تیر ter — „пот“.
 تیر ti:r — „стрела“.

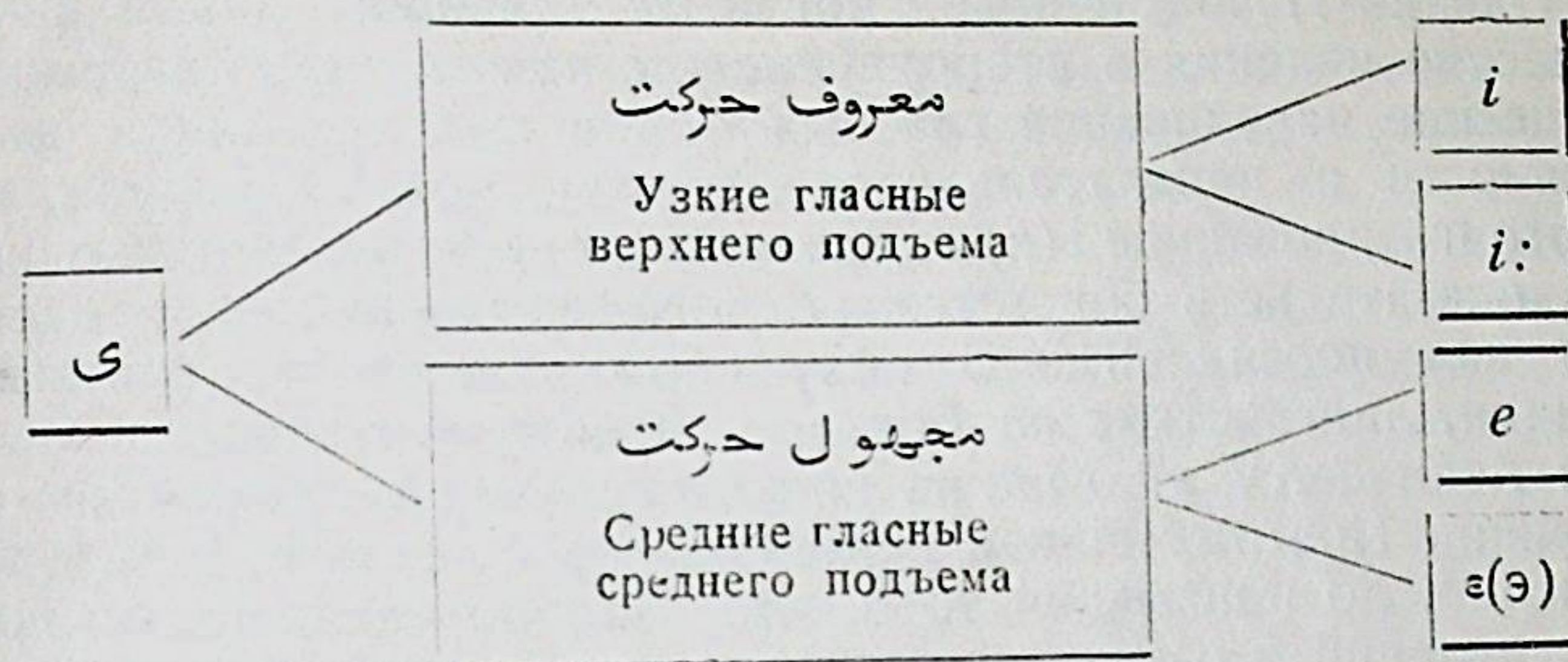
Здесь можно предположить, что в первых трех примерах Навои имел в виду, кроме гласного *e* в **بیز** bez („железа“) и гласного *i:* в **بیز** bi:z („шило“), еще гласный *i*, характерный для староузбекского языка и обозначаемый в письме через **پای** (ی), несколько менее редуцированный, чем очень беглое *i*, которое не имеет никакого буквенного обозначения в письме. А в последних трех примерах он имел в виду, как полагает и проф. А. К. Боровков, кроме гласного *i:* в **تیر** ti:r („стрела“) и гласного *e* в **تیر** ter („пот“), еще и гласный ϵ (э), несколько более закрытый, чем переднее \bar{a} , т. е. гласный средний между \bar{a} и *e*, известный в узбекских южно-хорезмских, иканском и вуадильском говорах, туркменском, азербайджанском языках.¹ В последних примерах, по существу речь идет о гласных \bar{a} , *e*, *i*, в правописании которых в эпоху Навои в Герате наблюдается, как показал акад. В. В. Радлов, резкое колебание.²

Здесь необходимо отметить еще одну неточность, допущенную Алишером Навои в пояснении **پای** (ی). Хотя он и говорит о „трех вариантах **پای**“, но примеры, приведенные им на этот счет, фактически доказывают существование не трех вариантов, а четырех, т. е. *i*, *i:*, *e*, ϵ (э).

¹А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского языка. Сборн. Института востоковедения АН СССР „Алишер Навои“ М.-Л., 1946, стр. 106.

²Там же.

Высказывания Алишера Навои по поводу **پای** (ی) можно представить следующей схемой:

Таким образом, можно предположить, что Навои, поясняя употребление **پای** (ی) в родном языке и уточняя ее различное произношение в одном и том же слове, вероятно, имел в виду выделить менее редуцированный гласный *i* в **بیز** biz („мы“), в противоположность долгому *i* (*i:*) в словах **بیز** bi:z („шило“), **تیر** ti:r („стрела“) и гласный ϵ (э) средний между \bar{a} и *e* в **تیر** ter („рвать, собирать“) в противоположность гласному *e* в словах **بیز** bez („железа“), **تیر** ter („пот“), правописание которых во всех этих словах имеет одинаковое обозначение.

Ссылаясь на то, что Навои ничего не говорит о различении гласного *i* и заднего ы-образного гласного, проф. А. К. Боровков полагает, что это свидетельствует об отсутствии чередования *i* по линии палатальности и непалатальности, поскольку Ибн-Муханна, ясно делающий различие между ними, выделял их.¹ Нам кажется, что было бы неправильно делать заключение из высказывания Навои об отсутствии такого чередования *i* в староузбекском языке. Из приведенных отрывков, как о „четырех вариантах **واوی**“, так и о „трех вариантах **پای**“ вытекает, что в основу своих доводов по данному вопросу Навои брал такие варианты, как **واوی**, так и **پای**, которые имеют семантическое значение в живом говоре народа, т. е. такие основные разновидности с точки зрения различного произношения, при помощи которых можно было бы сделать смысловые различия одного и того же слова в различных произношениях.

¹ А. К. Боровков. Цит. работа, стр. 106.

Все эти доводы Навои приводит для того, чтобы показать, что родной язык превосходит персидский даже и в отношении звукового состава.

Однако Навои неправ, когда он приводит такие фонетические явления в староузбекском языке, как сингармонистические чередования гласных *o//õ* и *u//ü* по линии палатальности и непалатальности, долгое, комбинаторное или дифтонгизированное *i(i:)* и диалектальное ɛ^{e} (э) в качестве одного из доказательств богатства родного языка и превосходства его над персидским. В силу сложившихся исторических причин, лингвистика на Востоке, преимущественно в Средней Азии в XV в. была на низком уровне, в зачаточном состоянии. Поэтому Навои недопонимал и не мог подняться, конечно, до понимания того, что наличие таких фонетических явлений в языке, как сингармонистические чередования гласных и отдельные комбинаторные и диалектальные изменения гласных свидетельствуют как раз не о богатстве языка, а, наоборот, об отсталости его, о бедности. Это обстоятельство свидетельствует о наличии множества разнообразных, диалектальных различий, а отсюда об отсутствии общего литературного языка и общего произношения в языке, что было присуще феодальной эпохе. Ярким примером ошибочности взглядов Алишера Навои является еще тот факт, что современный узбекский литературный язык не различает этих фонетических явлений, присущих дореволюционному многодиалектному узбекскому языку. Теперь они встречаются только в отдельных говорах, а в ведущих говорах узбекского языка они исчезли совсем или сохранились только некоторые их разновидности.

Однако все это нисколько не умаляет научной ценности высказываний Навои о звуковом составе староузбекского языка. Хотя в этом вопросе он преследовал совершенно другие цели, но его исследования с большой убедительностью и точностью позволяют вскрыть нам основные фонетические особенности как *واوى*, так и *پايى* и сделать некоторые предположения о составе гласных, присущих живой народной речи далекого прошлого.

Мысли Навои по данному вопросу ценны для лингвистов тем, что они дают некоторые основания определить вокализм системы гласных староузбекского языка далекого прошлого.

Навои, впервые в истории дал детально-разработанную характеристику гласных староузбекского языка. Другие лингвисты того времени, вследствие сложности и запутанности арабского алфавита, не могли этого сделать. Именно этим он положил основу для научного исследования живого староузбекского языка XV столетия.

Но, в связи с высказываниями Алишера Навои о звуковом составе староузбекского языка возникает вопрос о том, существовало ли подобное чередование гласных по линии палатальности и непалатальности, т. е. различие гласных *o // õ* и *u // ü*, также и в литературном языке той эпохи. Сказать уверенно, что такое сингармонистическое различие гласных в литературном языке существовало, мы не можем, нет для этого у нас достаточных доказательств. Навои в толковании данного вопроса, по всей вероятности, имел в виду только живую речь. Сообщение Бабура относительно языка населения города Андижана и о сходстве его с языком произведений Навои, т. е. с литературным языком того времени (если здесь нет преувеличения), дает некоторые основания предполагать, что такое различие гласных существовало не только в живой речи, но и в литературном языке той эпохи. Разбирая язык Навои, Бабур говорит, что он очень близок к андижанскому говору, несмотря на то, что большая часть жизни его протекала в Герате и Самарканде:

شهر و بازارى سيد اتركه بيلماك كشي يوقتور آيى نينك لفظى قلم برله رست تور آنه اوچون كيم ميره
عليشيره نوايه نينك مصنفاته باوجود كيم هر بيره نشونا تا بيب تور يونيل بليه دور

То есть:

„В городе и на его базарах нет человека, который не знал бы по-тюркски, язык его (города) населения сходится с письменным языком, ибо произведения Мир-Алишера Навои, хотя он родился в Герате и приобрел широкую славу, (написаны) этим языком“.

Как отмечает акад. В. В. Бартольд, по всей вероятности, эти слова должны быть понятны в том смысле, что в Андижане, как в культурном городе, говорили „правильно“, т. е. близко к литературному языку.

Если даже предположить, что Бабур подходит некритично к этому вопросу, то все же его сообщение свидетельствует, что андижанский говор в то время был одним из ведущих говоров староузбекского языка. Акад. В. В. Бартольд также отмечает, что в ту пору Андижан считался одним из крупнейших городов Ферганской долины, и язык его андижанского населения был преобладающим. Он говорит: „Андижан сделался главным городом Ферганы и сохранял это значение до XVIII века... В конце XV века Андижан отличался от

большинства ферганских городов преобладанием турецкого (т. е., тюркского. А. У.) языка¹.

Отличая различия звукового состава языка, Навои в части гласных от современных нам говоров ташкентского, бухарского и самаркандского типа, проф. А. К. Боровков говорит, что звуковой состав языка Навои может быть сопоставлен скорее с современными ферганскими говорами андижанского и ферганского типа, в которых сохраняется в частности, противопоставление гласных *o* (в Коканде) и *u* (Андижане) заднего и переднего ряда².

„Если рассматривать, — говорит, развивая свою мысль проф. А. К. Боровков, — следовательно, литературный язык Алишера Навои с точки зрения отношения к современным узбекским диалектам, то мы должны были бы отнести его к промежуточным говорам, утратившим принципиально сингармонистический уклад, но сохранившим элементы различения гласных *o* || *õ* и *u* || *ÿ*. Уточняя еще больше этот вопрос, мы можем прийти к тому заключению, что ближайшей основой литературного языка Навои был один из подвергшихся некоторому смещению говоров, родственных ферганским. Носителем группы этих говоров являются узбекские племена, населявшие при тимуридах Ферганскую долину, область Самарканда и территорию современного северного Афганистана, причем в городских центрах, несомненно, уже установился тогда и усиливался процесс языкового смещения и образования более крупных говоров³.

¹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, 1927, стр. 90.

² А. К. Боровков, Цит. работа, стр. 106.

³ А. К. Боровков, Цит. работа, стр. 106—107.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология, М., 1935.
2. Ф. Энгельс. (О разложении феодализма и развитии буржуазии). К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 440 — 450.
3. Ф. Энгельс. Франкский диалект. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 412 — 439.
4. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. О проблемах языка и мышления, М.-Л., 1933.
5. Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1937.
6. Марр Н. Я. Из грузинско-персидских литературных связей. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее, т. I, 1925.
7. Марр Н. Я. О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, М.-Л., 1934.
8. Марр Н. Я. Язык и современность, Л., 1932.
9. Аристотель. Душа, М., 1937.
10. Аристотель. Поэтика, М., 1927.
11. Античные теории языка и стиля, М.-Л., 1936.
12. Александров Г. Ф. История западноевропейской философии, М., 1946.
13. Бартольд В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сборн. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 100 — 164.
14. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
15. Белгородский Н. А. Современная персидская лексика, М.-Л., 1936.
16. Belin M. Notice biographique et litteraire sur Mir-Ali-Shir Nevâii, Journal asiatique, ser. V. t. XVII, Paris, 1861.
17. Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI — VII веков, М.-Л., 1946.
18. Бертельс Е. Э. Литература народов Средней Азии, Журн. „Новый мир“, 1939, № 6.
19. Бертельс Е. Э. Навои и Низами. Сборн. „Алишер Навои“, изд. Института востоковедения АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 68 — 91.
20. Болдырев А. Н. Алишер Навои в рассказах современников. Сборн. „Алишер Навои“, М.-Л., 1946, стр. 121 — 152.
21. Боровков А. К. Изучение жизни и творчества Алишера Навои. Сборн. „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 11 — 29.
22. Боровков А. К. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. Сборн. „Алишер Навои“, М.-Л., 1946, стр. 92 — 120.
23. Вамбери Г. История Бухары, 1873.
24. Vambery H. Sogataische Sprachstudien, Leipzig, 1867.
25. Гиргас В. Очерк грамматической системы арабов, 1873.
26. Гуковская З. В. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения, Л., 1940.

7. *Дю-Белле*. Защита и прославление французского языка. Сборн. „Литературный манифест Плеяды“, М., 1939.
28. *Жирмунский В.* Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936.
29. *Жузе Н. К.* ديوان لغات التبرک , („Дивани лугати турк“). Известия Восточного факультета Азербайджанского Гос. ун-та, Востоковедение, Баку, 1926, т. I.
30. *Ибн-Халдун*. مقدمه , турецкий перевод, Стамбул.
31. *Иоффе И. И.* Русский Ренессанс. Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, серия филологических наук, вып. 9, Л., 1946.
32. История народов Узбекистана, подготовленная Институтом истории и археологии АН УзССР, рукопись, т. I.
33. История философии, т. I, М., Изд. Института философии АН СССР, 1940.
34. История французской литературы, т. I, М.-Л., 1946.
35. *Корш Ф. Е.* Древнейший народный стих турецких племен, ЗВО, т. XIX, 1909.
36. *Меликова-Толстая С.* Античные теории художественной речи. Сборн. „Античные теории языка и стиля“, М.-Л., 1936, стр. 147—170.
37. *Мелиоранский П. М.* Араб-филолог о турецком языке, СПб, 1900.
38. *Никитский М.* Эмир Низам Эд-дин-Али-Шир, в его государственном и литературном значении, СПб, 1856.
39. *Леонардо Ольшки*. История научной литературы на новых языках, т. I, М.-Л., 1933.
40. *Потебня А. А.* Мышление и язык.
41. *W. Radloff*. Zur Geschichte des Türkischen Vokalsystems. Известия АН, 1901, т. XIV, № 4.
42. *Резников Л. О.* Проблема образования понятия в свете истории языка. Философские записки, изд. Института философии АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 179—236.
43. *Ромаскевич А. А.* Новый чагатайско-персидский словарь. Сборн. „Мир-Али-Шир“, 1928, стр. 83—99.
44. *Салье М. А.* „Книга благородных качеств“ и ее автор. Сборн. „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 170—214.
45. *Троицкий И.* Проблемы языка в античной науке. Сборн. „Античные теории языка и стиля“, М.-Л., 1936, стр. 7—30.
46. *Усманов А.* „Мухакамат ал-лугатайн“ и лингвистические воззрения Навои, „Известия УзФАН СССР“, 1940, № 3, стр. 40—52 (на узб. яз.).
47. *Усманов А.* „Суждение о двух языках“. Сборн. „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 92—100.
48. *Усманов А.* О лингвистических воззрениях Навои. Газета „Укутучилар газетаси“ от 9/IV 1941 г. (на узб. яз.).
49. *Усманов А.* Великий литературный манифест. Газета „Кзыл Узбекистан“ от 30/I 1941 г. (на узб. яз.).
50. *Шарафутдинов А.* Алишер Навои, Ташкент, 1939.
51. *Штекль А.* История средневековой философии, М., 1912.
52. *Юдахин К. К.* Материалы по вопросу о звуковом составе чагатайского языка. Сборн. „Культура и письменность Востока“, кн. IV, Баку, 1929, стр. 62—69.
53. *Якубовский А. Ю.* Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. Сборн. „Алишер Навои“, М.-Л., 1946, стр. 5—30.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ И ИХ СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. Аб.—В.В. Вельяминов-Зернов, Джагатайско-турецкий словарь („Абушка“), اللغات النمائية СПб, 1868.
2. БС — Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий т. I—II, СПб, 1868—1871.
3. VC — Н. Vambery, Cagataische Sprachstudien, Leipzig, 1867.
4. ГПР—А. Гаффаров, Персидско-русский словарь, т. I—II, М., 1914—1927.
5. РК — Pavet de Courteille, Dictionnaire turc oriental, 1870.
6. ЯПР — И. Д. Ягелло, Полный персидско-арабско-русский словарь, Ташкент, 1910.
7. РОС — В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV, СПб, 1888—1907.
8. ШС — Шейх-Сулейман, Чагатайский словарь.

ИЗДАНИЯ И РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛИШЕРА НАВОИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ДАННОЙ РАБОТЕ

1. محاكمة اللغتين , Chrestomathie en turc oriental, contenant plusieurs-ouvrages de l'Emir Ali Schir, publiés par M. Quatremere, I. fascicule, Париж, 1841, стр. 1—39.
2. محاكمة اللغتين , Бахчисарай, 1882.
3. محاكمة اللغتين , Стамбул, 1897.
4. محاكمة اللغتين , Коканд, 1917.
5. موحا كيمه تولولوغاتنهين , Ашхабад, 1925.
6. Muhakamatul-Luqatajn, Ташкент, 1940.
7. Рукопись, переписанная переписчиком Абдуль-Джамилем в 1484 г. (884 г. хиджры), хранящаяся в Институте восточных рукописей АН УзССР за № 1018.
8. Хəтсə, сокращенное издание, Ташкент, 1941.
9. حيرت الابرار , научно-критический текст, подготовленный старшим научным сотрудником Института восточных рукописей АН УзССР С. М. Муталибовым, рукопись.
10. ليلى و مجنون , научно-критический текст, подготовленный старшим научным сотрудником Института восточных рукописей АН УзССР Г. К. Каримовым, рукопись.
11. مجالس النفايس , литографское издание, Ташкент, 1903.
12. ميزان الاوزان , рукопись.
13. منشآت , Баку, 1929.
14. Həjrətul-Əvrag, Ташкент, 1941.
15. Ləjli va Məşnun, Ташкент, 1941.
16. Farhad va Şirin, Ташкент, 1940.
17. Səddi-Iskandarij, Ташкент, 1941.
18. Car devan, Ташкент, 1940.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	I—IV
I	
К истории изучения „Мухакамат ал-Лугатайн“ Навои	3
II	
О литературном языке до эпохи тимуридов	17
III	
Борьба Алишера Навои за родной язык и родную литературу	24
IV	
Вопросы языка и мышления в трактовке Навои	63
V	
Навои о лексическом богатстве и стилистическом преимуществе староузбекского языка	78
VI	
Навои о грамматической гибкости и словообразовании в староузбекском языке	97
VII	
Навои о фонетическом составе староузбекского языка	112
Использованная литература	125

Отв. редактор *В. Ю. Захидов*
 Тех. редактор *Г. Т. Кобылковский*

Р03379. Сдано в набор 7/III-48 г., подписано
 к печати 6/V-48 г., Форм. бум. 60×92^{1/16}
 Печ. лист 8,25 уч.-авт. 8,25 Тираж 2000.
 Цена в переплете 11 руб.

Ташкент, тип. Из-ва АН УзССР.
 Зак. № 1010—48 г.